Памяти Т.М. Белозёрова посвящается эта книга

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

Прииртышье, край любимый

Второе издание, переработанное и дополненное

«Птичья гавань» – природный заказник , расположен рядом с центром г. Омска

г. Омск-2009 г.

РОДИНОВЕДЕНИЕ

В начале XX-го века, в 1916 году наставник Омской учительской семинарии А.Н. Седельников издал «Учебник Родиноведения», предназначенный для школ Западно-Сибирского округа.

В предисловии он писал: «… *изучение России должно начинаться в младших классах и с родины учащихся…».* И далее – *« Не должно казаться роскошью писать учебник для одной области. Области и губернии, входящие в состав Западно-Сибирского учебного округа, представляют совершенно различные районы по природе и составу населения, а по пространству каждая из них превосходит главные государства Западной Европы…».*

И ещё: «учебник предназначен для всех средних специальных школ, для высших начальных, а в качестве пособия и для начальных школ…». Заканчивалось предисловие словами: *«… чтобы быть полезным членом своей Родины и государства, необходимо с ранних лет изучать свою родину. Изучая её, мы научимся более любить и ценить своё Отечество…».*

Сегодня в программе школ есть предмет «Краеведение», в нём, как и в **«Учебнике Родиноведения»** А Седельникова, есть разделы: «Население», «Населённые пункты (места)» с описанием исторических, экономических и статистических данных. Но в «Краеведении» явно не хватает главного ***– «научить более любить и ценить своё Отечество».***

Недавно в Омске вышел из печати уникальный, громадный труд 300 ученых: «Земля, на которой мы живём». Академики и доктора наук, профессора и кандидаты наук подробно представили Омскую область по всем направлениям. Вот уж действительно «краеведение» в самом лучшем виде! Но, к сожалению, и в этой книге мало говориться о воспитании любви к родной земле. То есть, недостаточно уделено внимание экологии, охране окружающей среды и природных ресурсов. Ведь экология – это отношение человека к Природе, в переводе слово «экология» – «Природа – наш общий дом», где человек является не хозяином, а лишь малой частицей огромного организма.

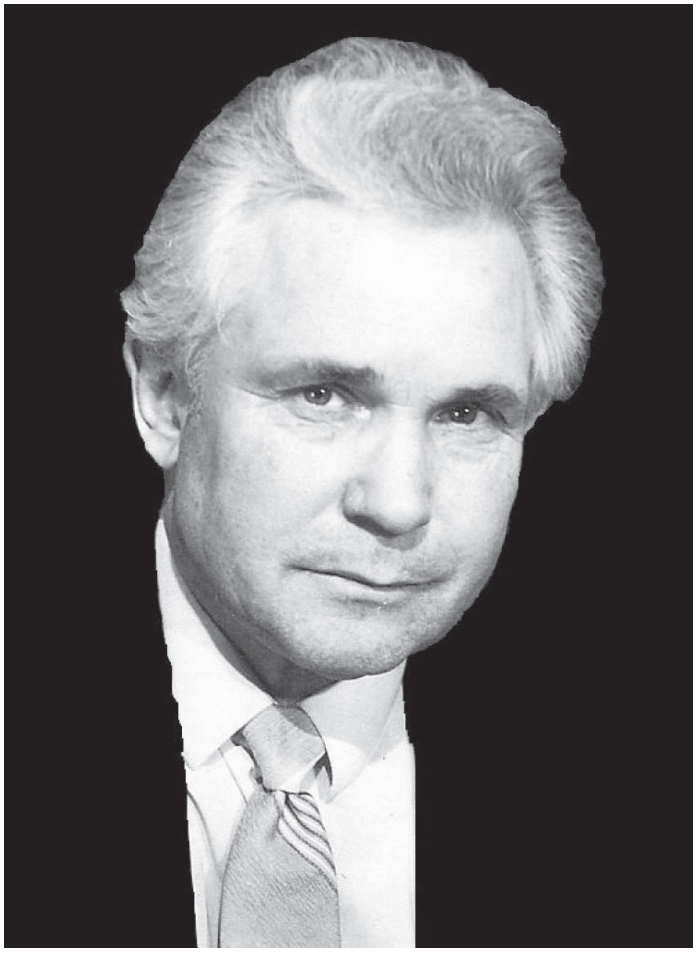
А вот творчество известного поэта Тимофея Белозёрова, собранное воедино, является прекрасным литературным учебным пособием – **«Родиноведение»**, продолжившим после учебника Александра Никитича Седельникова эту важную тему. Любовь к Природе переходит у поэта к воспитанию у читателя любви к «малой» и «большой» Родине, к понятиям не материальным, а скорее всего –духовным, нравственным, эстетическим.

Я – преданный поклонник поэтического наследия Тимофея Максимовича. В последние дни его жизни, находясь рядом с его больничной кроватью, я услышал слова. Он говорил медленно, тихо, но убедительно: *«Послушай, ты мастер спорта, но брось свои спортивные выступления. Твои творческие возможности могут дать хорошие литературные произведения, посвящённые нашей общей любви к родному Прииртышью. Сделай это… Запомни: литература – это вечное…».*

Прошли годы... К десятилетию со дня ухода Т. Белозерова, я издал книгу, посвящённую его памяти. И вот прошло ещё более десятка лет. В этом – 2009 году литературная общественность России отмечает 90-летие со дня рождения замечательного сибирского поэта. И на моём рабочем столе – издание второе, переработанное и дополненное. И как поэтический эпиграф к новой книге этот стих.

Край любимый

Прииртышье, край былинный!
Ширь озёр, разливы рек,
и простор безбрежно-синий
с детства в сердце- всё навек!
Лесостепь… Тайга… Урманы…
Край суровый, дорогой!
Здесь селились в дали ранней
предки, сильные душой!
Прииртышье, край рассветный!
Несказанно, древний край
красоты, богатств несметных-
мой земной, чудесный рай!



СОДЕРЖАНИЕ

(стихотворные циклы)

Приход весны	4-5
На солнечной завалинке	8-9
Ромашковый луг	12-13
Летний свет	16-17
Мне рыбалка-хобби	20-21
Лесной ветерок	24-25
Птичьи голоса	28-29
Хлебное поле	32-33
Грибное царство	36-37
Сельские заботы	40-41
Осенние перемены	44-45
Лесные встречи	48-49
Звериные тропы	52-53
Предзимье	56-57
Охотничьи зори	60-61
Поземка	64-65
Морозные узоры	68-69
Оттепель	72-73
Физическая закалка	76-77
Край родимый	80-81

Владимир Васильевич Зензин – автор поэтических сборников “Гори, охотничий костер”, “Время и Честь”, редактор журналов “Природа Прииртышья”, “Охота и рыболовство”, приложения к газете “Омский вестник” “Природа Прииртышья”, лауреат конкурсов среди журналистов, пишущих на экологические темы, проводимых облкомприроды.

Книга “Прииртышье, край любимый” рассказывает о птицах и зверях, о цветах и деревьях – о всем разнообразии и богатстве флоры и фауны омского Прииртышья. О нашей любви к природе, о детских первых ярких впечатлениях, остающихся с нами на всю жизнь.

Учитывая важность экологического воспитания подрастающего поколения, издание книги финансировали:

Межрегиональная ассоциации Сибирское соглашение,
Комитет по культуре и искусству администрации области,
Комитет по образованию администрации области,
Областной комитет охраны окружающей среды,
Департамент образования администрации города.

Координатор проекта Зензина Е.В.
Фотоработы: Ляпин В. Н., Гашеев В. И.
Корректор Янковская Б.А.
Свёрстано в редакции «ИГРА СВЕТА»
Тираж 3000 экз.

(ПЕРВАЯ СТРАНИЦА КНИГИ «ПРИИРТЫШЬЕ, КРАЙ ЛЮБИМЫЙ”, ВЫПУЩЕННОЙ В 1996 году.)

Данная книга была включена в школьную программу «Изучение краеведения».
(Методические рекомендации для педагогов и руководителей школ. Издание: «Омский областной институт повышения работников образования» Страница-13)

ВО ДВОРЕ

На припеке, за черным амбаром,
снег растаял – и лужи блестят.
И скворцы неразлучною парой
то на луг, то к скворечне летят.
За плетнем пахнет сеном,
навозом,
в огороде дымится ботва...
Тают копья сосулек –
с них слезы :

кап-кап-кап!...
И звенит синева!

ЗАПАХ ТАЛОГО СНЕГА…

Солнце греет трухлявые брёвна,
запах талого снега в лицо…
Глуховатая бабка Матрёна
вышла в фартуке на крыльцо.
У бычка залоснился загривок,
тычет голову прямо в ведро.
Рыжий пёс лает звонко, игриво…
Воробей смотрит с крыши хитро…
Села бабочка на солнцепёке…
В первой луже плывут облака…
На кустах ладят гнёзда сороки…
Скрип телеги и свист седока.

РАННЯЯ ВЕСНА

Нынче спорая весна –
паводок на речке.
Синь... Разливами полна
даль... Ручьи лепечут.

ПЕРВЫЙ РУЧЕЙ

Из сугроба, меж березок, под
веселый крик грачей светлой
струйкой, осторожно выплыл
маленький ручей. Робко булькает,
чихает... Осмелел – пустился
вскачь. Листья, ветки в нем играют...
Чудится то – смех, то – плач...

ВОЗВРАТИЛИСЬ

На гриве заря в талых водах
зажглась,
жнивье позолотой сверкает...
Два лебедя с кликаньем, низко
кружа,
садятся на поле, с края.
Купаются в луже и зерна клюют
усталые белые птицы,
и шеи выгнув, глоточками пьют
живую, родную водицу.
Приветствуют криком родные края,
и капли, как жемчуг, стекают с
крыла.

МАРТОВСКИМ УТРОМ

Изголодалась за зиму лиса,
уже не прячась, рыщет по
поляне.
Под настом мыши в трещинах
пищат,
там пахнет теплым летом и
дурманом.
Лиса то лапкой яростно гребет,
то слушает, склоняясь
головою...
Присядет, напружинится, вскакнет
и кажется: игру ведет с собою.
Я вижу: дышат впалые бока,
а шерстка слиплась и
бесцветной стала.
Стою в кустах... Глубокие снега
вокруг – и ветки в искорках
кристаллов.

***

У оврага сестрички – две ивы
желтым пухом слегка зацвели.
Ветер треплет им косы игриво,
слышу клич лебединый вдали.
Пахнет гнилью, увядшей травою.
Пар прозрачный плывет из
куста.
Неуютно, прохладно – не скрою,
но
такая вверху СИНЕТА!

МАРТОВСКОЙ НОЧЬЮ

В лесах – чарым, жестокий снег...
Пастись косулям худо,
и что ни шаг – то с кровью след...
В сугроб ложатся грудью...
И стайкой медленно бредут
к жилью, на огороды,
а сзади – вой... Их здесь спасут,
накормят, в лес проводят...

И.П. Шелудких

ДЕРЕВНЯ ОСТРОВНАЯ

Здесь встарь по весне
разливалась вода –
озерами даль отражалась.
На гриве высокой, где леса гряда,
деревня светло возвышалась.
Стога и кустарники плыли в воде...
Ручьи, словно малые речки,
победно журчали
под пеной везде...
Казалось: так будет навечно.
Но нынче прорыли
канал обводной,
плотины построили, гати...
И стало так грустно:
не видно весной
разливов сверкающей глади.

ТАЛАЯ ВОДА

Теплый ветер в ивах свищет.
В каждой луже – небосвод.
Нет вкусней, прохладней, чище
этих чудных талых вод.
Пью водицу из-под снега,
вытаяв во льду глазок.
Ах, какая сладость, нега –
леденцом скользит глоток!

В ТУЙСКОМ ЗАКАЗНИКЕ

Желтовата, в темных пятнах
а с ушей свисает кисть...
Когти длинные на лапах...
Не тигрица – это рысь!

ЗАКРАИНА

Скатилась талая вода
с увалов в чашу озера...
Враз растопила кромку льда
под берегом березовым.
А ивы желтые стоят
по грудь в воде...
Горит закат...

ПРИХОД ВЕСНЫ

В КОШАРИНСКОЙ ЛЯГЕ

Лес первым цветом зеленеет...
А на поляне вдалеке,
косуля, хвостиком белея,
летит в стремительном прыжке.
В мгновенье в раките исчезла –
блеснул пушистый пятачок –
как пух лебяжий, нежно-нежный
И вновь прыжок!.. Еще скачок!

НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ

ДОЛ
Полюбил я с детства луг –
в нём траву косили.
Вился речки полукруг.
И стрижи кружили…
Собирала мать в подол
землянику красную…
Лишь поздней узнал, что дол –
это луг мой ласковый!

ТРОПА
Затерялся бы, пропал
я в тайге дремучей –
но ведёт меня тропа,
а над нею – лучик!
Меж вершин – просвет в глазок,
впереди – тропа в шажок.

ПРОСЕКА
Шёл по лесу.
Впереди
вижу небо с просинью,
топоры стучат, гудки…
Люди рубят просеку.

СУХОДОЛ
Постарел водораздел,
в травах зарастает…
И разлив так обмелел –
камни выступают…

ШТИЛЬ
Ах, какая тишина!
Улеглась в проулке пыль.
Тучка чёрная видна-
так обманчив этот штиль.
Быть грозе! –
А в речке – синь,
в травах – нити паутин.

СУХОСТОЙ
На корню гниют деревья:
от болота – прель и гниль…
Раньше в воду свято верил,
а теперь – взгляд изменил!

КОВЫЛЬ
Я опять собираю ковыль,
и от ветра тебя заслоняю.
Ты поверь в серебристую быль
над курганом в неведомом крае.
Как причудлив букета ковыль?!
Для меня он – преданье пустынь.

СЕЛЬ
Грязекаменный поток
оторвав с холма карниз,
всё сметая на пути –
устремился вниз!
Снеготаянье весны…
Селевой поток
сена стог, забор и клеть
к речке поволок!

ЭРОЗИЯ
Порастрескалась земля
от жары и ветра.
Загрустили зеленя
на поляне летней.
Ссохлись, съёжились цветы,
и завяли травы.
Солнце жарит с высоты…
– Боже, ты не правый!?

ШИБЛЯК
Колет руки, колет в шею
мне шиповник так и сяк.
Но пройду я, одолею
лес с кустарником – шибляк!
И сорву на память розу,
станет взгляд мой нежно – розов!

ЯЗЫК ПРИРОДЫ

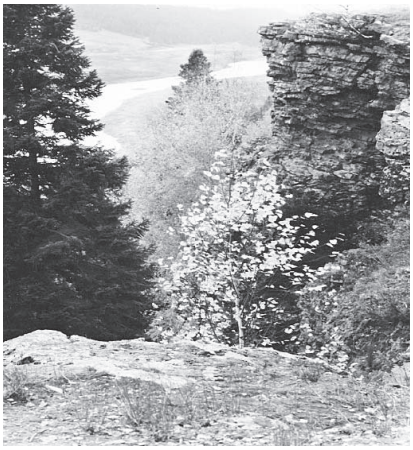
ОМШАНИК
Сосед на зиму в подвал
улья свои опускает.
– Здесь, в омшанике,
мне он сказал, –
пчелы слегка засыпают.
Оставил им в сотах мёд,
до весны улей с ним доживёт….

РОДНИЧОК
Подо льдом не спит река.
Где обрыв с сугробом –
пар идет от родничка,
струйка бьет с ознобом.
Светлоокая вода,
растекаясь лужей,
замерзает коркой льда
на январской стуже.
Не сдается родничок:
булькает… сочится…
Словно беленький сверчок
в сны к весне стучится.

ВЫГОРА
Через лес прошёл пожар –
чернота, аж страшно!
Долго будет помнить гарь
о беде вчерашней.

ПАДЬ
В овраге сыро…
Вниз сползая,
кусты цепляются, как рать.
Осел грунт, корни оголяя.
Внизу темно, угрюма падь.
Но пахнет свежестью желанной,
и плавает туман обманный.

ЧАЩА
Глубже в лес – темно и страшно.
Жерди… Плесень… Гниль
вокруг…
– Не ищи грибы ты в чаще, –
говорил мне в детстве друг.
Я с корзиной продираюсь –
пусто.
Друга вспоминаю…



КОЛОК
Рощица – как островок,
посреди стоит в степи…
В ней лисица есть, сурок.
Ястреб на ветвях сидит.
Куропаток серых стайка
села к ивам в холодок…
Под кустом прижался зайка.
Колок мой – степной лесок!

УРОЧИЩЕ
Здесь редко ступает нога
человека –
иду я тропинкой охотничьей:
тайга неприступная,
филина клекот –
богата природа урочища.
Фауну с флорой из века в век
Здесь охранял человек.

«НА ЛЕСНЫХ ЗАКРАЙКАХ» (Из книги, изданной в 2001 г.)

«...Всего несколько коротких рассказов Владимира Зензина – и перед нами раскрывается мир Таинственной Природы, от которого мы, горожане, всё больше и больше отдаляемся, лишая себя одной из самых великих радостей бытия. Этот серьезный недостаток восполняют откровения о птицах и животных, о цветах и деревьях, которые автор почти очеловечивает, проникая в их суть – чувственную, думающую и удивляющуюся.

Читая, невольно ловишь себя на мысли, что при всем этом ты сам присутствуешь, как будто бы стоишь за спиной большого знатока природы, тонко и чутко истолковывающего великие ее тайны. Рассказы Владимира Зензина трогательны любовью к Сибирскому краю, который, благодаря писателю, становится понятным, близким и родным.

Мне в детстве повезло: был такой взрослый человек, который нас, двух друзей, поднимал до утренней зорьки и вел на Иртыш ловить рыбу. С того времени у меня нет выше желания, чем выйти на реку или озеро в ранние утренние часы. И в этом плане Владимир Зензин чем-то напоминает мне мое детство и того доброго человека, который подарил мне эту любовь к природе на всю жизнь.

Удач вам на творческом пути. Пусть ваша любовь к Природе поможет ей выжить, в том числе – и с помощью молодого поколения, которому адресована книга.

В.А. Дудкин,
главный специалист Комитета по делам науки и высшей школы
Администрации Омской области.

ВЕСЕННИЙ СВЕТ

Первые краски весны

Март, первые солнечные дни. По утрам медленно рассеиваются мутные завесы, между облаков обнажаются огромные голубые проталины. К обеду все глубже синеет небо, снег в полях нагревается, сверкающие лучи, словно мечом, кромсают посеревшие сугробы. Во все стороны, до самого горизонта, проясняются дали.

Дни стали как бы выше, просторнее, длиннее. Столько новых цветов и красок принесла весна, набирающая шальную скорость. Слева, в сизой пелене, парит чернолесье, справа горит изумрудным островком зеленый сосновый бор. А впереди, в овраге, манят к себе желто-красные узоры таловых почек.

Я все дальше отхожу от деревни. Через поле, еще по-прежнему белое, пролегла потемневшая санная дорога. Местами, где ухабины и рытвины, снег вытаял, проглядывает чернота вплоть до прошлогодней травы. Рядом, из придорожных кустов, звонко тренькают синицы, по-весеннему задористо и бойко. В коноплянике, на краю межи, без умолку кричат юркие красногрудые чечетки. А вот на крайних кустах алеют румяными яблочками снегири. Они медленно перемещаются с ветки на ветку и издают свирельные выдохи-свисты, словно печальные и прощальные голоса уходящей зимы.

В моей душе отзываются грустные струнки расставания с белоснежной красавицей, одетой в иней и бахрому. Иногда суровой и вьюжной. Но такой родной и желанной.

«Прощай! Прощай!..» – звенят на сто ладов птичьи трели. Я тоже склоняю голову, прощаюсь и приветствую новые дни, весеннюю даль:

«Здравствуй, весна, желанная и звонкая. Солнечная и радостная. Где же твоя перелетная новая певчая смена: разноголосые скворцы, грачи, жаворонки...»

Еще нескоро появятся утки, кулички, чайки. А вот лебеди летят уже на первые лужицы. Их не пугает мартовский позимок. В первых числах апреля в полях наблюдается явление «Сорок сороков». Это сорок разных видов птиц спешат сейчас с юга на свой весенний праздник.

А пока по утрам все громче бьют в бубен на токах красавцы-тетерева, они прыгают и яро бормочут, вызывая соперника на брачный бой. Где-то глухари страстным крылом чертят на снегу любовные узоры, а глухарки квохчут на пригретом кочкарнике. Оживились, засвистели рябчики. Звери парами встречают утренние весенние зори. Весь мир ликует, трубит, поет…

Бал-маскарад

Наступление весны для меня рифмуется с детскими присказками: *«Апрель – скворчиная трель», «Апрель – никому не верь»* и им подобными...

Оно и понятно: в начале апреля звучат победные птичьи песни. Звонкие, радостные, торжественные – как гимн весне! Как музыкальная прелюдия к весеннему балу-маскараду.

В начале апреля отмечается птичий праздник «Сорок сороков», извещающий о прилете сорока видов птиц. И, конечно, первый из них – скворец! Лишь только оттают порыжевшие косогоры, на лугах появятся первые проталины – и черногрудые певцы тут как тут. Я люблю встречать этих птиц не у скворечников, а в потеплевших полях, на раздольных лугах. Снег повсюду нагревается, оседает. В оврагах, сугробах он становится ноздреватым, хрупким. Как капилляры, капля за каплей, в толще снега образуются маленькие ручейки. Вот уже и первые лужи, а над ними – скворчиные трели...

Набухают желтовато-золотистые ветки ив у реки, покрываются красно-коричневыми сережками кусты ольхи, раздуваются, полнеют сероватые почки осин. От проснувшихся деревьев и кустарников сквозит свежим, горьковатым и неповторимым запахом земли. Теплая вода сбегает в овражки, заполняет низины и камышовые заросли. Лебеди и гуси гортанными криками оглашают озерные дали. Следом за ними прилетают непоседливые кряквы и вездесущие кулики, Иногда еще выпадает из тучек снег, по ночам потрескивают заморозки, но солнце красное вершит свои дела. Рушатся снежные дороги, на опушке леса оживает муравейник, вылетают на припек яркие бабочки, на пень вылезает погреться ящерица.

А на гнездах сидят уже вороны, под ними, меж двух кочек, притаились сосунки, первые зайчата-настовики. Их возле своего гнезда вороны никогда не тронут. Неподалеку черный дятел-желна барабанит в сушняке, на лесных полянках идут брачные бои тетеревов.

С каждым днем, волна за волной прибывают с юга птицы разных пород. В ярком, красочном оперении собираются в птичьи базары на огромных разливах. Красавцы-селезни то там, то здесь проводят турнирные бои за право быть рядом с самкой.

Мне все это представляется как настоящий весенний бал-маскарад. И даже ночью не стихают птичьи голоса. Природа ликует, неистовствует в своей жизнерадостности и любви, в стремлении к неизбывности, к вечности…А вот на поляне и первые подснежники. И я благодарно вспоминаю слова моей мамы: *«Апрель – не холоднее марта, не теплее мая, но самый долгожданный месяц весны...»*

Ночная птица

Стемнело окончательно. Я возвращался с рыбалки, впереди бежала моя вездесущая рыжая Каштанка. Березы по краям просеки слились в единую темную стену, и только дорога, как узкий тоннель, слабо проглядывала на фоне уже звездного неба.

Вдруг впереди, над самой землей, мелькнула маленькая, едва заметная тень. Не сразу и определишь: или зверек какой пробежал, или низко так пролетела запоздалая птаха.

Каштанка рьяно бросилась вперёд, затем прыгнула в кусты. Но тень снова промелькнула невдалеке над дорогой, и собака – следом за ней. Так повторилось трижды. И только на четвертый раз я зорким мальчишеским глазом рассмотрел небольшую легкокрылую птаху.

Пришел домой и рассказал деду Ипату.

– Эта птичка – козодой, не простая, а ночная. Она – серенькая, с длинным хвостиком и белыми пятнами на крайних перьях. Ее песни и странные вскрики ночами, с громким хлопаньем крыльев, пугают запоздалых путников. Даже от неожиданности вызывают дрожь у бывалых охотников и рыбаков. Она – очень забавная птаха, особенная.

...Прошли десятки лет. В моих ночных странствиях по глухим лесам и полям в бессонную тишину постоянно врывались песни и крики козодоя. И что особенно приятно: я хотя и вздрагивал, но в то же время радовался, понимая, что в ночном просторе бодрствую не один. Что со мной вместе, где-то рядом не спит малая забавная птаха – козодой.

Как-то в одном поэтическом сборнике прочитал: *«Ночная болотная птица наносит тепло от дорог...».*

Какой-то поэт, наверное, пробовал описать козодоя.

В последние годы особенно мне полюбилось в конце апреля на вырубке или у лесной поляны слушать первые брачные песни козодоя. Нежные и страстные, они заканчивались таинственным протяжным урчанием птицы-невидимки. А видеть днем мне ее доводилось очень и очень редко. Такая она скрытная, осторожная. Если даже где-то близко сидит, разглядеть – трудно, даже охотнику.

НА СОЛНЦЕПЁКЕ

А на завалинке у дома,
за ветром – тишь и благодать.

Сижу на солнцепеке... Дрема
мой взгляд пытается застлать.
Прищурившись, слежу как ветка
качает почки-лепестки,
как кот крадется незаметно
к плетню...
Присел: и вмиг – прыжки!..
Расправив крылья, на припеке
сверкает бабочка огнем...
К скворечне на шесте высоком
скворцы несут пушинки в дом.

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Осколки белых льдин на берегу
играют хрусталем, горят лучами.
Я, радостный, с веслом к реке бегу,
сверкает лодка черными боками.
Мы с дедом конопатили вчера,
пазы кипящим варом пооблили...
И вот, я в лодке, и кричу: “Ура!..”
Гребу против теченья что есть силы!

ВЕСЕННИЕ СПОРЫ

Вальдшнеп – лесной куличок,
квохчет над тихой поляной.
Красавец, драчун-петушок
кружит в рассвете туманном.
Маховых перьев изгиб
рассвечен лучами...
Навстречу – соперник:
бой в ярости сшиб
друг с другом их
в споре извечном!

НА БЕЛОЙ ГРИВЕ

Ликует лес!...
Ручьи – в лучах зари,
а день назад белели
здесь сугробы.
В овраге серебром вода искрит,
а почки вербы –
злато высшей пробы!
В рассветной дымке, прямо на меже
два косача в зазывном иступленье,
как в бубен бьют, ярятся...И уже
крылами хлещут,
рвутся в наступленье.

НА РАЗЛИВАХ

Майский ветер освежает –
нежит губы, щёки, лоб…
В ручейке вода живая
о любви поёт взахлёб!

РОДНАЯ СТОРОНА

Обмелели берега
Оши – узкой речки...
На лугах видны стога,
дым костра - колечком.
Ивы у пруда грустят,
заросли дорожки...
Провода вверху звенят
песнею тревожной.
Скотный двор и городьба
бедных огородов...
Брошенной стоит изба –
в окнах тени бродят.

ВСТРЕЧА С БАРСУКОМ

Белые и черные полоски
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой
березкой
Я дивлюсь на лабиринт траншей!
Поископана вокруг поляна,
свежий грунт... Вот старая нора...
– Как подземный замок ?!
Очень странно...
Вечереет, мне домой пора.

ТРИШКИН УВАЛ

С детства я тебя познал:
лес на склонах, травы...
Возвышался ты, увал,
гривой величавой!
В согре, под горой, смородина –
запах чудный, запах Родины!

***

Налетел горячий ветер –
пыль, как облачко, скрутил.
Раскачал у ивы ветви.
Вдоль по речке прокатил.
Рябь осталась на воде...
Прошумел - и нет нигде.
Только долго в черной тучке,
что над лесом проплыла,
бился майский гром могучий,
закусивши удила.

ЗАТОР

Льдины мчат во весь опор
по реке могучей…
У моста опять затор –
льдины сбились в кучу!
Треск и скрежет…
Ледокол
жмёт, гудит призывно.
С хода глыбы расколол!..
Волны плещут зыбко.

***

Тучка холодком пахнула,
писк и крик с кустов смахнула.
Зашумела ветерком
над березовым листком.
Потемнел полдневный луг.
Слышен цокот – капель стук.

НА СОЛНЕЧНОЙ ЗАВАЛЕНКЕ

В НОЧНОМ

Звездной ночью у обрыва
в тьме звенит, поет родник.
Тени мечутся пугливо
от костра через тальник.
Слышен говор, лай и ржанье...
Крышки стук на котелке...
В ясном небе – звезд мерцанье,
яркий свет костра – в реке.

ДЕРЕВЕНСКАЯ РОЩА

Два грача из старых веток
на березке строят дом.
Майский день над ними, светлый,
смотрит солнышком в гнездо...
Утомились... чистят перья,
к людям полные доверья!

ОГНЕВОЙ ЗАКАТ

Золотые плывут облака...
Золотистые блики на речке.
Рыжие у лошадок бока,
порыжели все спины овечьи.
С красным блеском горшки на
плетне.
Огненные над крышами трубы...
Заалела рубашка на мне,
покраснели собачьи губы...

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Гром разразился майской ночью,
и долго длился страшный гул,
он с перекатами так мощно
лес сотрясал и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел постичь
небесной силы позывные,
природы дикой тайный клич.

Я ВИДЕЛ САМ

С красно-бурою окраской
на меже, где чистотел
притаилась хитро ласка...
Глупый суслик осмелел.
Только вылез он из норки –
ласка хвать его проворно!
Удивила меня ласка!
А на вид зверек так ласков...

ЛИВЕНЬ

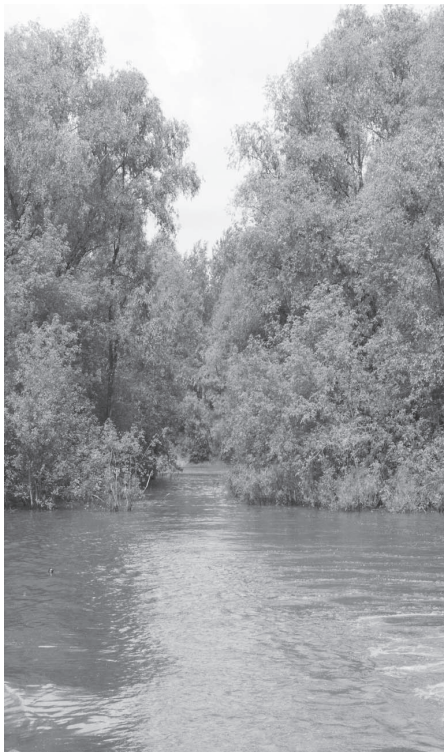
Ветер к ночи разгулялся,
зашумел прибрежный лес.
Мрак угрюмо надвигался –
с треском, свистом –
в душу лез…
Вся палатка трепыхала
птицей с раненым крылом.
Молния вблизи сверкала
и ревел медведем гром.
И – внезапно – водопадом
ливень хлынул с высоты…
Тяжестью своей громадной
смял палатку и кусты.

***

Играют дети в прятки
грачи летят на луг...
Проклюнулся на грядках
в зеленых стрелках лук.
Дед ладит топорище
на лавке у крыльца,
а над скворечней свищут
два радостных скворца.
На кольях банки, крынки
искрятся, как слюда...
О чем-то, о старинном
поют мне провода.

ДЕДУ – 90 ЛЕТ…

В небе майском – синий свет…
Деду – девяносто лет…



В валенках и телогрейке
на завалинке сидит.
Яркий луч лоб, щёки греет.
Дед о прошлом говорит…
Из газеты самокрутку
ладит долго, не спеша.
И, в прищуре, оком мудрым
смотрит в воды Иртыша.
Он – рыбак, большой мастак!..
Говорит: «Уж, всё не так…
нету рыбы… обмелело…
страсть к рыбалке – охладела…»

ЖЕЛАННЫЙ МАЙ

Широким плёсом разлилась река,
над старицей ветвей виток
зелёный.
А дальше – берег с желтизной песка,
разлив – и стаи птиц…
Их клич влюблённый.
Желанный май!.
Промчался ледоход,
В овраге расцвели, желтея, ивы…
… Вот показался белый теплоход –
И слышу я гудок, такой счастливый.

д. Бородинка

НАЧАЛО МАЯ

В воде острова…
И на радость грачам
ивы вовсю расцвели,
а у фарватеров вновь по ночам
бакены ярко зажглись.
Ранний рассвет…
Набережной иду
от гостиницы «Омск» до моста.
Вода день за днём прибывает…
Плывут
осколки последнего льда.
В сваи бетонные бьётся волна,
крутит вьюны под мостом…
Прёт половодье…
Река так сильна –
как щепкой, играет бревном.

В ГОД СОБАКИ

Рекс – лохматый, верный друг –
пёсик мой любимый…
Слышу сердца близкий стук,
мы – неразделимы.
Приобняв его, я горд,
тем, что с ним общаюсь.
Наша дружба не на год –
твёрдо обещаю.
Лижет Рекс мою ладонь,
нос его чуть влажен.
Знают все: меня не тронь,
рядом зверь отважный.

ЗАВАЛИНКА

Клочок земли под окнами избы
порос травой –
осыпалась завалинка...
Здесь куры лунки с пухом наскребли,
и башмачок лежит в пыли,
заваленный.
Углы избы прогнили и сквозят,
без стекол окна. Пусто и тоскливо...
А в небе синем журавли трубят,
и слышен крик мальчишек у разлива.

ПЕРЕЛЕТ ПТИЦ

Весенние игры

Странно мне видеть на дачах вороньи и сорочьи гнезда. Птицы ведут себя тихо, робко, незаметно. Вокруг снуют люди, гудят машины. Птиц, вроде бы, и вовсе нет. А вот в лесу...

...Когда я еще мальчишкой шастал по лесам, лазал по деревьям, охотился на токовищах, то усвоил твердое правило: у зверей и птиц есть свои территории. Места гнездования и звериные норы строго охраняются их хозяевами.

В начале апреля, возвращаясь с тетеревиного тока, когда в кустах еще лежал серый, мокрый снег, в березовом колке на высокой гриве я увидел на макушке дерева воронье гнездо. Рядом на ветках сидела пара ворон. Самец, вытягивая шею и приседая, словно кланяясь, все ближе и ближе пододвигался к своей подруге.

Та, щелкая клювом, каркая, игриво отскочила в сторону. Взлетела вверх. Самец – за ней. Самка поднялась на большую высоту и вдруг, сложив крылья, сорвалась в штопор. Ввинчиваясь в теплый весенний воздух, она быстро приближалась к земле. Самец, словно пытаясь ее догнать, неотступно несся следом. У самой земли вороны сделали разворот и вновь ринулись вверх, догоняя и обгоняя друг друга...

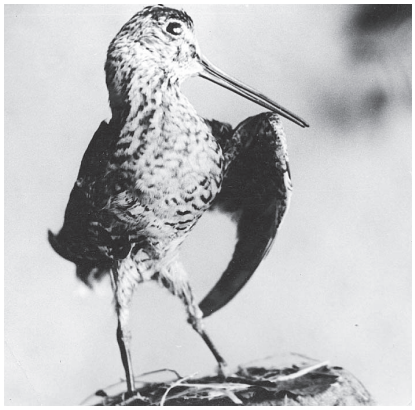
Так повторилось несколько раз. Видимо, насладившись игрой и устав, птицы приземлились на черную проталину посреди лесной поляны. Окуная клювы в лужицу, они чистили перья на крыльях и грудках и, тихонько, хрипло каркая, разговаривали меж собой.

Недолго думая, я вскарабкался на дерево и заглянул в гнездо. На сухих веточках, выстланных мягкой травой и перьями, лежало одно яйцо. Грязно-зеленого цвета, с густыми темно-серыми разводами, оно мне показалось смешным и немного неприятным. Вороны сразу подлетели к дереву и, истошно, зло каркая, близко засновали, закружили вокруг меня. Казалось, вот-вот самец ударит крылом по моей голове.

Я поспешно слез с дерева и быстро удалился, сопровождаемый резким и громким птичьим криком. Через три дня, проходя мимо, не вытерпел и из любопытства снова взобрался к гнезду. В нем лежало уже четыре яйца.

И так же внезапно откуда-то появились вороны и яростно бросились в мою сторону.

…А еще два дня спустя, при подходе к березовому колку, я издали заметил на крайнем дереве самца. Внимательно приглядевшись к гнезду, увидел торчащий из него вороний хвост. Все, значит, самка уже высиживает птенцов, беспокоить ее нельзя: вылетит, а яйца остынут. Стараясь незаметно уйти, огибаю колок, но страж гнезда – самец заметил меня, взвился в воздух и, громко крича, закружил надо мной.



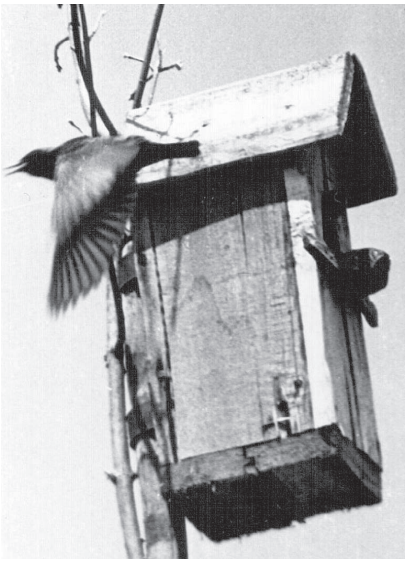
«Молодец, защитник», – подумал я, невольно гордясь своим знакомым.

Недели три прошло, и я вновь случайно оказался в березовом колке. Не подходя близко, я увидел, как обе вороны поочередно подлетали к гнезду, неся в клюве разный корм. Они подолгу сидели на краю гнезда, из которого высовывались головы птенцов. Я представлял, как разговаривают со своими желторотиками строгие родители.

И только в средине мая мой путь снова пересекся с березовым колком. На лесной поляне я увидел стайку ворон. Птицы ходили по траве, клевали букашек, громко каркали. Подойдя поближе, различил: две яркочёрных – старых, и пять серых – молодых. Не вытерпев моего присутствия, стайка взлетела и расселась на деревьях. Один вороненок, самый слабенький, долго усаживался на нижнюю ветку…

Маленький скворечник

Сын соседей по даче, мальчик Мишка сам изготовил скворечник, а дед Андрей помог приладить его над крышей садового домика. Сколько же радости было у мальчишки, когда в домике поселилась супружеская чета скворцов.



В начале июня появились птенцы, которые громко пищали, а скворцы целыми днями таскали им корм. Миша мог часами наблюдать за скворчатами, высовывавшими головы из окна скворечника. Но вскоре приключилась беда: один скворчонок выпал и разбился насмерть.

Миша долго плакал над неподвижным птенцом, у которого только начали отрастать крылышки. Мальчик выкопал в уголке сада ямку и похоронил его.

Через день несчастный случай произошел со вторым птенчиком. Мишка, уткнувшись со слезами в колени деда Андрея, спрашивал:

– *Ну, деда, почему все это так?..*

Дед, гладя по вихрастой голове внучка, признался: – *Это я виноват. Когда ты сколачивал скворечник, тебе вовремя не подсказал, что домик очень мал. Скворчата в нем вынуждены сидеть друг на друге, в два-три этажа. Им очень тесно. И верхние могут выпасть запросто из отверстия. Ничего, не плачь. На следующий год мы с тобой сделаем большой птичий домик, просторный...*

Апрельские зайцы

Я неторопливо пробирался через согру, перепрыгивая с кочки на кочку. Зорька была прохладной. Просидел часа два в шалаше на тетеревином току, но косачи на этот раз почему-то слетелись на другую поляну и токовали от меня метров за триста. Теперь без дороги , напрямую, топаю домой.

Миновал осинник, вошел в березовый лес. Слева и справа простиралась низина, залитая сверкающей талой водой. Солнце поднялось высоко. Пригрело. От быстрой ходьбы вспотел, захотелось пить. В таловом кусту сохранился серый бугорок мокрого снега. Раздвинул ветки, пролез. Разгреб ладонью снег – образовалась лунка. Она сразу же наполнилась светлой водой. Нагнулся и пью – холодную, чистую. Не надо и березового сока.

Решил передохнуть. Сел под толстой березой, вытянув ноги и подставив лицо солнечным лучам. Сижу, вдыхая разгоряченными ноздрями резкие запахи леса: аромат прошлогодней травы, смешанный с терпким привкусом почек смородины и ивы. Рядом со щекой по стволу ползут несколько муравьев, они карабкаются зачем-то вверх. Бабочка с оранжевыми крыльями подлетела и села на черный пень. Где-то неподалеку тенькает пичуга.

И вдруг за спиной я услышал всплески и шорохи. Немного повернув голову и скосив глаза, увидел двух зайцев. Метрах в сорока от меня они пересекали глубокую лужу. Короткими прыжками, словно ковыляя, мокрые и серенькие, достигли сухого бугорка и уселись. Клочья невылинявшей шерсти торчали на тощих боках, сзади, рядом с короткими хвостиками, свисали большие смятые портки. На ляжках болтались грязно-серые отрепья. Не зайцы – уроды.

Закрытый от них стволом березы, скосив глаза, продолжаю наблюдать, как два серых зверька, греясь на солнышке, тычутся друг в друга носами. Вот ближний ко мне начал тереться о тоненькую березку, вначале одним боком, затем вторым. Ясно: обдирает старую шерсть. Второй зверёк (а это наверняка была самка, низкая и пузатая) стал задней лапой расчесывать свою шею.

Неподалеку появилась пара диких уток. Кряква громко закричала, низко пролетая почти над самыми зайцами. Косые плотно прижались к земле, а когда утки пролетели, сделали несколько скачков в мою сторону. Прыгали они устало и тяжело. Не зря мне сразу показалось необычным, как они ковыляли. В последние дни вокруг царит половодье, передвигаться и искать пищу им непросто. Да и зима нынешняя оказалась долгой и морозной.

Брюхатая самка некоторое время стояла на задних лапах, навострив уши, затем присела. Заяц-самец приблизился к ней вплотную и снова начал облизывать ее мордочку. Настолько ласково и трогательно, что я подумал: *«Наверное, и звери, когда им бывает трудно, становятся более заботливыми друг к другу»*.

Так, незамеченный, я просидел еще минут десять, любуясь странными зайчишками. Часто и раньше я видел «косых» летом и зимой. Быстрые, легкие, пушистые – они стремительно убегали вдаль, почти не касаясь ногами земли. А этих мне не хотелось пугать, хотя и пора идти. Я взял сухую веточку и стукнул по дереву. Зайцы поднялись на задние лапы, покрутили головами, расставив вверх свои большие уши.

Затем, медленно ковыляя, маленькими скачками стали удаляться в другую сторону. Явно они заметили меня, но как-то спокойно отнеслись к моему присутствию. Долго-долго я провожал их взглядом. Издали они показались мне похожими на серых ягнят.

Встав, взял свою берданку, стоявшую у дерева, повесил на плечо. У меня в голове даже не возникло мысли охотиться на таких удивительно странных, беспомощных зверьков. Тем паче стрелять в брюхатую самку весной – это считалось в деревне преступлением. Не поднимется рука у настоящего охотника и на зайца-самца, когда тот в таком жалком виде.

Другое дело – токующий, воинственный красавец-тетерев.

ПОДСНЕЖНИК

Еще снега в чащобе непролазной,
еще поземка по ночам метет,
а вот сегодня(я приметил сразу)
цветочек белый меж кустов цветет.
Иду поближе...
Он, гордец – подснежник.
Вобрав в себя горячие лучи,
все лепестки раскрыл...
Красивый, нежный –
сияет...
А вокруг журчат ручьи.

***

Ромашковый луг, и гусята на нем.
Теленок на привязи бродит...
Галка с разлета, играя крылом,
пикирует – это к погоде.
Речки слепящей большой полукруг,
с песчаной косой и мостками.
Каскадами – брызги!
Мелькание рук,
с мальчишескими голосами.

***

Плеск воды над колодиной,
горький привкус осин
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный, –
я в весеннем лесу...
Как дары от природы,
сноп медунок несу...

***

Жаворонок в небе майском
песенку мне пел,
и качаясь, словно маятник,
под облаком висел...
Как на ниточке висел!..
Долго слушал я, смотрел...
А потом сложил он крылья –
Камнем вниз – и в травах скрылся.

ИЗЛУЧИНА

В воде играют солнца лучики,
бежит река за поворот.
Полукольцом искрит излучина,
в ней остров с ивами встаёт.

РАЗВЕДРИЛО

Ясный, солнечный денек
снова над деревней...
Ведро – словно огонек
из наречий древних.

ПОИСК КОНЯ

Иду напрямик через длинный овраг,
обдираясь в шиповнике плотном.
Занозисты ветки, неровен мой шаг...
И ряскою пахнет болотной.
На дне же оврага звенит ручеек,
лук дикий, в воде – камышинки...
А вот – троелистка, а вот – василек...
И рябчиков всюду пушинки.
В высокой, немятой траве – тишина.
И таинством древним пахнуло со дна.

***

Горицвет весенний, желтый,
как подснежник, ясно светит...
Травянистым выстлан шелком
влажный луг в начале лета.
Пусть апрель в ночах прохладен,
и в овраге – серый снег.
Горицвет, меня обрадуй,
подари мне летний цвет!

***

Кувшинка чисто белая
на старице цветет,
и на листочке-лодочке
качается, плывет.
Заря слегка румянится
над тихою рекой,
кувшиночка снежинкой
блестит передо мной.

ЛУННЫЙ СВЕТ

В небе меж тучками вышла луна
и осветила речушку до дна:
белые рыбки неслышно скользят…
блеклые травы задумчиво спят…
Грустные листья поникших берез
в капельках светлых мерцающих рос…
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норок сидят.
В белой, хрустящей одежде я сам…
Всюду бело – даже больно глазам!

***

Лилия кудреватая
мне качнулась в лицо,
лепестки ее красные
сжались в полукольцо.
Посредине цветочка
копошится пчела...
Оглянулся. Тропинка
в хвойный лес привела.

***

Под забором, где крапива да лопух,
у крапивницы в гнезде уложен пух.
Как в теплице, в этом крохотном раю
три птенца таращат клювы на краю.
Желторотые, смешные враз пищат:
“Где ты, мама,
прилетай скорей назад !»

***

Марьин корень, пион розоватый
лепестками неслышно дрожит.
Из оврага, из тьмы сыроватой
он на солнышко снизу глядит.
Май прошел, а тепла еще мало,
но цветок излучает свет алый!

***

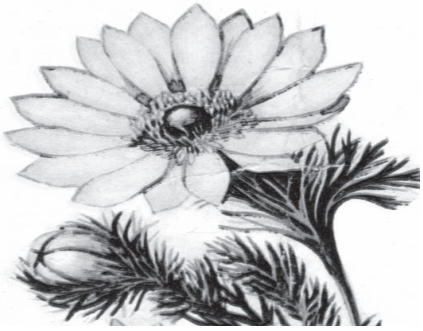
На ромашковом лугу
веселится лето.
С удочкою я бегу
в синеве рассветной.
Котелок звенит в руке,
мне рыбалка – “хобби”.
Наш бычок на поводке
по лужайке бродит...

РОМАШКОВЫЙ ЛУГ

***

На лугу меж ивами мерцает
старицы серебряный рукав...
Ряской, камышом он зарастает.
Берег в мягких травах, как в коврах.
Отражаются в воде сонливой
белые, как льдины, облака...
От кувшинок тихий блеск
игривый...
Далеко за дамбой синь-река.

п. Кушайлы



ЗАРЕЧЬЕ

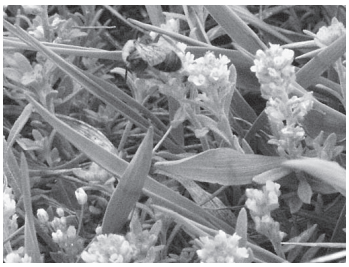
Вернулся вновь домой, в заречье,
и понимаю: здесь, в тиши
меня природа нежит, лечит...
Рукав протоки – часть души!
За огородом синь речная
два облака в воде качает...

***

В траве высокой и густой
поёт пчела о тёплом лете…
Плывёт малиновый настой
в сиреневом рассвете.
– О чём же плачешь птичка, ты?..
Гнезда я не затрону,
птенцам желаю подрасти –
взлететь в простор зелёный.
Я сам, как маленький птенец,
– голодный, босоногий…
И с фронта не придёт отец,
не стукнет у порога…
Листва над самой головой
лепечет…
Плачет птичка…
Я, конопатый и смешной
вхожу в лес земляничный!

МАЙСКАЯ ГРОЗА

Дождь бил в лицо в порывах ветра…
С небес катился грозный гул…
Я с края рощи встал под ветви –
день майский в сумрак потонул.
Прошли минуты…
Ливень схлынул,
скатились тучи за леса…
До блеска рощу дождик вымыл,
и капли с листиков висят.
Вмиг солнце брызнуло лучами,
зацвёл и заискрил простор!..
Очнулись птицы, закричали –
и в грудь мою вошёл восторг!.



В СИНЕОКОЙ КУПЕЛИ

Звень-звень-звень! – распевает
скворушка.
Жур-жур-жур!– подпевают ручьи…
Ни заботы тебе и ни горюшка
на лице отогретой земли.
Гуль-гуль-гуль! – в небесах
синеоких…
Тук-тук-тук! – зачастило в груди!..
Верю в наши с тобой недалёкие
встречи светлые впереди.
Тинь-тинь-тинь! –
капли с крыши запели…
Чив-чив-чив! – нараспев воробьи…
В солнечной синеокой капели
всё живое поёт о любви!

ВЕЧЕРНЯЯ ЛИНЕЙКА

В сосновых лапах прячется заря,
играет горн, и в так под барабаны
идут колонны… И лучи горят
на галстуках…
И лица всех румяны.
Мне в детстве не пришлось
шагать в строю
под знаменем, салют неся высоко,
а потому вдвойне благодарю
я этот миг, что пролетает около.
Серьёзны лица девочек – верны
своей присяге… Мальчики – тем
более……Опущен флаг.
И наплывают сны
над затихающем в тумане полем.
Труба трубит отбой –
всем на покой…
Кому-то, вдруг,
приснится дом и мама,
но утром – не попросится домой…
Лишь губы подожмёт еще упрямей.

пионерлагерь «Красноярка»

ДОЖДЬ И МНЕ ЛИЦО ОМЫЛ…

Дождь летел, плясал и пел
меж берёз высоких…
Рад дождинкам чистотел
и овёс поблекший.
Куст смородины блестит
ягодою чёрной…
Чудо-радуга висит
в стороне озёрной.
Дождь и мне лицо омыл.
Солнышко вновь греет…
Жаворонок в небо взмыл,
рассыпая трели.

БУРЁНКА

Жуёт корова жвачку не спеша,
на солнышке апрельском вольно
дышит,
под крик гусиной стаи с Иртыша…
Ей чудится:
на луг зелёный вышла…
Но луг пока в разливах, пуст и
жёлт…
Скрипит пустой сенник открытой
дверкой,
а солнце припекает, даже – жжёт!
И взгляд коровьих глаз смирён,
доверчив.
Облизывая тощие бока
шершавым языком, глядит бурёнка –
как летним блеском светят облака,
как скворушка поёт на ветке звонко.

***

В вечерней дымке на Иртыш гляжу:
в нем отразились облака и ветка,
огни моста...
И бакен красный светит...
И даже серпик лунный нахожу.
Спокойна гладь. На быстрине –
вьюны...
Как в зеркале, читаю вечер тихий.
Но вдруг моторка с буруном волны
возникла – и промчалась с треском,
лихо.

ВОЛОК

Путь по речке наш далёк…
Мель – что может хуже?
Волок – значит, поволок
лодку я по суше.
Вновь заторы – то бобры
строят здесь плотины.
Звери умны и хитры,
мы же- горбим спины.

ВАСИЛЕК

У дороги синий василёчек
головой кивает мне, зовет...
А июльский теплый ветерочек
в листиках его поет, поет...
Подойду, и наклонюсь с приветом,
приголублю синий огонек,
расскажу ему лишь по секрету,
как давным-давно я одинок.

ВЕСЕННИЕ ЗОРИ

Необычный подснежник

Спроси любого: *«Знаешь ли подснежник?»* – и получишь утвердительный ответ. Мне, деревенскому пацану, особенно нравились эти первые цветы. На полянах и опушках, в редком березняке, на пятачках оттаявшей земли меня всегда восхищали эти нежно-светлые, абсолютно белые или желтоватые роскошные цветы. Они – как первая любовь!

После окончания института, работая в обкоме профсоюзов Тюмени, я в составе одной комиссии приехал в отдаленный от города пионерский лагерь. Середина апреля. В сосновом бору еще лежал снег, а на просеке уже расцвели светло-фиолетовые необычные цветы.

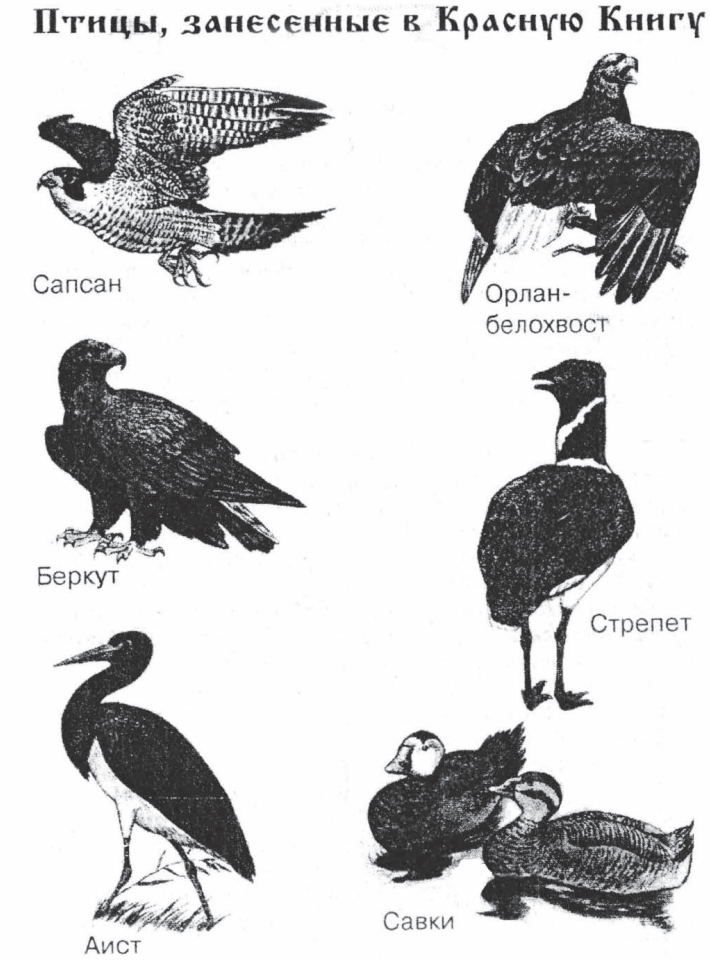
– *Посмотрите, подснежники!* – воскликнула шедшая рядом со мной девушка.

Я недоверчиво посмотрел в ее глаза и возразил: – *Они же не белы и не желтые, а красноватые.*

Тогда она представилась, назвав себя педагогом-биологом одной из средних школ, и смущенно улыбнулась.

– *Эти цветы вообще-то называются «Сон-трава», их у нас в стране насчитывается 27 разновидностей. А подснежниками их зовут, как и многие другие цветы, потому, что они растут сразу из-под снега,* – с удовольствием поведала девушка, несколько отстав со мной от степенных дядей, остальных членов нашей комиссии.

Моя попутчица охотно просвещала меня, подсказывая, что «Мать-мачеха», «Хохлатки», «Пролески» – все те же подснежники. И что цветы «Сон-трава» имеют разнообразную окраску – розовую, желтоватую, белую, черно-красную. Они интересно растут. Вначале из земли появляется мохнатое фиолетовое колокольце. Его забавно называют «Прострел». Вскоре цветок раскрывается, и появляется шестилучевая яркая звездочка, в центре которой красуется пучок желтых тычинок...



При подходе к пионерским корпусам, заканчивая повествование, девушка добавила:

– *Цветы эти занесены в «Красную книгу», о них сложены легенды. Существует поверье: люди, попадая на поляну, часто засыпают от испарений этих цветов. Они ведь немного ядовиты...*

Весь день составляя акты готовности пионерских корпусов к приему, я забыл разговор. Вернувшись вечером в город, нашел старенький словарь Владимира Даля, надеясь узнать что-то более конкретное, определенное. Но в нём прочитал: «Подснежники – довольно общее название. Это и Горицвет, Заячий мак, Стародубка, Расходник, Самсончик, Разлапушник и ещё другие, растущие одновременно с таяньем снега».

Прочитал и взгрустнул. Ведь мне так хотелось, чтобы мои любимые с детства белые цветы, так похожие цветом на снег и кору молодых березок, были бы единственными подснежниками Сибирского края.

Кряква в сорочьем гнезде

Прошедшая зима была многоснежной, и весенние паводки залили низины, луга, болотца. Найти пятачок сухого места в лесу, на разливах, в согре – целая проблема. Особенно для кряковых уток, первыми откладывающих яйца, когда еще в кустах кое-где лежит не растаявший снег.

Как-то вечером, возвращаясь с дальней рыбалки, я, пацан, присел на кочке возле одной болотины. Отдохнул. Собрался уже подняться и двигаться дальше, как невдалеке из сорочьего гнезда выскользнула утка. Гнездо расположено примерно в трех метрах над водой, в таловом кусту. Слетев, кряква скрылась на мелководье.

Ясное дело: решила подкормиться.

О том, что кряквы гнездятся в разных птичьих гнездах и даже в дуплах деревьев, я слышал не раз от деда Ипата, а вот увидеть самому пришлось впервые. Глубина воды – более метра, и посмотреть поближе гнездо мне не удалось. Уже в темноте, придя домой, рассказал соседу Ипату об увиденном и спросил его о будущем птенцов.

– А как утенок, вылупившись из яйца, спрыгнет на воду с такой высоты? Ведь разобьется несмышленыш?

Дед Ипат усмехнулся, сказав, что это невысоко. Но добавил:

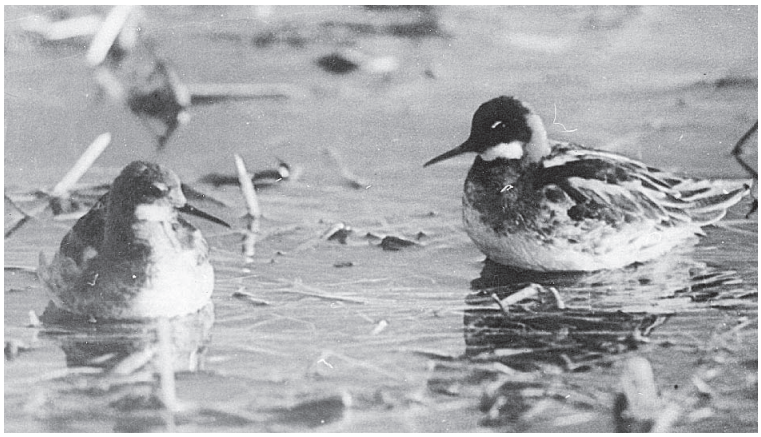
– Мать есть. Крякуха возьмет каждого малыша в свои лапы, и осторожно взлетев, перенесет его куда надо.

На этом наши разговоры и кончились. А еще через месяц, проходя мимо, я заглянул на болотце. Вода явно убыла, но среди кустов ивы красовалось маленькое озерцо, посредине которого плавала стайка утят, возглавляемая знакомой кряквой. Ивы ярко зеленели густой листвой, в воде наперебой квакали лягушки, у берега летали стрекозы и бабочки. В одном месте из воды проросли большие желтые цветы, утята гурьбой приплыли к ним и склевывали с листьев разных мошек. Я стоял невдалеке, закрытый кустарником, и еще долго с восхищением любовался желтенькими существами.

Примерно через месяц зашел снова. Болотце почти все высохло и было пустым. Однако не более чем в километре отсюда есть озеро. Туда и ушла птичья семья...

Давно это было, более полувека назад. Давно нет и деда Ипата. Из мальчишки я сам стал дедом-охотником. И чего я только ни повидал на белом свете. Та же утка-гоголь, очень неповоротливая на суше, высиживает утят в дуплах. Наблюдал, как не только утки, а многие другие птицы в лапах переносят птенцов, учат их нырять, летать, искать корм.

Военный порох



Белые островки снега, осевшего и потемневшего, проглядывали пугливо из талов. За талами с набухшими почками искрилась веселая, талая вода. Майское солнце купалось вместе со стайкой хохлатых чернедей, обычно любящих глубокие озера, и наверное, случайно залетевших на это болото.

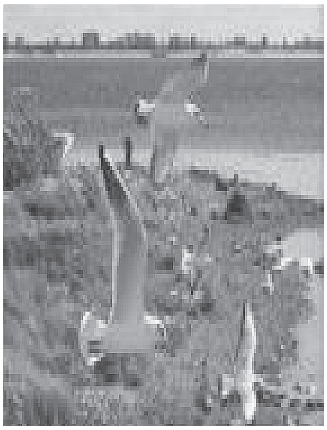
Генка-»летчик» (его прозвали так за то, что он мечтал стать покорителем неба) долго выцеливал из ржавой берданки образца 18.. года, и, наконец, она, рявкнув, выплюнула пригоршню рубленых гвоздей в купающихся уток. Те, коротко пробежав по воде, взмыли в синь, оставив на воде одного самца, то подлетающего на метр вверх, то ныряющего в воду. Вдвоем, окунаясь по грудь в болото, мы долго ловили его, а потом он испуганно клевал наши ладони, и чувствовалось под пальцами яростное биение его сердца. Голубой хохолок нежно блестел в лучах, белые бока снежно оттеняли черные крылья. Особенно красивы были глаза, как светящиеся желтые горошины, наставленные на нас.

Затвор берданки после выстрела покрылся красной окалиной, и не смотря на все наши усилия, не открывался. Сожалея, что остались еще два заряженных патрона, мы вернулись домой.

Генка-«летчик», которому уже исполнилось 12 лет, заболел через день после охоты той самой горячкой, заканчивающейся воспалением легких. В бреду он звал меня, приглушенным голосом поведывая, что в подполье, в земле у него зарыто еще несколько зарядов военного пороха. Это было в 1946-м голодном году, и каждый заряд ценился в нашей деревне дорого. Это от военного пороха заклинило затвор, это из-за него мы целый день лазили в дырявых сапогах по болоту, это из-за него не смог взлететь в синь хохлатый чернядь. А теперь вот еще заболел и Генка.

Военный порох?!. Наши отцы не вернулись с войны, и мы, пацаны, продолжали воевать за право существовать, за право быть сытыми. Сотни и сотни раз я заряжал потом свои патроны, и в безотцовском доме появлялся сытный обед. Военный порох!.. Он был зеленый, трубчатый, нарезанный тоненькими волосками, а привозил нам его из города, с военного завода, односельчанин Петр.

Гена- «летчик» провалялся на печке в избе около месяца, и когда вышел со мной первый раз на улицу, зашатался и чуть не упал. Конопатый, с рыжими волосами, желтый от болезни, он все лето бродил, как тень, по зеленым веселым улицам деревни. И выжил, но охотиться с тех пор не стал. Не стал он и летчиком, в 15 лет сев за руль трактора...



ПОД БОЛЬШЕРЕЧЬЕМ

Встречая, светлая излучина
блеснула в ивняке густом.
Звезд отраженье, тайной мучая,
в воде мигает под кустом.
Постелью стелется волнистою
осока... И встает туман.
Волною легкой, снежно-чистой
клубит, течет к моим ногам.

***

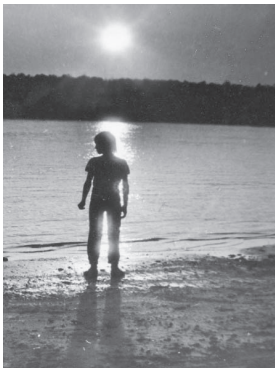
По рядкам скакали грабли,
над копной сверкали вилы...
Мои руки не ослабли,
в них еще хватает силы.
Удивился дед: как смог
я сметать высокий стог!

***

В кадочке квасок под пеной,
ковшичек берестяной...
После луга с тяжким сеном
пью – и квас такой хмельной!
Целый день гребли, копнили
с мамой. И сметали стог...
Вот попил – сажусь бессильно
возле сенцев на порог.

ЗАСУХА

Целый месяц нет дождя,
никнут хлеб и травы.
Солнце жарит, не щадя
поле и дубравы.
Сенокосная пора –
луг желтеет, спекся.
Тень берез, и в ней – жара.
Лист висит поблекший.
Лишь пчелиный слышен гул...
Ветерок хотя б подул.



ОТАВА

На лугу сгребли в рядок
сено – вслед, на славу
подросла, как на глазах,
юная отава.
Шелковиста, зелена –
за волной встает волна!

В. Чешегорову

ОЗЕРО ЧЕРТАЙЛЫ

Таежное озеро – старицы ветвь.
У берега – лодки, на вешалах – сеть,
кувшинок цветы,
зелень ряски в воде,
гагары на лавде пригнулись
в гнезде...
Тревожные чайки над синью кричат...
Гребу все острее, мой светится
взгляд.
Сквозь толщу воды различаю язей, –
метровые щуки – на дне средь корней!
Вот в ямке, под камнем,
два скользких налима...
Стерлядка торпедою юркнула мимо...

ПОДСОЛНУХ

В моем палисаднике утром
подсолнух
лицом обращен на восток.
К обеду на юг повернется
за солнцем,
расправив любой лепесток.
А к вечеру, ясный закат отражая,
на запад печально глядит.
Светило огромное сопровождая,
весь день солнцем малым горит...
Сегодня за тучами спряталось
солнце –
лицо опустил, загрустил мой
подсолнух.

ОПОЛЗНИ У НОВОПОКРОВКИ

Разлилась весной река,
берега подмыла,
и с обрыва – с высока
иву уронила...

***

Тропа взбирается на кручу...
Былинный яр. И щель – узка...
В еловых лапах малый лучик
мелькнул прощально, свысока.
Вхожу в овраг я... Сумрак, сыро.
Клокочет дико водопад.
Поляна впереди открылась,
и алостью цветы горят.
По грудь таежные лавиной
качаются, плывут, как облака,
а солнце прячет в согре яркий
хвост павлиний...
И лай собачий, тихий,
бежит издалека.

ЯГОДНЫЕ МЕСТА

В Чугунлах и Шатайлах
рям за рямом тянется,
на багульнике, на мхах
ягоды румянятся.
Лишь брусника отойдет,
клюква алым соком
брызнет враз из-под сапог –
вздрогнешь ненароком.
Словно капельки крови
в свете утренней зари!

БЕЛЯЕВО БОЛОТО

Гулким шагом в стылой тишине
на лесной дороге след впечатан...
У межи кричат перепелята,
рядом коршун кружит в вышине.
Вдоль болотца в колее вода
отливает чистотой стальною...
Точечкой плывущей, золотою
светится в ней поздняя звезда.

***

Перелески да луга,
синие озера...
Светит радуга-дуга
над родным простором.
У талов – загона тын,
котлован с водою...
И пасется конь один,
звякая уздою.
Под кустом пастух лежит.
Где же стадо?..
Пьян ли, спит?!

д. Белоглазово

***

Вьюн взметнется, и уляжется
золотистой струйкой пыль...
Белым-белым морем кажется
вдоль обочины ковыль.
Коршун медленно снижается,
миг – и камнем упадет...
Распахнулась степь тишайшая,
жаворонок лишь поет.

с. Большой Атмас

ЛЕТНИЙ СВЕТ

***

А день восходит, полный синевы,
пыль солнечная вьется за ветрами.
На бугорке – зеленый вихрь травы...
И бабочка летит к оконной раме.

п. Береговой

У ПОСЕЛКА КРУТАЯ ГОРКА

Намывная полоса
из песка и глины...
Светит белизной коса
в повороте длинном.
Речки голубой изгиб,
луг – цветы и травы...
Рядом светофор горит –
катер скорость сбавил.

***

Прошумел дождь теплый
над поляной,
выглянуло солнышко опять...
Пахнет медом, щавелем, дурманом.
Запахов вокруг – не сосчитать!
В капельках дождя блестят ромашки,
васильки, левкой, вороний глаз...
А клубника алостью окрашена,
что ни ягодка – то напоказ.

БЕЛАЯ СОВА.

Ночью белая сова
тоже стала чёрной,
машет крыльями едва –
в луг летит дозором.
Из норы полёвка вышла –
вниз, стремглав сова –
на мышку.

***

В заливе, у высокого обрыва,
в кустах горит шиповника огонь,
и к берегу с лохматой, рыжей гривой
идет в заре, пофыркивая, конь.
Он мутит воду, бьет ее копытом,
пьет медленно... Закатный луч горит
в воде пожаром... Золотом облитый,
как изваянье, долго конь стоит.

с. Луговое

В ПРИГОРОДЕ ОМСКА

Вот самолёт пошёл по кругу –
вслед лентой белая петля
легла, стянула небо туго…
И гулом полнится земля!
… Полёт учебный. Боевые
машины-«МИГи» рвутся в синь!..
Внизу в садах – цветы живые,
Вдоль взлётной полосы – полынь.

***

Просторна степь, колышется ковыль
и душу мне раздольем майским мает,
и не понять: где небыль, а где – быль?
А жаворонок в небе зависает.
Безбрежна даль...
У горизонта – синь...
Мир нежится в веселом
буйстве лета!..
Какая свежесть, нега и теплынь
над величавой степью в зорьке
светят?!..
Плывут, плывут безбрежно ковыли –
и нет просторней, ласковей земли.

с. Цветочное

***

Крутит, вьет следы дорога
от села и до села...
И пешком меня, как многих,
в край родимый привела.
– Здравствуй, просека сквозная!..
– Здравствуйте, в росе поля!..
Здесь горючая и злая
в детстве жизнь секла меня.
Все снесли: пожары, войны...
И теперь беду снесем.
... В поле чистом, в поле вольном
утро плещется овсом.

ПАСЕКА

Пригласил меня пасечник в поле –
улья к клеверу перенесли….
Накормил меня мёдом он вволю,
дал две соты и даже спросил:
– Если хочешь с пчелою дружить,
приходи, буду делу учить.

ХУТОР

На отшибе, меж лесами,
есть изба и скотный двор…
Нелюдимый дед Исаич
проживает с давних пор.
Семь коров… телки… барашки…
У ворот пёс с рыком страшным…
Не один он – со старушкой
много лет живёт в избушке.

***

Чечетки в саду дружной парой
летают в рассвете утра...
Одна из них, с грудочкой яркой,
алеет расцветкой пера.
Поют – то одна, то другая.
Звон нежный плывет в тишине...
Прополкою я занимаюсь,
они же – все ближе ко мне.
Вот сели вплотную на грядку...
Но так осторожно. С оглядкой.

***

Цветы в лугах: Иван да Марья!..
Я вспомнил трудное житье,
как в дни войны соседний парень
домой вернулся на село.
Пришел израненный войною
солдат – безусый паренек
на костыле, с одной ногою...
Женою девушку нарек...
Иван да Марья! Свет прекрасный
цветов лесных на зорьке ясной.

д. Цветнополье

ГОРЛИЦА

Многоцветный веер перьев
с белым пятнышком хвоста…
Различаю меж деревьев
горлицу я у гнезда.
Она кормит своих деток…
Тихо дремлет полдень летний…

ЗАРЯ

Блекнет небо звёздное –
тонкий штрих зари
узенькой полоскою
радужно горит.
В синий свет окутаны
дали Иртыша…
Свежестью предутренней
полнится душа!

КАРТИНЫ ДЕТСТВА

Волчье лыко

В середине апреля под лучами жаркого солнца растаяли последние снега в овраге заречной согры. Звонкие ручьи унесли талую воду в грохот ломающегося льда на речке Оше, которая вышла из берегов и затопила обширные луга.

Мы с дедом Ипатом идем в лес – рубить таловые прутья. Он из них ладит мордушки. В лесу сыро, резко пахнет смородиной. Ноги мягко проваливаются в прошлогодние тёмно-серые листья и полусгнившую жёлтую траву. Между деревьями сумрачно, а вверху – ослепительная синева огромного неба. И здесь я под ногами различаю веточки высотой около полуметра. На их тонких прутиках светятся розово-сиреневые цветы. Если меня раньше восхищали подснежники, то теперь я обрадовался неожиданным, незнакомым цветам. До этого случая я их как-то не встречал.

Встал, вопросительно смотря на деда Ипата.

Он мне пояснил:

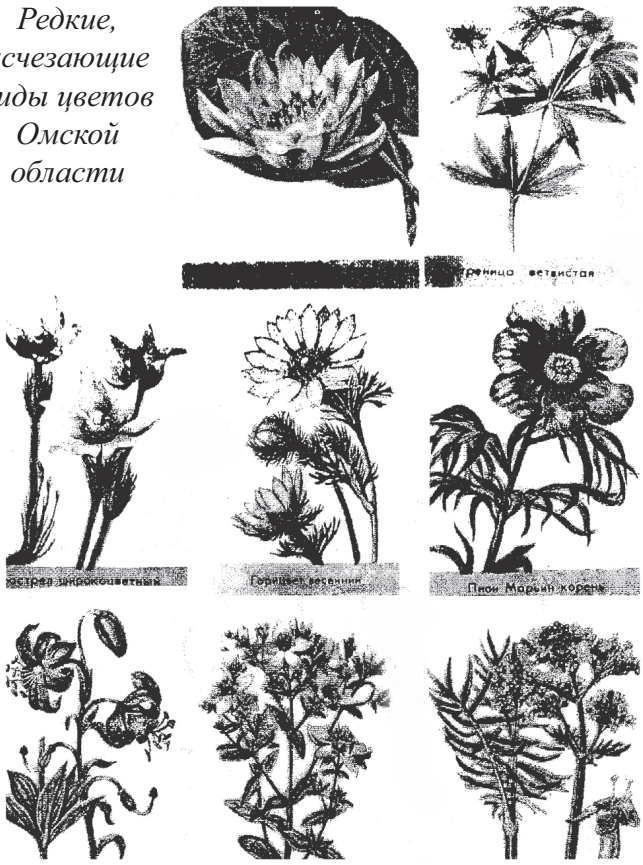
– Это, внучек, кустарник с названьем «Волчье лыко». Правда, в книжках именуют «Волчником» или «Волчеягодником». Дважды в году растение бывает особенно красиво: в апреле – когда цветет, и в августе – когда на веточках появляются плоды. Их в народе называют «Волчьи ягоды». Цветы, ягоды, сами стебли – все ядовито. Веточки очень мягкие, не ломаются, кора мочалится. Ранее кое-что я плел из волчьего лыка, но перестал. Все-таки веточки ядовиты, да и коротковаты. Лучше – таловые прутья.

Дед Ипат еще очень долго рассказывал, как иногда люди по незнанию ели «волчьи ягоды» и отравлялись. Приводил и другие интересные случаи.

Мы нарубили две вязанки таловых прутьев, и когда шли обратно домой, я незаметно хотел сломить несколько цветущих веточек. Но «Волчье лыко» не ломалось, а легко выдернулось из земли с корнями. Дед это заметил и строго выговорил:

– Кустарников «Волчьего лыка» становится все меньше и меньше. Животные, звери, неопытные люди часто вырывают это растение с корнем. Если привести цветы домой, они быстро завянут: А лес без них с каждым годом беднеет...

Редкие, исчезающие виды цветов Омской области



Майский озимок

Снег мечется перед глазами, попадает за воротник, медленно зависает в воздухе. Белые хлопья цепляются за ветви деревьев, прилипают к заборам и окнам домов. Утренний Омск погружен в сумерки, в кружение снежинок. Похолодало до минус пятнадцати. Такого на помнят даже старожилы.

Уже идет первая неделя мая, листья тополей распустились, на полянах за городом сквозит яркая зелень травы. Многие птицы давно сидят на гнездах, высиживают птенцов.

И надо же такое: второй день свистит пурга, улицы покрыты грязным снегом. В моем понятии озимок – это тот снег, что выпадает весенней порой на час-два и тает при плюсовой температуре. А сейчас – настоящая зима.

Как всегда, в конце апреля вернулись в родные края с зимовки утки разных пород, кулички, чайки. А скворцы, лебеди и гуси прилетели к нам еще в первых числах апреля. И сегодня в небе над Иртышом потянулись обратно на юг отдельные стайки

птиц. Но это – малая часть. А основная масса пернатых – без пищи, при непрекращающемся снегопаде – прячется где только возможно. Хорошо, если рядом большой водоем с незамерзающей водой. А вот лужи, разливы и мелкие озера сковал лед. И в этот лед вмерзают погибающие птицы.

Все это я наблюдал вчера на лугах, разливах, возвращаясь проселочными дорогами из Таврического района. Потом заехал по дороге на дачу в «Карьер». За изгородью, на маленьком замерзшем озерке, под камышом сидел неподвижный красавец- крякаш, уронив голову на лед. В ярком брачном оперении селезень встретил здесь коварную весну…

Я подошел по берегу вплотную и убедился, что он мертв. Как признак жалости и какой-то моей вины – по коже пробежали мурашки. Вот если бы хоть кто-то насыпал ему вовремя хлебных крошек, он наверняка остался бы жив. Да, вчера по радио было несколько выступлений председателей различных комитетов, директоров школ, специалистов-биологов с просьбой к населению помочь беднягам и подкормить пострадавших птиц. А сегодня по телевидению показывали, как школьники некоторых районов области подбирали обессилевших птиц и приносили домой. Обогревали, кормили...

Я долго брожу по набережной Иртыша. Снег начал стихать. Потеплело. Но какое-то горькое предчувствие не покидало мое сердце…

Жажда жизни

Дед Ипат распряг потного Серка, я помог ему спустить с телеги черную, просмоленную лодку на зеленую осоку озерного причала. Уложили в лодку сети, выморенные ветрами и солнцем, тычки из сушняка – и поплыли. Утро нежилось в солнечных ярких лучах, над синью воды кружились чайки. За бортом, на волнах сверкали, разбегались причудливые блики. Все вокруг было наполнено свежим, радостным дыханием нового дня...

Щеки мои щекотал легкий весенний ветерок, я весело оглядывал большое озеро. Каково же было мое удивление, когда я увидел на воде, вдоль и поперек озера, ровные ряды тонких зеленеющих деревцев. Их раньше здесь не было. Беленькие березки, голубоватые талы в бессилии раскинули короткие хрупкие рукиветочки с зелеными листочками. *«Как странно»,* – подумал я и вопросительно взглянул не деда.

– *Ах, тудык твою душу!* – только и вымолвил Ипат, лаконично, как всегда, выражая свое негодование...

А потом пояснил, что какие-то горе-рыбаки совсем недавно порубили на тычки молодую поросль. Эти березки и талины, лишенные корней, обречены на гибель, но пока весенний сок в них борется за жизнь, деревья зеленеют. Но это – пока...

Горностай

Когда-то в округе возле нашей деревни водилось бессчетное количество птицы и зверя. Зайцы часто забегали по ночам на огороды, лисьи следы появлялись у колхозных пригонов, волки иногда забирались в овчарню. Тетерева прилетали и садились на березы в центре села.

Лесная живность проникала часто в деревню. Около восьми семей зверьков-горностаев облюбовали себе место для жилья под амбарами и саманами, вырыв возле них глубокие норы. Вот такие – присутствия собак рядом не испугались.

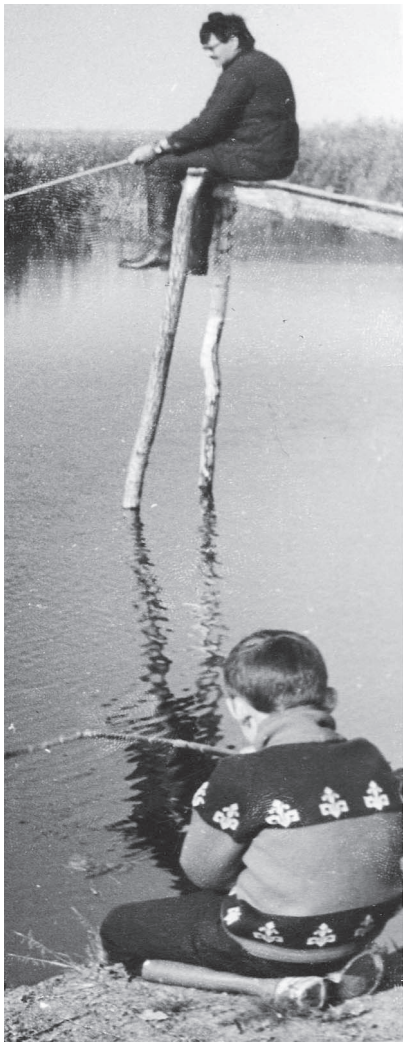
За двумя горностаями под амбаром соседа я наблюдал с октября до самого Нового года. Небольшие, светлые, изящные и быстрые зверьки редко показывались днем из своих нор, но наутро я находил на снегу множество отпечатков их лап. Парные, четкие, размашистые следы резко отличались от кошачьих – тяжелых и частых.

И вот под Новый год у моего дружка Сашки, что жил за три дома от меня, горностаи проникли в избушку и растерзали нескольких кур. Утром мы с ним вдвоем долго рассматривали следы зверьков и выследили по огородам ход в дальний амбар на другой улице. Такие хитрые наглецы: рядом у соседей кур не тронули, а пришли к Сашке. Я, рассматривая в углу избушки дыру, удивлялся, как они могли подкопаться и прогрызть половые доски, которые, правда, уже слегка подгнили.

Суслик у норы

Сашка, смелый и решительный пацан, давно занимался охотой с ружьем, а капканов не имел. Но в тот же день выпросил их у старого охотника и насторожил в дырах. На второй день оба горностая попались в капканы, а друг мой не унимался. Поставил ловушки и к моему соседу под амбар. Отловил и этих. Так за зиму он переловил горностаев по всей деревне, за что получил десятки «спасибо» от баб и мужиков.

Я Сашке не признавался что мне было очень жаль красивых, грациозных зверьков. Так не хотелось верить, что они хищные. Позднее, встречая в лесах и полях колонков, норок, лисиц и других пушистых четвероногих, я почему-то сразу вспоминал наших, деревенских горностаев.



ЩУРЯТА

На солнечной косе искрит июльский день.
Как маленькие серые торпеды,
пригрелись рыбки... Вот скользнула тень
моя в воде, и сразу с нею, следом -
вьюны, вьюны... Уходят в глубину
стремительные и живые стрелы...
И вижу только сонную, одну.
Но всплеск – и вмиг исчезла
ошалело.

п. Береговой

***

Смотрю я с обрыва –
до дна вся видна!
А струйка ключа холодна-холодна...
Мелькнет то гольян,
то карась золотой
и всплеск разбежится
веселой волной.
Ах, Оша родная, моя ты душа,
как в летушко красное ты хороша!?..
Мальчишки, как свечки,
с обрыва летят,
ромашковый луг,
стайки желтых цыплят...
Течешь из Тениса в Иртыш, в океан,
лугами, полями –
и в дождь и в туман.

***

У реки в лучах багряных,
огибая берега,
выплывают из тумана
золотистые стога.
В каплях росных, в искрах света
по отаве босиком
к тальникам, едва заметным,
пробираюсь бережком.
У обрыва на песочке,
там где ключ холодный бьет,
клев отменный!.. Между прочим
на червей карась берет.

АМУРСКИЙ КАРАСЬ

Сети по воде стоят углом.
С лодки ботом бьем, плывем
зигзагом,
загоняем рыбу мы с дружком.
Только не идет карась, как надо.
В сторону прорваться норовит,
от сетей под лодку аж уходит...
Час, другой – а рыбку не словить.
Вот такая, хитрая, порода!
Браконьерство он не признает,
но на удочку – с лихвой идет!

СТАРИЦА КАЙМАНАЧИХА

Резкий всплеск под удилищем,
и – оборван враз крючок!
... Подвязал второй. Колышет
снова красный поплавок.
Подсекаю!.. Потянул –
лещ стрелой в воде мелькнул.

Дяде Паше Губину

ДРЕВНЕЕ РЕМЕСЛО

Из прутьев ивовых мордушку
я с дедом у реки плету.
Он в обод сверху, словно в ушко,
вставляет прут – я снизу жду.
Веду дорожкой обводною,
и прутья мягкие, как жгут,
сверкая влажной белизною,
за кругом круг бегут, бегут...

***

На лугу меж ивами мерцает
старицы серебряный рукав...
Ряской, камышом он зарастает.
Берег в мягких травах, как в коврах.
Отражаются в воде сонливой
белые, как льдины, облака...
От кувшинок тихий блеск игривый...
Далеко за дамбой синь-река.

п. Кушайлы

***

Трава у берега да ряска,
и холод в синей глубине...
А вечер тих, задумчив, ласков –
вновь вижу рыбок я на дне.
Карасики все с золотинкой –
играют стайкой, мельтешат...
И пузырьки от губ икринками,
сорвавшись, вверх ко мне летят.
С мостков любуюсь этим чудом,
и золотистый видя свет,
вновь наполняюсь
нежным чувством
к реке, которой лучше нет!

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Красно-розовый , пугливый,
в речку тычется закат...
Трое мальчиков счастливых
на больших мостках сидят.
Удочки к воде склонились,
чутко дремлют поплавки…
В лицах детских отразились
блики радужной реки.

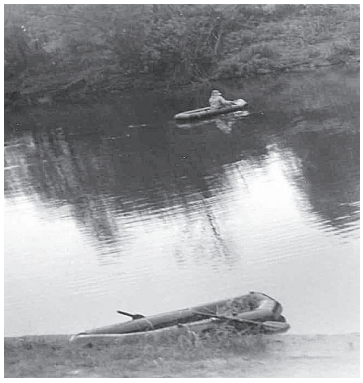
ЩУКА

Зеленоватая – под травы,
и полосатая слегка…
У омута, за переправой,
она сторожит окунька…
Прожорливая –
дашься диву!
Встречал длинною с метр, поди…
Берёт с крючка малька-наживу.
Не дёргай резко, проведи…

МНЕ РЫБАЛКА - ХОББИ

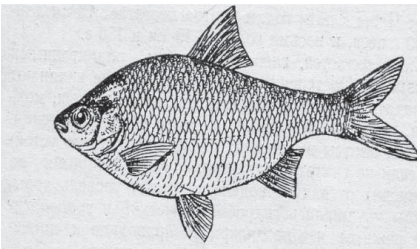
НОЧЬЮ НА САЛТАИМЕ

От зари вечерней в плесах блики.
Хлещут щуки по воде хвостом,
чебачки шарахаются дико
перед близким и зубастым
ртом.
Словно выстрел-всплеск,
то окунь яро
у сетей разбрызгал сонный круг...
И кричат плакучие гагары,
и в тумане глохнет дальний звук.
... Озеро ночное – Салтаим,
с другом в лодке тихо мы сидим.



РЫБАКИ

В тёплый вечер,
во мгле, рыбаки
собрались в тальнике у реки.
Рыбакам по одиннадцать лет,
от костра в лицах розовый свет.
Из золы длинной палкой к ногам
выгребается чудо-картошка,
прежде чем прикоснуться к губам,
до красна обжигает ладошки…
Вдоль косы закидушек крючки –
если клёв – на рогатках звонки.



РЕКА ДЕТСТВА

По речке Оша, солнышком сверкая,
плывут эскадрой голубые льды…
Я на одной из льдин –
шестом толкаюсь –
и мой восторг из сказочной мечты.
А надо мною чаек клич призывный!
А в окнах изб – искрят, горят
лучи!..
Плыву!!.
Нет ничего прекрасней в жизни.
Река и лёд!..
И сердце – так стучит!..

Я НАСТОЯЩИЙ РЫБОЛОВ…

Закат потух…
И сразу – всплеск
вдоль кромки камыша…
Подъязок первым в сети влез –
всплыл, резко трепеща.
Вытаскиваю…Вот – чебак,
пять окуньков подряд.
Зашёл, наверное, косяк…
Глаза мои горят!
А следом – пелядь!.. Вот улов!..
Я – настоящий рыболов.

ТЕВРИЗСКИЙ ЕРШ

Сразу и не разберешь:
то ли окунь, то ли ерш.
А колючий, словно ежик,
но в ухе – ни с кем не схожий.
От него такой навар,
что хлебнешь – и бросит в жар!

НА ЧАНАХ

Озеро в тумане тонет,
стынет синяя вода.
Выпь в болоте тихо стонет,
вздрагивают невода.
Всплеск, круги – то рыба в сети
попадая, бьет хвостом.
У костра я не заметил –
ночь ушла, светло кругом.

ВЕСЕННИЙ ЗАПРЕТ

На Ике рыба валом прёт
под берег, накормёжку.
Вот плеск… и треск…
в камыш идёт…
Я натянул сетёшку.
Вся в дырах, старая – но, вмиг,
в ней заплескалась пелядь…
А вот и окунь, рядом – сиг…
Куда все страхи делись!..
Запрет на ловлю? – что запрет,
когда тебе пятнадцать лет.

НА ВЕСЕННЕМ ОЗЕРЕ

Не пойму что-то озеро:
зелень, тычки цветут?..
На сырых, на берёзовых
кольях, листья растут!?
Есть и веточки малые –
чудеса небывалые?
… Тишь весенняя, майская –
корни сок всюду пьют…
Жизнь для тычек обманчива,
через месяц – умрут.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

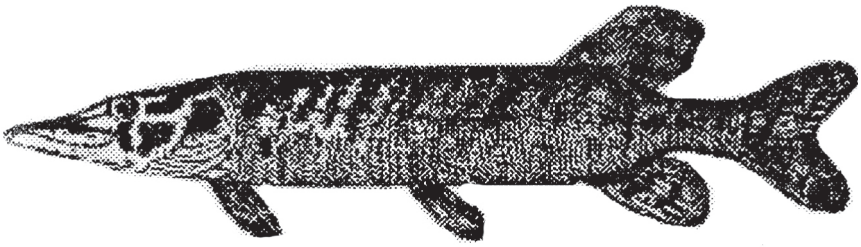
От колышков – нить лески
к закидушкам.
Блеск паутин окутал тальники.
В дождевиках, бывалые и ушлые,
по отмели шныряют рыбаки.
В ладонь зажав коробочки с
приманкой,
насаживают ловко червячка...
В капроновых садочках спозаранку
уж плещет рыба... И парит река...
Вверху светло, но солнце
медлит где-то.
Покой и тишь царят перед рассветом.

РЕЧКА ОША

Вырос я в местах хороших:
там из озера Тенис
рвется с дамбы речка Оша,
и спешит к Солдатке вниз.
Там весной на льдинах белых
плыл в залив через камыш,
рыбьи косяки лавиной
мчались на проход в Иртыш.
На разливах уток стаи,
отдохнув, взлетали ввысь...
Те места давно оставил -
как там Оша, как Тенис?..

ОЗЕРО ИК

Гаснут звезды. Тишь да гладь.
Лишь заря зардела,
рыбки начали всплывать
и плескаться смело.
Разбегаются круги
в золотистых волнах,
Светом радуги-дуги
лучики в них тонут.
Плес огромен – вдаль и ширь...
Кажется безбрежным мир.



ЛЕТНЯЯ ПОРА

Пушинка

В нашем пригоне, под самой высокой слегой, каждый год ласточки вили себе гнездо. Точнее, не вили, а как бабушка говорила: «Лепили».

Где-то находили они глину, смесь из грязи, солому, веточки. Лепили старательно – и получался крепкий домик. А потом стенки и дно гнезда выстилали пухом, откладывали яйца и высиживали птенцов. И так – всегда.

Как-то я заметил, что у одной из наших ласточек конец хвоста с одной стороны короче другого. Запомнил. А на следующий год узнал, что у нас поселились старые ласточки. Невольно задался вопросом: как это, возвращаясь за тысячи верст, птички находят наш дом?..

В один из дней, когда ласточки носили в гнездо пух, я сидел на крыльце. Солнечный майский полдень ласкал лучами крышу нашей старенькой избы, во дворе вдоль забора приподнялись косички первой ярко-зеленой травы, разморенная деревенская тишина приглушила лай собак и крики петухов. Синее марево обволакивало небо. Вверху, над моей головой, моя приметная касатка затеяла игру. Она выпускала из клюва пушинку, делала плавный разворот и очень ловко подхватывала ее на лету. К этой игре присоединилась и вторая ласточка. Забавно, красиво кружили они попеременно в вышине, не давая пушинке упасть на землю. Походило это на прекрасный танец.

Потом одна из них отнесла пушинку в гнездо, они уселись на проводе рядышком и весело, долго щебетали. Я вслушивался в их щебет, и мне казалось, что я понимаю их радость.

Дачные воробьи

«Чив-чив-чив!» – доносится до меня в наступающем рассвете через открытую форточку дачного домика воробьиный голос.

«Жив-жив-жив!» – отвечает второй воробей.

Эта пара ютится под крышей уже третье лето. Знакомая чета. Воробьиху я узнаю по укороченному хвосту. Вот и нынче у них – снова птенцы.

Прошло несколько минут. Воробьи вдруг вспорхнули и такой галдеж подняли, аж в ушах звенит.

«Чив-чих-быр! Чив-чих-быр!» – звенят их голоса. И эти крики давно мне ясны: появился враг. Выглянул в окошко – и точно. Большой серый кот крадется по дорожке, а над ним низко пикируют два бесстрашных воробья.

Кот удалился. Воробьи уселись над окном, спокойно чирикают – беседуют, переступают по жести ножками. Слышно, как стучат коготки. Вот один из них (по голосу различаю – самец), крикнув: «Чив-чив!» – полетел за червячками. А воробьиха осталась у гнезда на страже.

Вернувшийся вскоре воробей влез в гнездо – и там такой писк подняли маленькие птенцы, хоть уши затыка. Прожорливые, никак не поделят корм. Затем улетела воробьиха. Вернулась – и снова ужасный галдеж в гнезде.

Так поочередно воробьи целый день носили корм. Неустанно пищали птенцы.

В обед я прилег под яблоней на раскладушку и стал читать газету. И снова услышал воинственный клич воробьев: снова какая-то опасность. Осмотрелся – и вижу на телеграфном столбе чёрную ворону, а над ней снуют шустрые воробьи. Взъерошенные, смелые, они с лёта почти касались врага. Да, вороны для них, особенно для птенцов, очень опасны.

Улетела ворона, а уставшая парочка уселась на провода. Чистят клювами перышки в крыльях, чирикают, хвалят друг друга. Самец аж хвост распустил веером и подпрыгивает: боком-боком, вплотную к самочке. И клювом в клюв поцеловал свою подругу.

Я улыбнулся птичкам и продолжил читать свою скучную газету, а перед глазами в памяти вставали то пара воркующих знакомых голубей, то дружное семейство скворцов, то стайка диких уток...

Воробьи что-то снова зашумели, всполошились, но тут же успокоились. Наверное, ложная тревога. А может, вдалеке промелькнула новая беда. И я невольно шепчу:

«Мир вам, мои дружные соседи. Покоя и любви. И чтобы поскорее подрастали ваши детки...»

Лесная встреча

Жаркое солнце скатывалось за верхушки дальнего леса. На дорогу, изрезанную колеями телег, ложились тени деревьев – то маленькие, то большие, давая прохладу моему разгоряченному лицу. Я люблю ходить быстро, но с тяжелым рюкзаком за плечами и ружьем – это занятие не из легких.

Лесную тишину вдруг нарушил резкий лай Тарзана, которого я не понял. За многие годы совместных скитаний по лесам я научился различать его лай: тихий и не злобный – на птичек и ворон, более задиристый – на тетерева, севшего на ветку, быстрый, передвигающийся по лесу – на зайца, свирепый и отрывистый – на лисицу или бобра.

А этот лай – необычен. Вот собака ворчит, затем начинает тихо скулить, а потом – сразу – злобный лай. Почти все вместе, сразу... Я быстро заспешил к нему. Метров через сто на поляне, у молодых осинок, помахивая хвостом и посматривая на землю, стоял Тарзан. Увидев меня, схватил и тут же бросил серый комок, злобно лая и мотая головой. И только когда я подошел вплотную, увидел большого ежика, свернутого в клубок, вздрагивающего от рычания Тарзана. Собака виновато отошла в сторону, на ее нижней губе запеклись капельки крови. Я укоризненно смотрел на нее, стараясь понять: в чем же дело? Рядом с ежиком лежал большой гриб. Ну и чего же? И раньше Тарзан встречал многих ежиков, но спокойно, мирно облаивая, подзывал меня. Так чего же они не поделили? Не гриб же, конечно...

Взяв прут, я перевернул ежика. Зашипев, тот подпрыгнул, как мяч, угрожая иглами. И здесь, под ним в траве, я рассмотрел маленький коричневый клубочек. Это был ежонок. Еж не просто фыркал, сердился и угрожал – он защищал своего малыша. Я представил себе, как Тарзан, пробегая мимо, наклонился к ежу, как обычно обнюхивая – а тот неожиданно, агрессивно подпрыгнул, вонзая иглы ему в нос. Если бы не детеныш, он бы этого не сделал...

Мостки

Узенькая травянистая речушка, пересекая всю деревню, проходила рядышком с нашими огородами. Я – в отпуске, мать попросила меня:

– Иди, помоги деду Андрею, нашему соседу, сколотить мостик у реки. А то берег грязный, трава с осокой – полоскать белье или начерпать водицы для баньки надо – и не подойдешь. Старый мостик сгнил, ребятня его разбросала...

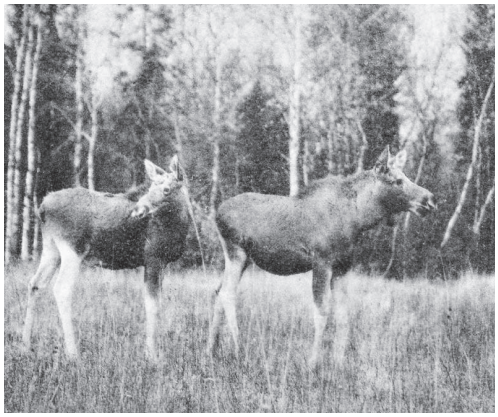
Я лопатой копаю ямки под колышки-столбики, дед Андрей топором заостряет их, вбивает, кладет поперечины. Седобородый, жилистый, в широкой рубахе, закатав штанины, дед проворно и четко орудует топором и ведет со мной разговор:

– Петруха совсем не пишет, уехал и – все... И – не женится. А мне бы внуков, ведь совсем одни со старухой во всем доме. Звали Настю с мужем и детьми из города переехать, так и слушать не хотят. Он же городской, да и родители его там. А все-таки детям надо бы свежего молочка, да огурчиков с грядки, да и лес рядом: ягоды, грибы...

Я его слушаю и наблюдаю, как две ласточки над водой играют с маленькой травинкой: то роняют ее, то с лета подхватывают у самой воды. Смотрю и вспоминаю свое детство, лесное царство. Дед прерывается и продолжает рассказывать про нынешний урожай: и хлеба-то хорошие, и ягод, грибов полно. И слова его льются и льются, как вода в этой светлой речушке. Вот только жаль, что очень обмелела. А когда-то, помню я, была плотина – и вода разливалась под самые огороды.

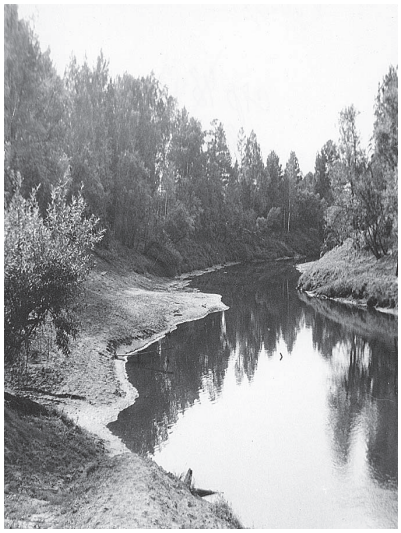
...Неожиданно из камыша напротив выплыла дикая утка с желтыми утятами. Посчитал: девять. Не обращая внимания на нас, табунок завернул в соседнюю осоку...

Я смотрю в воду – и мне кажется (да это так и есть), что речка лениво убегает за порыжевший косогор, словно приглашает меня пойти за ней. Я в детстве уходил на десятки километров вдоль реки на ее луга, разливы. Кустарники, камыши, прибрежный лес – все было просто сказочным...



Дед Андрей берет доски и укладывает их на поперечины, я придерживаю, а он ловко вбивает гвозди. Все – мостки готовы. Дед гладит широкой, мозолистой ладонью доски, глядит в реку, словно что-то разглядывает в ней. Вздыхает и грустно роняет слова: *«Раньше была семья у нас в четырнадцать душ – шестеро братьев и столь же сестер. И все остались в деревне, а сейчас тут – одни старики. Уж больно глупо складывается нынешняя жизнь, всех разъединяет. И радости – никакой...»*

Я молча слушаю и где-то внутри соглашаюсь с ним.



ШУМ БЕРЕЗ

Ветра нет. Но в тихой зорьке
слышу близкий шум берез:
в нем – полыни запах горький,
в нем – шептанье дальних звезд.
В нем все звуки пробужденья:
всплеск крыла дремавших птах,
капель росных вниз скольженье
и букашек первый страх.
Листья ото сна очнулись –
и лепечут и поют.
Веточка слегка качнулась –
муравьи по ней ползут.
Тонко тенькнула синица,
пулей просвистел паук...
Легкий пар внутри струится,
и скрипит засохший сук.

КАБЫРДАКСКИЕ ГРИВЫ

Из берез, осин те гривы –
гривы сказочных коней,
ветер треплет их игриво
в крае юности моей!..

СЕНОКОС

Светлы вершины облаков
в июльских небесах.
Мне с каждым шагом нелегко –
“жиг-жиг” поет коса.
Алеют ягоды в траве,
со лба стекает пот.
Кузнечик сел на рукава,
стрекочет – мне поет!

ЖАРКАЯ РАБОТА

Вот копну трезубцы вил
разом подхватили,
ветерок колечко свил
из цветочной пыли.
Я умею стог вершить.
Майка дышит потом,
прутья – накрест, как тяжи...
Тонкая работа.
Стогом с высоты горжусь,
вышел он на славу.
И по слегам, словно уж,
вниз скольжу на травы.

ВИХРЬ

Разметал камыш с осокой,
заводь рябью принакрыл,
растрепал у ивы локон...
Клубом пыль с дороги сбил.
Ввысь взметнул травинки скопом –
и исчез в прыжке высоком.

МУТНЫЙ СЛЕД

Утром ранним росным лугом
стадо пестрое бредет...
Вот коровы, друг за другом,
переходят речку вброд.
Им речушка – по колени,
здесь с весны плотины нет,
смыл ее поток весенний...
Не река, а мутный след.

***

Если грустным станет вечер,
если дома – канитель,
я уйду к туманной речке,
где тоскует коростель.
Посижу я над обрывом
у холодного ключа...
Будут звезды плыть над ивой...
месяц вспыхнет, как свеча...
И в воде холодной, темной,
отразится мир огромный.

ЛЕС ПЕЛ……

Дождь лёгкой тучкой пролетел –
грибной и земляничный…
Лес заблестел, повеселел
от песен, криков птичьих!
А серьги-капельки, звеня,
срывались с тонких листьев,
и на дороге колея
ручьём светилась чистым!
Плыл запах трав в моё лицо –
дурманящий и резкий…
Катилось солнце колесом
над дальним перелеском…
Завороженный, я молчал
в тени большой осины…
А лес мне громко пел – звучал
оркестром чудной силы!

ДОЛГОЖДАННЫЙ ДОЖДЬ

Небо сразу потемнело,
наклонилось, поползло…
Резанули молний стрелы,
даль кромсая на излом!
Гром, как беркут,
сложив крылья,
пал на затхлые поля,
вихрь пахнул
полынной пылью,
затемняя небеса.
В сумеречной поволоке,
словно в падыме глухой,
первый,
крупный дождь процокал
по тропинке луговой.
Прижимая листья-уши,
травы никли до земли…
По растрескавшейся суше
струйки соком потекли.
Пересохшими губами
жадно их пила земля…
… Пахло ягодой, грибами –
выпрямлялись тополя.

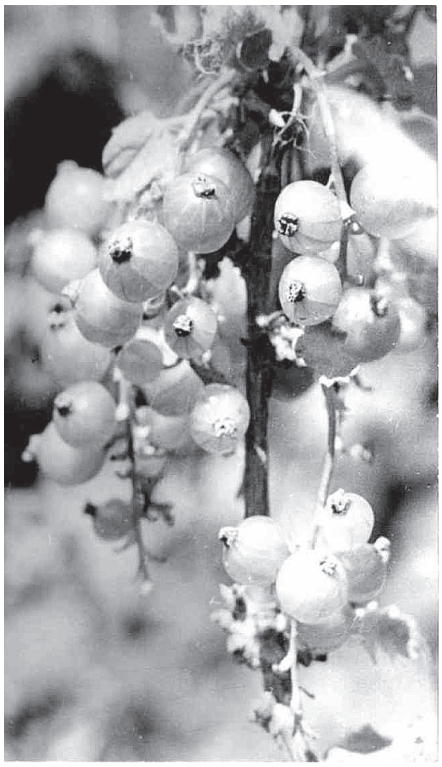
ЛЕСНОЙ ВЕТЕРОК

ЛЕСОСЕКА

Был отец мой – дровосек,
брал меня с собою в лес…
Помню: как на лесосеке
на деревья, к гнездам, лез –
и журил меня отец:
«Не слети с ветвей, скворец!»

ЛУННЫЙ СВЕТ

В небе меж тучками вышла луна
и осветила речушку до дна:
белые рыбки неслышно скользят…
блеклые травы задумчиво спят…
Грустные листья поникших берез
в капельках светлых
мерцающих рос…
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норок сидят.
В белой, хрустящей одежде я сам…
Всюду бело-даже больно глазам!



ОБЛАЖНОЙ ДОЖДЬ

Лепечет дождик обложной
в березняке средь веток,
и в травы тоненькой струей
стекает незаметно.
Раскрылись лепестки цветка,
приподнялась пшеница…
И светит капля с колоска,
на усике искрится.
Парит нагретая земля,
повсюду пыль прибита…
Из тучек сереньких, шаля,
дождь сеет , как из сита.

УТРО ЛИКУЕТ

Избы вдоль речки…
Над ними – рассвет
тенькает радостной птицей.
Даже петух кукарекнул чуть свет…
В заспанных окнах зарится.
Алость пылает на глади речной,
чайка крылом чуть коснулась…
Тополь махает мне веткой-рукой…
Миром весенним любуюсь.
Утро ликует – и горном звеня,
соком берёз наполняет меня.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

Посреди большого тальника –
озерцо в плену сонливой ряски.
Лилий белоснежных три цветка
на средине светят тихой лаской.
А у берега зыбун-трава
высотой до пояса, густая...
Два ручья – два светлых рукава
тянутся, в густых ветвях скрываясь...
Я, как Робинзон, один брожу
и следов зверей не нахожу.

КОЗЛЕНОК

Стройный, тонкий... Острые копытца
по поляне весело стучат:
вот они ведут к ручью напиться...
вот бегут вдоль леса, наугад...
А глаза ясны, блестят, как сливы...
Выгиб шеи с шерсточкой игривой...

***

На лугу искрят цветы.
Пчелы, словно пули,
так свистят... Жар с высоты,
листья аж свернулись.
Распалилось, не щадя,
солнце... В дымке речка...
Я в полях брожу, грустя, –
сел, в тени – не легче.
Под березою, на пне,
разморен я в тишине.
Пожелтели даже травы –
дай дождя Ты, Боже правый!

В СТЕПНОМ ЗАКАЗНИКЕ.

Шел я рощей: утра рань,
с веток капли светят...
Разомкнулся лес, елань
стелется приветливо.
Вся в цветах искрит поляна,
воздух кружит чистый, пряный!

ЧАЙКИ

Весенним, ярким солнцем
обласкана река.
В ней с самого-то донца
всплывают облака.
Вдоль берега – лужайки
с зелёною травой…
На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

НЕПРОШЕНАЯ ГОСТЬЯ

Зеленая березовая роща
качает в ветках сотни черных гнезд...
Грачи взлетают и крикливо ропщут,
и чем-то озабочены всерьез.
Внизу овраг, заполненный водою,
заросший камышом и тальником,
и в нем лисица шкуркой золотою
мелькает, заметая след хвостом.

***

Берег подмыло...
Свисают кусты
шиповника с ягодой алою...
Страшно сквозь ветки смотреть с высоты
на речку таежную, малую.
Но о колючки рукав разодрав,
в овражек стараюсь спуститься.
Пасмурно... Тихо... Над зеленью трав
прохладою воздух струится.
Булькает ключик чистейшей струей.
Губами к нему припадая,
я наполняюсь живою водой,
усталость дорог забывая.
с. Иванов мыс

Я – ЧУЖОЙ

Я в лес вошел – сплошная тишина...
Покачивает ветка мирно листья.
И лишь пчела передо мной одна
на маковке цветка нектар все ищет...Две-три минуты длилась
немота, обманчивая – лес очнулся,
ожил:крик птичий, шорох
с каждого куста...
Да, я – чужой здесь, а точней –
прохожий.

ЛЕСНЫЕ ПОЛЯНЫ

Переход

Утренний ветерок веял в лицо свежестью, шелестел в придорожной траве, перебирал, пересчитывал листочки на ветках берез. Колеса телеги скрипели, шуршали, пели, стонали. От самокрутки струился едкий, горьковатый дымок, отдававший живой теплотой.

Уже показалась Захарова роща, когда собаки азартно, с лаем бросились в канаву, затем выскочили из нее на поле. Конюх Ефим сразу разглядел, как впереди них, припадая на крыло, то опускаясь к земле, то взмывая над ней, летела серенькая уточка. Лошадь сама по себе остановилась. Ефим слез с телеги, подошел к дождевой лужице в канаве.

Желтые и синие цветы приподнимались над водой, а между ними плавали несколько пушинок. Раздвинув траву, он быстро нашел маленьких желтых птенцов из породы «чирков» – самых крохотных уток. Слабенькие и пухлые, они попискивали и недовольно, пугливо клевали ладонь, когда он пробовал собрать их вместе. Бесполезно. Они снова неуклюже расползались кто куда. Один из них выскочил на лужицу и, шлепая перепонками лапок, шустро пробежав по воде, нырнул.

До ближайшего озера было более километра, можно было отвезти их туда. Ну, а если их не найдет утка? *«Нет,* – решил Ефим, – *пусть мать сама и ведет...»* Он подошел к телеге и засвистел, окликая собак. Те вернулись, тяжело дыша, высунув языки, и с хода кинулись искать утят. Ефим властно подозвал их, обхватил ту и другую руками и уселся на телегу. Погоняя лошадку, успокаивая четвероногих, поехал вперед. Собаки обиженно скулили, а Ефим думал о маленьких, беззащитных существах.

Ведь есть еще лиса хитрая, остроглазые коршуны, вездесущие вороны. Сколько опасностей может встретиться им в пути, пока доберутся до озера?!

Соловей «Варакушка»

Жизнь непредсказуема. Пришлось мне бывать во многих уголках нашей необъятной России. Под Ленинградом и в Иркутске, на Кольском полуострове и на Кавказе, в Абакане и на Саянах, на Черном и Азовском морях. Всюду – удивительное многообразие природы, встречи с сотнями зверей и птиц.

Певчие птицы – особая достопримечательность любого края. Соловей среди них – на первом месте. В общепризнанном понятии соловей – птица внешне неприметная, серенькая, неказистая. Окраска крыльев и хвоста – светлая, верх и бока покрыты буровато-коричневыми перьями, низ – темно-серый. Это – обыкновенный соловей, встречающийся по всей России. Поёт чисто, громко, прозрачно – на 8-10 колен.

Кроме этого всеми признанного солиста, есть еще в разных краях семь видов соловьев, уступающих в силе и красоте голоса, но имеющие яркую бросающуюся в глаза окраску. Так, синий соловей встречается повсеместно на юге Сибири и Дальнем Востоке. Спина у него темно-синяя, перья хвоста и крыльев также синего цвета. Грудка и низ – белые. В других местах встречается соловей-свистун. Есть южный соловей и другие разновидности.

Мне всех ближе соловей-варакушка, живущий во многих областях Сибири. Эта порода знакома многим. Когда я рос в деревне, мы почему-то звали варакушку – «крапивницей». Самец варакушки особенно наряден: грудь у него ярко-синяя, снизу рыже-черная полоска, посредине зоба рыже-белое пятно. И хвост такой же рыжий, с черными полосками.

Очень мне нравилось, как варакушка подражает громким трелям скворца и других птиц. Его голос вмещает в себя звон весенней капели и напев ручейка, шелест листьев березы и свист ветерка. В песне варакушки мне слышится особая нежность и чистота окружающей природы. И моя любовь к этому соловью с детских лет осталась на всю жизнь.

Теперь в городе, когда я приезжаю на дачу и вечером на закате отдыхаю на раскладушке под деревьями, ко мне подлетает соловей-варакушка, садится на нижнюю ветку и начинает распевать. Вначале тихо, осторожно. Затем все звонче и раскатистее. Очаровательные трели возвращают меня в детство, на луга и поля – в сказочное царство деревенского лета. Для меня варакушка – родной. Он – соловей Сибирского края.

Ежик

Проснулся я от тихого шороха, как будто кто жесткой щеткой чистил мой диван, на котором я сплю. Прислушался. Под диваном кто-то с шумом фыркал, смешно сопел. Я вначале испугался, хотел вскочить и убежать к маме в спальню, а потом догадался, что это ежик, который уже неделю живет у нас под скамьей.

Вот ежик обследовал диван, вылез из-под него и ушел в дальний угол под тумбочку с телевизором. Чем-то там снова пошелестел, недовольно попыхтел и отправился в соседнюю комнату, где пробыл очень долго.

Я уже снова засыпал, когда он близко протарабанил ногами, пробежав на кухню. Я различал, как он лакал из блюдца молоко, хрустел капустой. Мне было приятно, что угощение, приготовленное мной с вечера, ему понравилось.

Всю ночь, то и дело, я урывками слышал, как ежик ходил то по кухне, то по комнатам.

А утром мама сказала, что ежик не давал никому спать и что его надо отнести в ближний лес. Нехорошо держать его в клетке, а выпускать из нее на ночь – не даст спать. Днем я, в компании с соседским мальчиком Мишей, отнес зверька за околицу в березовую рощу и оставил не лесной полянке.

Камышовка

Удивительно маленькая, серенькая птичка прыгала в тугой и густой заросли камыша. Озеро было диким, пустынным. В камышах глубина – до трех метров. Даже утки и те улетали с мыса к берегу на кормежку.

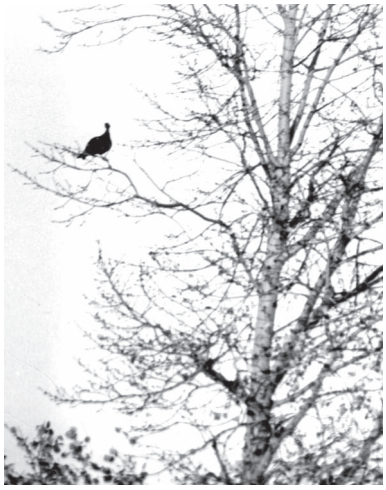
А эта неутомимая малышка прыгала и прыгала с камышинки на камышинку в самой гуще. Чаще ее не было видно, и только тихонько вздрагивали вверху метелки камыша, выдавая ее присутствие. Камыш пожелтел, поблек, мошки погибли от первых заморозков. И чего она искала, я так и не понял.

Вот движение камышинок приблизилось к моей лодке вплотную, и здесь я увидел ее отчетливо. Мелкое желтоватое перо на грудке походило на пух, облетающий с метелок. Крохотная головка, очень грациозная, слегка вытянутая вперед, заканчивалась светлым клювом.

Тоненькие коготки изящных серых лапок цепко держались за трехметровый стебель. И странно – она двигалась по камышинке сверху вниз, что меня больше всего и восхитило.

«Как в вековом лесу», – подумал я. И в этот же миг птичка заметила меня. Яркие зернышки ее завораживающих глаз посверкивали удивленно и настороженно. Мгновенье – и она прыгнула в сторону, за плотную стену камыша.

«Какое изящество, какое чудо природы!» – с улыбкой прошептал я про себя.



КУРОПАТКА НА ГНЕЗДЕ

Шел я полем возле леса
и почти у самых ног
вдруг увидел интересный
с серым пухом бугорок.
Вот головка, клюв...О, Боже,
вижу птицы робкий взгляд...
Здесь гнездо?!. И осторожно
отступаю я назад.

***

Этой ночью в огороде
коростель поет, звенит...
И с ума собаку сводит
птичий крик... И пес скулит.
За плетнем – река с осокой,
в дымке – рощи полукруг...
Смотрит месяц ясным оком
на туманный белый луг.
Не заснуть мне – птичий крик
в форточку мою проник...

д. Савиново

КРАПИВНИЦЫ

Поливаю дачу... Бьет из шланга
дождь густой,
в кустах листва дрожит...
Чу! На ножках тоненьких,
галантно,
птичка между грядками бежит.
Грудка голубая, хвостик-маятник.
Да, ее крапивница зовут.
А букашки, словно пооттаяли
от дождя – то там, то тут снуют.
Ловит их крапивница играючи,
хвостик-маятник то вверх, то вниз!
Ловко у нее так получается –
кружит и танцует вальс-каприз.

СОРОЧЕНОК

Терновый кустик в тишине
шуршит,
и ярко-желтый светится горошек.
У сорочонка несчастливый вид:
нахохлившись, сидит он, всеми
брошен.
Ползет все выше солнышко в
зенит.
Жара... Ни ветерка... Притихла
роща.
Поляна в полудреме сладко спит...
Лишь сороченок кыркает и ропщет.

В ГНЕЗДЕ У ИВОЛГИ

Восемь птенчиков в гнезде.
Желтых – семь, а серый –
лишь один... И быть беде:
что он свой – не верят...
И семь желтеньких птенцов
для него, как семь врагов.
Даже птичка-мама
с ним строга, упряма.
Семерым – по червячку,
а ему лишь – мошку,
он кричит: “Ку-ку! Ку-ку!” –
чем других я плоше.
Он – подкидыш, несмышленыш...
Ку-Ку-Ку!..Он, кукушонок!

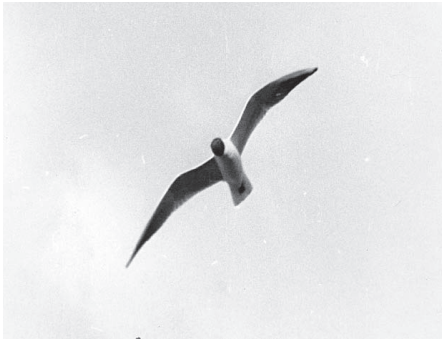
ЖАВОРОНОК

Серый, крохотный певец
в небе точкой замер…
Трель его на сто коленц,
льётся утром ранним.
В синем мареве завис
с бесконечной трелью.
На гнездо глядит он вниз,
там птенцы пригрелись.
День ласкает на лугах
кисти алых ягод…
Рядом – свежие стога…
От реки – прохлада.

ТУРПАН

(сон из моего детства)

Черный, вроде смоляной,
сел на плес ко мне весной:
статный, мощный и красивый,
с алым отсветом бровей –
он плывет и горделиво



вдаль кричит любви своей...
С белым зеркальцем на крыльях,
турпан снова мне приснился.

СКОПА

Небольшой и юркий ястребок,
с черною полоской на груди,
мчится с озера наискосок...
Два стрижа отстали позади.
Вижу когти, и добычу в них -
с серебристой чешуею язь.
Просвистел разбойник – смел и лих,
меж деревьев в роще растворяясь.

ПТИЧЬИ ГОЛОСА

КАЗАРКА КРАСНОЗОБАЯ

“Кли-Кли-Кли!” –
кричит казарка
одинокая вдали.
Лед и снег...
Смотреть мне жалко
на отставшую с земли.
Ее гонит ветер к югу,
и смотрю ей долго вслед:
«Почему она не с другом?
Где же стая? В чем секрет?»

САПСАН

С острыми крыльями,
как реактивный,
сокол промчался в тиши.
Кряковый селезень плюхнул
на лыву, –
ныр – и ушел в камыши.
С белым брюшком, отливающим
медью,
сокол сапсан в вираже
выпустил когти, и скорость замедлив,
чиркнул по волнам уже!

На свежескошенной поляне
грачиный, радостный галдёж…
Шумит застолье…
Чёрный глянец
на крыльях вызывает дрожь.
Ступая важно, кособочась –
клюют кузнечиков, червей…
Взлетают стаей вдоль обочин,
как призраки – их нет черней.

СТРЕПЕТ

Стрепет – мелкая дрофа,
с опереньем пестрым,
но быстрее петуха
пробегает версты.
Длиннонога и стройна,
словно ветер, мчится...
Ей трава и степь нужна.
В озими гнездится.

СОВЕНОК

Дикий лес с тропой звериной...
Утопают ноги в мох.
Резкий, громкий клич совиный
застает меня врасплох.
Рядом в веточках – совенок.
Желторотый... Серый пух!?..
На меня глаза спросонок
он таращит: “Что за дух?..”
Обхожу куст осторожно,
а сова над головой,
вниз срываясь с кликом грозным,
кажет когти: “Кто такой?..”

ПРИИРТЫШСКИЕ САЙКИ

Перья – дыбом на головке,
крылья в черно-голубом...
Состязаются в сноровке –
расклевать орех вдвоем!
А сегодня наблюдаю –
их собралась сразу стая.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Завешаны зелёным хмелем окна
и облепиха дремлет у ворот…
От зноя день затих…
Светлы волокна
прозрачных облаков-
в них высь поёт.
В них- жаворонка
голосок беспечный,
и оклик журавлиный
с грустью вечной!

ЛИСИЦА

Одинокая лисица
В норке у реки живет…
Длинной ночью ей не спится
и она на луг идет.
Запахи ей нос дурманят:
куропатки свежий след
в плотный куст, таловый, манит.
Виден перьев белый снег.
У копны с душистым сеном
слышит тонкий писк мышей…
К ним она крадется тенью
в тихих сумерках ночей.

***

Ястреб крылья расправил,
над поляной парит,
смотрит влево и вправо –
спать мышам не велит.
Машет крыльями редко...
На мгновенье завис –
ясно: что-то приметил –
камнем падает вниз!

В ЗАРЕЧНОЙ СОГРЕ.

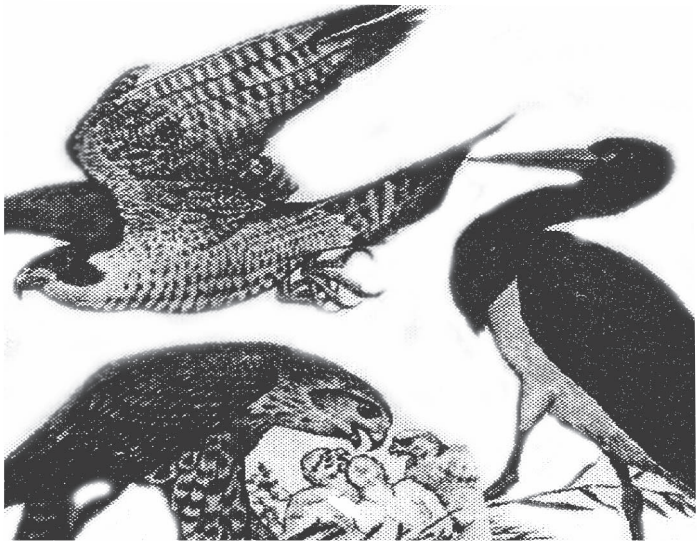
По болоту шел я осторожно...
Но раздался треск гнилых жердей
под ногами –
словно выстрел грозный
прогремел, вспугнув двух крякашей.
Закричал удод, за ним – сорока,
стала булькать, ухать кочкара,
и лягушки всхлипнули в осоке –
все очнулось вмиг в лучах утра.
Все насторожилось, окликая:
кто я, и зачем в их тихом крае?!

***

На полянке, клубникой богатой,
треск кузнечиков, сотни стрекоз...
Разбежались перепелята –
слышен писк их у дальних берез.
Меж цветов и травы непролазной
желтых птенчиков как рассмотреть?!
Мать кричит: “Где мои вы,
проказники?..”
И взлетает – и села на ветвь.

БАЛОБАН

Рыжебурый великан,
ты похож на беркута,
как последний могикан
птичьего бессмертия.
Чем же вдруг не угодил
человеку ныне.
Гордо в небесах парил
и куда-то сгинул.
Как боялись суслик, мышь –
если был ты рядом.
А теперь – над полем тишь
грызунам на радость.



НА РАЗВАЛИНАХ

Речные зори

Есть у меня любимый уголок за Усть-Заостровкой. На старице Иртыша, в ивняковых зарослях спряталось от постороннего взгляда тихое, светлое зеркальце заводи с небольшими камышами и маленькой лужайкой. С рюкзаком, налегке, один пробираюсь по высокой росистой траве...

Наладив две удочки, сажусь на раздвижной стульчик и любуюсь красно-оранжевыми бликами на полусонной, спокойной глади. Вот-вот из-за невысокого леса покажется край огненного солнечного диска.

От воды струится легкое испарение. Шустро бегают по всей заводи водяные паучки-челночки. В центре плеса раскрылись две белые лилии, самые красивые мои цветы. За ними – желтый кружок из нескольких кувшинок, они интересны тем, что, сомкнув на ночь лепестки, полностью погружаются в воду. Ближе к берегу буйно цветет над водой большое семейство водяной кашки.

Неожиданно из камыша выплыла кряква, за ней целый отряд утенят. Желтенькие, с темноватой грудкой и коричневыми носиками, не обращая внимания на меня, быстро проплывают вдоль камыша. Смешные, с открытыми клювами, гоняются за мошками, ловко склевывая их на лету. Пересчитал. Ого, аж одиннадцать, подвижных, пискливых обитателей водоема.

Разглядываю воду, направляю взгляд вглубь. Над плавучей зеленою травой притаился серебристый, продолговатый, зубастый щуренок. Видать, подкарауливает ершей и пескарей.

Их нет, а то бы давно попали на мои крючки. Пока же два желто-красных поплавка с леской лишь изредка слегка дергаются и снова замирают. Представляю, как ленивые, пузатые карасики неохотно касаются приманки. Постукают носами по мормышке, обнюхают и отплывают в темную глубь.

Сидеть устал. Встаю, разминая затекшие суставы, иду по полянке в кусты за хворостом для костра. У ног качаются пушистые одуванчики, в росе сверкают лиловые колокольчики, светлеет в стороне распустившаяся белая кашка. Внизу, между цветами, на листе подорожника зеленый усатый кузнечик тренькает, словно начинающий музыкант.

То там, то здесь пролетают белые и синие стрекозы, бойко гудят над раскрытыми лепестками деловитые пчелы. Повсюду в ивняке перекликаются птицы.

А солнце все еще медлит, чуть-чуть показавшись из-за леса. В синей выси над поляной то и дело проносятся речные ласточки-стрижи. Где-то под высоким обрывом у них в норках есть гнезда.

Озеро Долгое

На горизонте по чисто-голубому простору плывут медленные кучевые облака. А над озером, над моей старенькой лодкой-долбленкой, сверкает огромное Светило. Оно бьется лучами о зеркальную гладь, преломленные и отраженные ею огни полыхают в моих глазах. Тонкий, прозрачный пар клубится у самой воды. Тишина. Я молчу, и мое молчанье – откровеннее, понятнее любого монолога, потому что слова рождаются и остаются в моем сердце. Я четко различаю их звучание:

«… Озеро, ты не просто огромная чаша с живою водой, со звенящими камышами. Или хрустальное, прозрачное зеркало с вечно шелестящей о чем-то осокой, с всплесками радужных рыб, с призывным кряканьем уток. Ты – большее!!! С мягкими дорожками по берегам, с березняком и осинником, затаенными у самой воды, – ты вобрало в себя весь огромный мир. Мир из мгновения и вечности, из радости и откровения, из доверия и любви ко всему сущему.

Во все времена года и в разное время суток ты имеешь свою единственную, неповторимую окраску: вода твоя– то синяя, то зеленая, то со свинцовой рябью, то – огненная, с полыхающей зарей. Весною, в половодье, растекаешься по зеленым лугам. Осенью, окаймленное рыжими камышами, мелеешь, покрываясь у берега ряской и тиной.

Зимой изумрудно-хрустальное под снежным покрывалом - как заснувший лебедь. Твое настроение передается мне, мое – тебе. Если я весел – в любую погоду ты излучаешь мягкий, ласковый свет, если я чем-то опечален – грустишь вместе со мной.

Озеро, я могу наблюдать часами, как в тебе плавают облака и синь опрокинутого неба. По ночам ты – особенно торжественно, со звездами в глубине черных вод, с лунной серебристой дорожкой на таинственной глади.

И все-таки озеро, ты – не просто уголок земли. Ты – мое трудное детство. С тобой я вырос, возмужал!

Ты научило меня видеть прекрасное, научило думать, понимать жизнь.

Озеро, ты моя судьба, от начала до конца дней моих. Тебя я вспоминал и в Москве, и в Ленинграде, и в курортных городах, в скорых поездах. И особенно – когда мне бывало трудно: под операционным ножом или бессонной ночью в темной квартире, раненному чьей-то обидой.

Озеро, ты мое сокровище, моя маленькая Родина!».

Дятлы

Я ступал резиновыми сапогами по влажной оттаявшей поляне. Кое-где сквозь прошлогоднюю траву пробились молодые зеленые ростки. Желтовато-фиолетовые почки талов резко пахли у оврага, в котором еще лежали сугробы серого снега. Зато на пригорке распустился бутон бледно-розовой Печеночницы. Близко за болотом бормотали тетерева, в кустах звенела веселая песня невидимой мухоловки-пеструшки. С края леса шевелился большой муравейник, рядом с ним на пень присела бабочка-Лимонница, помахивая, как веером, желтыми крыльями; где-то в нескольких местах звенели, журчали неутомимые ручьи.

Пересекаю поляну, вхожу в лес и удивляюсь. Огромные старые осины то здесь, то там подгнили и повалились на землю. Некоторые странно наклонились. Такое я обычно наблюдал в заболоченной местности, да и этот лес находился в какой-то обширной низине, заполненной талой водой. Но еще поразило меня и другое: повсюду, по всему лесу разносились многочисленные дробные стуки от налетевших сюда прожорливых птиц, любимых мной дятлов, Их, видимо, собрали здесь отмирающие деревья, в которых легко выдалбливать дупла для гнезд.

Стою, слушаю... Вот раздался громкий хохот зеленого дятла. Следом желна, промелькнув меж стволов, разразилась пронзительной улюлюкающей трелью. А это барабанит по стволу молчком, почти рядом со мной, пестрый дятел. К нему подлетел его напарник. И они продолжили уже вдвоем. Отовсюду такой треск по всему лесу, что захотелось пойти и посмотреть. Но делаю несколько шагов, проваливаюсь, и зачерпываю краем сапога воду вместе со снегом. Выругался и вышел из царства дятлов обратно на теплую солнечную поляну...

Второй раз я попал в этот лес, собирая первые грибы. По всей округе снова слышались дробные перестуки, но звучали они реже и тише. Пригляделся: многие дятлы сновали туда-сюда, от гнезда в поле и обратно. В клювах несли корм, навстречу им из дупла выглядывали головки детенышей.

Под одним деревом я рассмотрел на земле небольшого птенца. Видимо, выпал из гнезда. Вначале я подумал, что это ежонок, так как острые пеньки будущих крыльев торчали на нем, как иголки. Взял в руки, рассматриваю полуголое тельце, большой клюв с выступающей уродливо нижней челюстью. Да, уродец и только, а не птенец красивой птицы. На дергающихся ножках, на широких и толстых пятках различаю грубые мозоли. Это специфические наросты, помогающие лазить по стволам.

Поднял я птенца повыше на дерево, и тот, как скалолаз, быстро полез к своему дуплу. Вот тебе и уродец, а какой проворный! Такие-то парадоксы природы. И еще – подрастет птенец, и, как из сказочного гадкого утенка, вырастет из него красивый дятел.

Я покидал лес с хорошим, светлым настроением. Конечно, трудно предугадать в нашей жизни: из кого что станется на этом белом свете, кто из нас кем вырастет. Чем прославит и удивит Мир?!.

На закате

Речка, солнечная-солнечная, узенькая-узенькая, как шарфик, вьется меж берегами. Снизу из воды всплывают пузырьки – светлые, словно бусы. Видно все до дна: вот стелется волнистая травка…проплывает стайка разноцветных рыбок… а вот два жучка-плавунчика с коричневыми спинками…

Вечером, когда солнце спускается за лес, в воде становится темно, рыбки начинают выпрыгивать из воды. Словно спрашивают: «Где же ты, солнышко?.. Почему стало темно?..»

Мы с бабой Лелей любим сидеть на дощатых мостках нашей речки Оша. И когда рыбки выпрыгивают из воды, я кричу им: «Вот оно, солнышко. Спускается за лес...»

А рыбки все равно выпрыгивают и выпрыгивают. Веселые круги волн разбегаются, переливаются то красными, то синими лучами. Красными – от зорьки, синими – от неба.

Я сижу, любуюсь, но бабушка Лёла поднимается и говорит: «Пойдём, внучек, бурёнку встречать, слышишь – стадо идёт, телята мычат.»

Б. И. Мишкину

КАК ЛЮБЛЮ!

Сторона, моя родная,
в блеске радуг, в свете зорь –
ты, мне юность возвращая,
давней болью не неволь.
Те дымящие закаты
дней войны, больших потерь
иногда тоской накатят –
страшно вспомнить и теперь.
Память ту не предавая,
вновь у бездны на краю
прошепчу: “Земля родная,
как навек тебя люблю!
Как люблю твои плотины,
леса шум и звон ручья,
и весенний гвалт грачиный –
все, чем жизнь полна моя...”

***

Плывет сквозь ночь моя деревня,
и, мучаясь тяжелым сном,
то вспомнит пашню, то деревья,
то гриву с голубым овсом...
И слышит, как крадется осень,
как ветер мрак с болот приносит.

д. Старосолдатка

В ГЛУБИНКЕ

Во ржи расцвел овсюг... Вдоль леса медуницы
встают и манят мой с утра голодный взгляд.
Избушечка в лесу одним глазком глядится,
и лодки сиротливые у камыша стоят.
Налево – солончак,
и ковыли лавиной
качаются, плывут, как облака,
а солнце прячет в согре яркий хвост павлиний...
И лай собачий, тихий,
бежит издалека.

ВЕСЕННИЕ ЗАБОТЫ

Литые ладони плуга
врезаются мягко в стерню.
В мгновенье – пласт чёрный,
упругий –
высвечивает зарю…
В кустах ещё снег таится,
а сеялки встали уж в ряд…
В небе синем гусей вереницы
на Север, к гнездовьям спешат!..

ЗАГАДКА-ОТГАДКА

Словно царь – блестит короной!..
Ясным солнцем светится!..
В огороде, на кордоне
можете с ним встретиться!..
Для животных – хлеб желанный,
пчёлам – дорог мёдом…
Но не этим, как ни странно,
любится в народе…
Как и всё, в час увяданья
поздним, зрелым летом
осыпается в преданье
желтоватым цветом.
Кто-то снимет покрывало
из ворсинок ватных,
что до времени скрывало
зёрен ряд зубчатый!
Раскусив, вы в них найдёте
дар земли и солнца…
Как, теперь вы узнаёте!?
– Точно! Он – подсолнух!!.

В ПОРУ ТЯЖКИХ ГОДИН

Резкий запах смородины,
горький привкус осин…
Это – память о Родине
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный –
я в весеннем лесу,
как дары от природы –
сноп медунок несу…

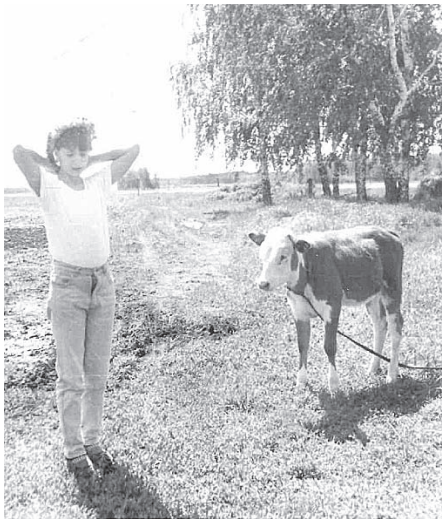
ВЕСЕННИЙ СЕВ

Дорога уходила в небо,
взбираясь круто на бугор –
а дальше – шла в лесистый гребень,
где по утрам стучал топор.
Там на заре, вершины крася,
и травы синего бугра,
вставало солнце:
«Здравствуй! Здравствуй!..» –
встречали гулом трактора.
Внизу, в лугах, текла речушка,
пружиня в сгибах свой разбег…
Быки тянули равнодушно
оглобли стареньких телег.
Зерно в мешках томилось силой,
ссыпаясь в бункеры, звеня.
Вслед сеялки победно плыли,
бросая в землю семена.
А мы под скрип телег весёлый
на склад спешили за зерном…
Уж вечером шагали в школу
в военном том, сорок втором…
Но утром вновь дорога в небо
вела нас круто на бугор…
Цвёл май… Жгло солнце…
Где б я не был –
всё это вижу до сих пор.

ХЛЕБНОЕ ПОЛЕ

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ

Год назад здесь рос бурьян,
нынче – хлеба грива...
Говорит мне дед Иван:
“Ах, полюшко красиво!
Наш сибирский сорт пшеницы,
надо ж славно уродиться!..”



***

Бледно-бледно в окнах зазорилось...
Слышен издали щелчок кнута.
Вмиг деревня вся зашевелилась,
открывая настежь ворота.
Лай собак, мычанье, чьи-то крики...
И гортанный петушиный зов...
Все смешалось в радости великой
пробужденья!... Я вставать готов...
Выхожу во двор к буренке нашей,
поджидаю стадо у плетня...
Первым из проулка вышел страшный
Борька – мощный бык, с кольцом
в ноздрях!

***

В куче муравьиной – суета.
Комары назойливей над ухом.
Потемнело... В небе – чернота.
Жду: вот-вот из тучи молот ухнет.
И прокатится веселый гром,
откликаясь в падях и оврагах.
Вихрь взметнется – и начнет погром,
на пути сметая все преграды.
А потом прольется чистый дождь, –
напоит цветы, траву и рожь.

ТРЕХКОПЕЕЧНЫЙ КАЛАЧ

Сорок третий. На фронте отцы...
Мир живет по суровым законам...
Мама вяжет пшеницу в снопы,
с братом старшим их ставим в
суслоны.
А потом перевозим на ток,
погоняя в телеге лошадку...
Каждый день так: засветит восток, –
я встаю, обрывая сон сладкий.
Я-то знаю, что стоит калач,
трехкопеечный, не по рассказам.
Было тяжко порою, хоть плачь,
но зари не проспал я ни разу.

***

Помню: в горенке просторной,
в красном от икон углу,
сундучок стоял под шторой...
И дорожка на полу...
В сундучке хранились письма
от отца и – аттестат.
В нем слова на серых листьях:
смертью храбрых пал солдат.
Рядом фото, гимнастерка,
две медали храбреца,
да еще ремень потертый –
вот и все... В сорок четвертом
я остался без отца.

КРУТОЯР

Луг внизу – кусты на нём,
домик, бродит стадо.
Я ж – на берегу крутом,
сосны светят рядом.
Крутояр – крутой откос
над водой завис.
Как спуститься – вот вопрос:
нет тропинки вниз…

МОЛОДОЙ РЫСАК

Хомутом стяну потуже
две оглобли под дугой...
Завязал супони узел,
челку потрепал рукой...
Удалого рысака
конюх мне доверил,
вожжи приструнив слегка,
мундштуки проверил.
Плюх в кошевку – и айда
в поле за околицу!..
От копыт кусочки льда
с треском звонко колются.
... И свистят, поют полозья
в дымке воздуха морозной.

ОТ ЗАРИ ДО ЗОРЮШКИ...

У тракториста Сидора
в дому два телевизора –
их некогда смотреть.
В пригоне две коровы,
свинья в хозблоке новом
и с птицей разной клеть...
Есть сапоги с подковами,
костюмы ненадёванны,
и даже галстук есть...
Но от зари до зорюшки
на тракторе он в полюшке.
И некогда присесть.

ПАРЕНКИ

Свеклу и морковь
в горшочках звонких
ставила к загнетке жаркой мать...
За большой железною заслонкой
начинало что-то клокотать.
Парилось, дышало с тихим гудом...
В печку лез пронырливый ухват,
на столе у нас сладчайшим чудом
в чашках расточался аромат.
Незатейливые вечеринки...
За окном морозный лунный свет...
До сих пор любовью материнской
светится изба... И тот обед.

НА ФЕРМЕРСКОМ ПОЛЕ

Позабытая скирда
с прелою соломой –
ты стоишь уж года два,
словно, дом огромный?!
Кормом нынче можешь стать –
или крышу укрывать...
Но забыта. У леска
дремлешь – и плывет тоска.

ЗАРНИЦЫ

Скатилась с неба колесница
за горизонт... А грома – нет.
Тепло в полях. Хлеб колосится –
не от него-ли молний свет?!

ПТИЧЬИ УГОДЬЯ

Куропат

В конце мая травы на лугах и лесных прогалинах поднялись высокие и густые. Снега за зиму набралось много, и обильный весенний паводок сполна напоил землю.

С пустым рюкзаком за плечами с утра я спешил на озеро Травное – проверить рыбу в мордушках. А ходил я всегда не по дорогам, а по полям и лесам – напрямик. За домашней озериной, на высоком увале, у двух старых берез каждый год гнездилась пара белых куропаток. Ежедневные мои походы по лесным дебрям, глухим урочищам, плавание по озерам и рекам давали мне обильные знания, а именно: я знал где и сколько гнездится куропаток и тетерок; в каких оврагах выкопали свои норы барсуки и лисы, в каких соврах устроились на лето лоси и косули...

Так, нынче на озере, куда я шел, очень много кряковых селезней и гусей останется в камышовых островах на «линьку», а за озером Долгое цветут уже богатые кусты дикой смородины...

Подойдя к зелёному колку, я не увидел куропата (так у нас, деревенских, называется самец). Обычно он, резко хлопая крыльями, пронзительно и раскатисто гогоча, вылетал при моем явном приближении. Здесь у него, возле пня, – сторожевой пост. Мне, четырнадцатилетнему «ушлому» охотнику, показалось это странным, и я направился к месту, где должна сидеть на гнезде куропатка. Гнездо я нашел еще в прошлый раз. Немного продвинувшись, оторопел: в гнезде, вместо серых перьев самки, белели яркие крылья самца. Куропат не вытерпел моей близости, поднялся на ножках, сбежал с гнезда и, недовольно, громко крича, улетел в поле. Подойдя вплотную к гнезду и разглядывая яйца, вспомнил: подобное уже когда-то встречалось в моей охотничьей практике. Тогда я думал, что самка улетала кормиться, а самец садился на гнездо. Я ведь знал примеры совместного высиживания птенцов у некоторых разновидностей птиц, когда селезни подменяли самку-наседку. Но таких случаев мало. Чаще самцы-селезни на все лето улетают от гнезда «куда подальше», оставляя самок в одиночестве.

Что-то насторожило мой взгляд, гнездо показалось мне частично разрушенным. И здесь я увидел рядом несколько коротких заостренных палочек. Теперь все стало понятно.

Сашка Мотин, самый хитрющий в деревне пацан, зачастую отлавливал на гнездах куропаток и тетерок. Прием прост: заострив с десяток палочек, прочно втыкал их в землю вокруг гнезда, соединяя концы сверху. Получался маленький шалашик с узким входом. Самка, проникнув через щель в гнездо, не разворачивалась и оставалась, как правило, сидеть хвостом к выходу из шалаша. Когда же Сашка, придя на второй день, подбегал к гнезду, птица застигнутая врасплох, не успевала развернуться и взлететь, и оказывалась в «цепких руках».

Таким образом Мотин отлавливал многих самок, и погибала уйма насиженных яиц. Взрослые его ругали, мы, пацаны, тоже не одобряли такие затеи. Но он продолжал, как хищник, разорять гнезда. Правда, это было в далекие голодные военные годы. С тех пор много воды утекло.

Став взрослым охотником, я много раз наблюдал, как птицы и звери ревностно оберегают свою территорию, где у них – гнезда и норы, будущее потомство. Никогда мне не забыть таежное глухое озерко. Лебедь-самец неподалеку от гнезда с самкой избивал крыльями другого лебедя, случайно залетевшего на чужой водоем. Хозяин с такой страстью нападал на незваного гостя, что незнакомец сразу же улетел с озёра, предпочитая ретироваться вместо боя. До сих пор слышу гордый, воинственный клич победителя.

Необычное гнездо

Мальчик Миша, в большой кепке и зеленой штормовке, притаился под развесистым деревом и, поворачивая голову, смотрел по сторонам. Он часто приходил в лес один, сидел, не шевелясь, и видел многое. То зайчонок выпрыгнет на полянку, то ежик осторожно прошелестит рядом, то дятел вверху задолбит по дереву... На этот раз чуть слышно где-то чирикали птенчики. И здесь он увидел серенькую пичужку, прямо над собой, которая держала в клюве червячка. Прыгнула невеличка раз-другой по ветке и вдруг скрылась в дереве. Миша протер глаза, поморгал – и увидел в стволе круглую дырку! Оттуда выскочила обратно птаха, чирикнула и улетела. А вслед за ней из дырки, как из окна, высунулись головки птенчиков.

«Вот так история, – подумал Миша, – *приду, расскажу ребятам, они снова на смех подымут. Скажут: опять в лесу от страха, мол, в глазах померещилось...».*

Солдатики

Речка Оша когда-то была многоводной, по весне выходила из берегов, заполняла заливные луга. А все потому, что раньше всегда жители моей деревни Старосолдатка строили и поддерживали в хорошем состоянии плотины. Часть воды по трубам спускалась ниже по течению. У других селений строились соответственно свои дамбы.

Водились в нашей речке и щуки, и окунь. А карася и гольяна кишмя-кишело. На речке мы охотились на уток. Куда эта живность подевалась сегодня, не знаю. Сама Оша повысохла и, наверное, вскорости исчезнет совсем.

Старосолдатка – село огромное, в годы войны в ней размещался районный центр со всеми службами. Более десятка улиц, три слободы: Воронежская, Курская, Сиб-Солдатка. Я жил в Курской, мой друг - на Воронежской, а в центральной части находилась школа. Многие улицы располагались по берегам реки, и мое детство тесно связано с речной жизнью.

Расскажу только один случай.

… Как-то летом мы купались на речке, и к нам подлетели и уселись на песок две красивые белые птички. Очень похожие на синиц, но светлей и с длинными хвостами. Они забавно трясли головами, словно кивали нам, важно ходили у кромки воды, что-то клевали, а их хвостики резко вздрагивали. Мы, пацаны, заспорили: как правильно называются эти птички? Но никто толком не знал, и мы спросили о том бабку Алену, пришедшую на мостки с пустыми ведрами и коромыслом. Та сразу ответила.

– Как же, как же, знамо. Ведомо мне, их ране звали солдатиками.

Слеповатая, старая бабка медленно ушла домой, а мы все хохотали

– Солдатики, солдатики, – повторял Петька, – это потому, что так звать нашу деревню. Да и мы все пацаны – также солдатики...

И он был прав. В разговоре сельчане часто говорили: «Мы из Солдатки, солдатские, солдатики...» Хотя наше село и называлось правильно Старосолдатка, его кликали обычно «Солдатка». А ведь неподалеку стояло еще одно село – Новосолдатка. Этот случай с птичками произошел в 1945 году, сразу после войны, и мы в те грозные дни, опаленные войной, очень гордились названием нашей деревни.

Став взрослым, я узнал из книг название тех птичек: «белые трясогузки». Но мне лично это ничего не говорило, а вот «солдатики» – это да!

Что-то близкое, глубинное и даже родное.

Сибирская лиственница

В зелёном океане лесов Сибирского края плещутся белоствольные березовые рощицы, сероватые осиновые колки, полутемные сумрачные ельники, светло-золотистые сосновые боры. На этом фоне выделяются глухие, непролазные таежные дебри.

В дикой и таинственной тайге главные породы – ель, сосна, кедр. Реже встречаются береза и осина – основные обитатели лесостепной зоны. И конечно же, в сибирской тайге лиственница – не гостья, а полноправная хозяйка.

Загадочная высокорослая красавица таежных просторов в конце апреля надевает молодую светло-зеленую хвою. За лето нежные иголочки становятся темно-зелеными, а осенью золотисто-желтыми. Совсем как у сосны и других хвойных пород. Но когда с березы облетают листья, золотые хвоинки лиственницы тоже опадают на землю. За это и назвали странное хвойное дерево – лиственницей! Всюду тайга круглый год – в строгом зелёном наряде, кроме тех мест, где растут лиственницы!

А живут эти необычные деревья по несколько сот лет. За высокий рост, горделивую и стройную осанку, за красоту и долголетие люди величают лиственницу «Королевой сибирских лесов!»

Весною она несказанно хорошеет, вместе с хвоей на ее веточках появляются ярко-желтые шарики с золотистой пыльцой. Дерево словно цветет. Со временем там вырастают похожие на свечки розовато-пурпуровые молодые шишечки. Цвет их постепенно, день ото дня, буреет. Наступает осень – и чешуйки шишечек, как лепесточки, раскрываются, рассеивая далеко-далеко крылатые семена.

В НЕНАСТЬЕ

На небе – хмарь...
В валках сопрело сено,
пшеницы колос никнет до земли.
Взошел рассвет холодный,
постепенно
седые пряди высветив вдали.
Опять заморосило зябко с неба,
поплыли низом тучи по полям...
Бредут коровы лугом шатко, слепо...
Пастух в плаще склонился,
словно пьян.
Дорога киснет.
Лужи – с пузырями,
а по кюветам – мутные ручьи.
Рокочет трактор за деревней яро,
пониженные скорости включив.

***

Старинный запах по лесам:
грибной, густой, непобедимый...
Ау! Ау! – зов к небесам.
Спешу, отрадою томимый.
Там, на полях, среди кустов
мелькают свитера... В корзинах
темнеет срез боровиков
и с краснотою – подосиновик!..
И наклоняясь всякий раз
над бугорочком прелых листьев,
с особой теплотою глаз
ты груздь сырой с надеждой ищешь.

***

Раздвинув прелых листьев слой,
поднялся гриб и шляпкой светит.
Он, как солдатик, предо мной, –
и на опушке так заметен!

д. Сергеевка

Т. М.Белозерову

ГРИБНИЧОК
(сказка)

За деревнею Сосновка,
что красива и чиста,
даровые есть, грибные
заповедные места.
Меж подсолнечных полей
в роще тьма грибов, груздей...
Домовой там, грибничок
ждет, упрятавшись в пенек...
Тихо я бреду с корзиной:
вот обабок нахожу...
Белый гриб и подосиновик...
Вот в плотный лес вхожу.
Березняк – лишь листья, листья...
Шепчет мне мой грибничок:
Что спешишь, ты, оглянись же!..
– Ба, вот груздь, а вот – рядок!
Кучка к кучке, грядка к грядке –
(только листья приоткрыл),
словно бы играют в прятки?..
Кто любовно их растил?..
Уж полна моя корзина
и пора идти домой.
“Погоди”, – бубнит мне в спину
грибничок мой, домовой.
Что-то шепчет вновь, бормочет,
водит по лесу меня,
отпускать никак не хочет.
Чем ему по-нраву я ?

ВЫХОД ЗА ГРИБАМИ

Из низких тучек дождик моросит.
Берёзы потемнели, сник кустарник…
Лишь солнечной багряностью
сквозит
внизу под гривой, вымытый
татарник…
Вхожу в лесок – прёт сырость из
кустов,
текут ручьи из гнёзд вороньих,
с веток.
Вокруг мертво… Цвет прелого
листа,
недавно яркий, стал уже поблекшим.
И мутные, сплошные облака,
что стелятся волной над самым
лесом –
печалят взгляд…
В тиски берёт тоска…
Иду домой я, голову повесив.

ПОРА НА УЖИН

Дохнули мглой просторы,
уплыли в сон пруды…
Последний лучик розовый
скользит поверх воды.
Померкли выси синие,
в них дальних звёзд – пыльца…
Я слышу зов по имени
от дальнего крыльца.
В который раз мне слышится:
зовёт на ужин мать…
Мостки у ног колышутся –
уж лески не видать.
Попрятались гольяны,
плотней с реки туман…
В ответ на голос мамы
кричу: «Иду я, мам…»

РЕССИ

Помесь спаниели и дворняги,
странная собака…
Всё равно
обижать её ни в чём не надо –
а обидеть-то немудрено.
Ластится,
ползёт играть к детишкам,
за прохожим радостно бежит…
Сын мой недоволен:
«Это слишком…
Ведь достоинством
не дорожит…».
Я же Ресси в том не упрекаю,
брать на дачу всякий раз хочу,
там её я в озере купаю –
и к охоте, может, приучу.

ГРИБНОЕ ЦАРСТВО

СЫРОЕЖКИ

В дни войны те сыроежки
приходилось в поле есть -
радость детства!..
В рощах здешних
столько видов их - не счесть!
По окраске - отблеск радуг,
волны утренней зари.
... Край грибной, встречай и радуй!
Вновь улыбку подари.

д. Приозерка

ЦАРЬ ГРИБОВ

Пробираюсь по болоту...
Впереди – огромный гриб,
шляпа с яркой позолотой,
по краям слегка изгиб.
Подхожу, смотрю: гриб белый –
до чего ж красив, здоров...
И шепчу я: в самом деле
настоящий “царь грибов”.

***

Среди сосен на склоне оврага
папоротник разросся густой.
Тишь – аж звон!..
Пахнет ягодной брагой
и нагретою терпкой смолой...
Комариный писк злее, настырней...
Муравей на рукав мой залез...
Тучки – ближе, чернее... Как выстрел,
гром ударил – и замер весь лес.

Артынский бор.

ЛИСТОК

Меж кустов, где пахнет тмином,
сети натянул паук.
В них попал листок осины
и качается: “тук-тук...”
На листке в прожилках красных
точки, знаки – шрифт лесной...
Словно строчки о прекрасной
стороне моей родной.

ОСЕННИЙ ЗАКАТ

Чернеет пашня, березняк белеет,
осинник красным полыхнул листом...
О чем ты плачешь, чибис, что
жалеешь?..
Скатилось лето желтым колесом.

Туманный луг дремотою окутан,
печально светит стылая река...
И одиноко на душе, и смутно.
И все темней над лесом облака.

ОПЯТА

Выпал первый снег в лесу:
Теплый, мягкий, липкий...
Я грибы домой несу –
но боюсь ошибки.
Вроде бы они – опята,
только ярко-желтоваты?
У нормальных же опят
цвет неярко-желтоват.
Лжеопята или нет –
даст мне бабушка ответ.

В. М. Обознову

ВОЛНУШКИ

Говорит мне бабушка:
“Август для волнушек,
семьями, все рядышком
светят по опушкам.
Шляпки в ярких лучиках,
с войлочным пушком...
Я ногами мучаюсь,
трудно в лес пешком.
Набери мне, внучек,
полную корзину,
маринады лучшие
наготовлю в зиму...”

У ДЕРЕВНИ РОЩИНО

Глубже в лес – темно в нем, страшно:
жерди, плесень, гниль вокруг...
– Не ищи грибы ты в чаще, –
говорил мне детства друг.
Я с корзиной продираюсь...
Пусто... Друга вспоминаю...

ПО ТУРПУТЕВКЕ

Идем тропинкой... Сыпется песок.
Кусты свисают всюду с крутояра,
широкий плес искрит наискосок.
Гудит буксир, взметая клубы пара!
А на лугах, где медом полевым
цветы в росе загадочно вздыхают,
поет нам коростель, поет двоим...
Мы в Чернолучье снова отдыхаем.

***

Осенняя сгустилась темь,
но меж деревьев тихо светит
огнивом полусгнивший пень.
Он издали мне стал приметен.
По листьям мокрым, по траве,
уже пожухлой и печальной,
иду на свет... А в голове
звук музыки забытой, дальней.

ГРУЗДЬ

Не подберёзовик, не белый,
а груздь сырой – вот мой кумир!
Между полян с клубникой спелой
туман на зорьке лес прикрыл.
Пойдём, сестра, там, на увале
груздей сырых полным – полно,
да и волнушек там навалом.
Мне хочется туда давно.
…Лес пахнет ягодой-костянкой
и берестою, и дождём.
А грузди кучею, делянкой –
куда ни глянь, стоят кругом.

ШИБЛЯК

Колет руки, колет шею
мне шиповник так и сяк...
Но пройду я, одолею
лес с кустарником – шибляк.
И сорву на память розу,
станет взгляд мой нежно-розов!

В ЗАХАРОВОЙ РОЩЕ

В роще пасмурно, уныло.
Всюду сырость из кустов,
запах листьев, запах гнили
и грибов-боровиков.
Лег тенетник на поляны,
белой ниткой вяжет сеть...
Лишь в шиповнике багряном
солнцу в ягодках алеть.
Выхожу я на опушку –
впереди блестит жнивье.
Тишина... И можно слушать
сердце гулкое свое!

ОЗЁРНЫЕ ПРОСТОРЫ

Лунность

Так уж получается что на озерах я часто – в одиночестве. Вот и сегодня дядька с племянником уехали за пять километров на другое озеро ставить сети, а я остался здесь, на зимнике, на вечернюю зорьку. Солнце уже давно закатилось, утки с озера улетели к берегу на кормежку, все затихло. Но мне спешить некуда. Тихо плыву в лодке по широкому проходу в камышах к берегу.

Луна, огромная и яркая – над самой головой, кажется вот-вот окунется в воду. В моей лодке-раскладушке светло, как днем. Отливает блеском вороненая сталь стволов ружья, светятся серыми красками крылья крякового селезня. Он кажется живым. Даже резиновые чучела, еще мокрые от воды, посверкивают необычной окраской и тоже похожи на живых уток.

Вода возле лодки вздрагивает, бежит легкая волна, переливаясь серебряным светом. На камыше – янтарные капли росы, выступающая из воды ряска красива и причудлива, как кружево. Озерный мир преображен лунным светом в сказочное царство. И только за камышами, у ближнего леса, черные тени напоминают о наступившей ночи.

Я встаю на ноги, легонько отталкиваясь веслами. Лодка, как щука, скользит вперед по серебряной лунной дорожке. Камыш кончился, по бокам над низкой осокой – тонкая пелена тумана. Оттуда слышится кряканье прилетевших на отмель кормиться уток.

Возле талового куста различаю нашу палатку. Машины с дядькой еще нет. Снова присел на сиденье в лодке и слушаю голоса птиц, шелест осоки... Вот из-за озера, от мигающей огнями деревушки, бежит далекий-далекий лай собаки... А может, то – кажется. Так чутко звенит тишина...

Нырок

Дедушка пришел с рыбалки и вместо рыбы принес утенка. *«На-ка, внучек, покорми его. Попал вот в сети и чуть жив, потом отнесем обратно на озеро».*

Утенок был крохотным, с серым пушком, большой головкой и желтым клювом. Быстрые, коричневые глазки следили за моими руками. Я поставил его на землю. На маленьких лапках, с тонкими прозрачными перепонками, он стоял неуверенно, как на льду. А когда я наливал в тазик воды, он сам запрыгнул в него и начал плавать. Плавал быстро, ловко загребая в воде лапками.

Тазик оказался мал, и я притащил бабушкино корыто, до краев наполнил его водой, набросал крошек. Теперь утенок чувствовал себя раздольнее. Иногда он нырял, и это было очень забавно. Дедушка пояснил мне, что утенок-то из породы «нырковых», которые редко покидают воду, любят часто нырять и корм себе достают, в основном, со дна озера.

Через две недели подросшего утенка я принес на речку. Он много плавал, нырял, но к домашним уткам не подплывал. Да и те на него как-то косились, видя в нем «чужака» Ведь все домашние утки из породы «кряковых».

Так было несколько раз. И я решил отнести его на озеро к диким уткам. Утенок вырос настолько, что у него появились по бокам белые дудочки будущих крыльев. Серые перышки на груди нежно поблескивали в лучах солнца. На озере я нашел пристань, где стояли черные просмолёные лодки рыбаков, и пустил утенка на протоку.

Полоска воды была чистой, утенок клювом доставал со дна корм, поглядывал на меня и прислушивался к крикам диких уток. Я долго наблюдал за ним, а потом, пригнувшись, потихоньку ушел за кусты талов и побрел домой...

Подкидыш

Небольшое озеро отражает в воде многоцветную зарю, от поверхности идет густой пар, словно озеро зябко дышит...

Из камыша напротив выплыла стайка утят во главе с мамой-кряквой. Восемь малышей – одинаково жёлтые, а девятый – крупнее, головастее, и цвет необычный, тёмно-коричневый. Конечно, я без труда узнал в нем красноголовика. Вот чудеса! Кряковые породнились с породой «нырковых». Как же так?..

Вспоминаю, как ранней весной многие утки, ещё не имея гнезд, откладывали первые яйца где придется: на луговой травке, кочках, в камыше. Видел я много раз, как в какой-нибудь ямочке или на камыше рядом лежали разные яйца от разных пород уток. Значит, позднее утки, не разбираясь, садились и высиживали разномастных птенцов. Вот эта стайка утят – наглядный тому пример.

Да ,что говорить про диких уток, если в детстве мы подкладывали утиные яйца в куриные гнезда, и курица-наседка, ничего не подозревая, высиживала заодно и утят.

Наблюдаю за выводком, выглядывая из-за камыша. Нырковый утенок бесперечь ныряет, достает корм со дна. Кряковые птенцы шныряют вдоль камыша, ловят букашек и мошек. Самка-кряква, спрятав голову под крыло, спокойно дремлет. Красноголовый утенок зацепил клювом веточку ряски и, дергаясь, откусывает зелень. Затем снова исчезает надолго в воде и выныривает далеко от берега.

Уплывет? Нет, медленно возвращается к стайке утят и уже вместе с ними гоняется за мошками. Видать, он преданный член этого семейства.

Красная трава

Дорога на выходе из леса неожиданно повернула вправо. Я в нерешительности остановился, соображая: в чем же дело?.. Утро еще только зачиналось. Росистые капельки, искрясь, свешивались с веток, впереди над полем поднимался волнистым покрывалом легкий туман. Птицы кричали как-то громко, обеспокоенные моим появлением. Лишь жаворонок спокойно звенел над краем поля. В высоком бескрайнем небе, как парус, скользило одинокое белое облачко. Первые золотистые лучики солнца скользили по верхушкам деревьев...

Полевая дорога когда-то, много лет назад, вела прямо через поле. Колея от колес телег, ямки выбитые копытами всегда четко виднелись в траве. Теперь же след, накатанный машинами уходил в сторону.

Из придорожных кустов резко пахнет смородиной. У каждой опушки леса, даже у самой маленькой поляны – свой, неповторимый запах, настоянный или на горьковатой осиновой коре, или на грибных кореньях, или на лекарственных травах. Здесь же – мой любимый аромат смородины...

Я двинулся через поле, прямо, без дороги, стараясь в густой и высокой траве найти признаки былого следа. Еще мальчишкой босиком сотни раз проходил этим путем по такой мягкой и приятной дорожке. Иду, подставляя лицо солнцу, полевому ветерку и, улыбаясь, вспоминаю детство.

Метров через сто разглядел две светло-рыжие, параллельно идущие бороздки травы, видимо по старым колеям. И вдруг немного подальше, раз за разом, стала попадаться «гусиная травка» – так мы называли ее в детстве. Красного цвета, она четко обозначала прямую тропинку среди высокой и спутанной целины. Как всколыхнулось сердце!.. Красная трава!... Вместо листочков – что-то похожее на розовые пальчики.

Да, конечно, это она всегда росла на этой дорожке, особенно в тех местах, где проступал солончак.

Линька

В поисках грибов я забрался в чащобу. Раздвигаю плотные кусты. Ветки колются, царапаются, цепляются за одежду. Отодвигаю от лица липкую сетку паутины и медленно иду дальше, в самую глубь леса. Пахнет сыростью, прохладой, смородинным листом...

Почти из-под самых ног резко, с шумом, неожиданно выскочил тетерев. Странно взмахнул крылами, но остался на земле. Пробежал несколько шажков от меня в сторону и встал. Красавец!.. Дикарь!..

Большие алые, бархатные брови, атласный блеск шеи, длинный веерообразный хвост... Как во сне, как в какой-нибудь сказке!..

Стою, рассматриваю. Стоит и тетерев, поглядывая на меня, и как-то забавно тихо разговаривает на своем языке. Его бормотание похоже на бульканье ручейка. Вроде, спрашивает меня:

– Ну, чего же ты здесь ходишь, беспокоишь люд лесной?..

И тут из-за моей спины, подпрыгивая и сминая ветки, выскочил пес Тарзан. В один прыжок, с открытой пастью, очутился перед птицей. Тетерев чудом вырвался из-под его носа и, невысоко взлетев над землей, громко хлопая крыльями, скрылся за деревьями. Я, восьмилетний пацан, шел дальше и думал: *«Или раненый, или чего еще? Так плохо летает...».*

Вечером дед Ипат долго рассказывал мне, как в июле линяют все птицы и у них выпадают маховые перья крыльев. Боровая дичь забивается в глухие места. А водоплавающая – утки, гуси – те вообще никак не могут летать – прячутся на озерах, в непроходимых зарослях камыша...

***

Дед Ипат хромает
к непогоде,
и ворчит, калитку приоткрыв:
“– Кто так шибко гонит на подводе,
запалит конягу-мать... тудыв...”
Он колхозный конюх, ладит сбрую,
мастерит ходки и хомуты.
Если что не так, он, негодуя,
руганётся: “мать твою... тудыв...”
За конями в ночь следит исправно,
утром раздает в бригады их.
Дед Ипат ворчлив, но строгих правил,
и не любит ездоков лихих.

***

Я без вил иду в сенник...
Сено пахнет мятою,
я лицом к нему приник
и беру охапкою.
И к буренушке во двор
медленно так топаю,
завожу с ней разговор,
по загривку хлопаю.
Глажу влажные бока,
вижу взгляд доверчивый...
Знаю: кружку молока
мама даст мне вечером.
Долго так стою, смотрю,
как жует буренка.
Взял ведро – вот напою
и уйду тихонько.

СТИРКА

Ведро с золою, чан с корытом
остались дома... Таз с бельем,
отпаренным, от пены смытым,
к реке с братишкой мы несем.
Там мама на мостках полощет –
и плещет вольная вода...
И вот обратно с чистой ношей
идем легко... На проводах
беспечно ласточки щебечут,
и в небе синь и теплота...
Развешиваем у крылечка
старье из ситца и холста.
Штаны – заплата на заплате,
рубашки выцвели давно.
Но чисто все – и речки запах,
хмельной, впитало полотно.

ПОЛЕВОЙ СТАН

Будка... Рядом под навесом
стол огромный, две скамьи...
На лугу, за ближним лесом,
крики, ржанье до зари.
Люди сено убирают,
до деревни – далеко...
Здесь едят и отдыхают.
Стан – устал... Сказать легко.

ДУХОТА

Опять скользят над крышей облака,
скрываются за дальней кромкой леса...
Вслед бабушка ворчит им:
“Эх, тоска,
чего напрасно мельтешат, как бесы.
Вот дождичком полили бы поля,
прибили б пыль, помыли б лес, дорожки...
А то гляди – потрескалась земля,
и духота – дышать аж невозможно...”

СОСЕД АНДРЕЙ

Длиннее тень...
Сошла за лес заря.
Окончена нелегкая работа.
Устало ноют руки, и не зря –
они рубили сруб
с такой охотой!
В колодец старый вставлен
новый сруб.
В воде заря
полоской золотится...
Пот рукавом стерев
с горячих губ,
припал к бадье –
как лед, чиста водица.

АГРОНОМ

Меж лесами и полями
вьется лентою шоссе
Рядом – пашни, зелень ряма,
дальше – рожь искрит в росе...
Дом у речки... луг... загоны...
стадо пестрое бредет...
Жмет машина, как в погоне
где он, новый поворот?
То – в бригаду, то попутно
в лес, на пасеку свернет...
Агроном баранку крутит:
дел земных – невпроворот.

д. Кошкуль

СЕЛЬСКИЕ ЗАБОТЫ

НА ВОСХОДЕ

Звенит коса у тальника:
жиг… жиг...
Отавы – блеск…
Пчела на маковке цветка
колдует… Дремлет лес...

Молчат в тени перепела,
молчит берёз листва…
И лишь коса в мой стих вплела
с мелодией слова!

СУНДУЧОК

Деревянный... Железной полоской
поокованы снизу углы...
А внутри – дрель,
стаместка с откосом...
Гвозди, сверла на дне залегли...
Дед влюблен был в столярное дело,
я ж – охотник заядлый, рыбак...
И стоит сундучок онемело
в сараюшке, где сырость и мрак.
Сын подрос – то футбол, то хоккей…
С каждым днем дрель,
стаместка – ржавей.

ОСЕННИЙ ТУМАН

В белых волнах тумана
остывает река.
Я шепчу: “Здравствуй, мама...” –
над травой бугорка.
Вечер хмурится тучей,
догорает закат...
Над полынною кручей
мой печалится взгляд.
И сквозь пряди тумана –
вдалеке – моя мама.

УТРО В ЗАРЕЧЬЕ

Выхожу босиком на крылечко...
Тишь и свежесть царят во дворе.
Крики чаек над сонною речкой,
и грачиный базар на бугре.
За поскотиной – поле ржаное,
слышен рокот комбайнов вдали –
что-то давнее и дорогое
в светлой дымке от теплой земли.
Вот наседка с цыплятами вышла,
спрыгнул кот-акробат с чердака,
воробьи застучали по крыше...
Загорелись вверху облака.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Лежит в грязи заржавленный, большой
буксирный трос...
Кювет – с водою яма,
след гусениц отчетливо двойной...
Осколки кирпича... Прицепа рама...
Трос связан в трех местах.
Да, нелегка,
наверное, была ему работа:
не одного тащил грузовика,
над ним немало пролитого пота.
Не раз еще бы службу сослужил,
но крюк буксирный сбросил – и забыл...

ТЕНЕТНИК

Дни стоят – безветрия полны,
рощи посветлели, опустели...
Посреди осенней тишины
всюду паутинки полетели...
То развесят блестки по кустам,
то посеребрят камыш, как иней...
То, с кустов сорвавшись, к облакам,
тянутся за клином журавлиным.

ИДУ Я ЗА ВОДОЙ

Дождь с ночи тарабанит
и лужи во дворе.
Амбар, саман и баня
сверкают в янтаре.
В обед чуть посветлело –
пошёл я за водой.
Мне до дождя нет дела:
укрыт я с головой.
На мне плащ с капюшоном,
в болотных сапогах…
И лужицы со звоном
вверх плещутся:
«Ох!.. Ах!»

У ДЕРЕВНИ БУСЛЫ

Просвистела пролетная стая...
Желтоватый медлительный свет
над болотной травой остывает.
Кружит лист. Где же дед мой,
Софет?..
Тихо так. Не стрекочет сорока,
и синицы еще не слыхать...
Вышли лета короткие сроки,
и пора бы нам крышу латать.

ПОГОДЕ БЫТЬ!

Плывут усталые комбайны
по волнам нивы золотой...
Веселый ветерок забавно
играет с девичьей косой.
Картошку с дочерью копаем.
Изгрызанные клубни есть,
кроты нарыли норки с краю,
от них ходов вокруг – не счесть.
А в небо высоко взлетают
грачи – с крыла и на крыло
скользят... Примета есть такая:
погоде быть!.. Нам повезло.

ОТ ЧЕГО ЖЕ БЕЛО МОЛОКО?

Дышит речка холодно туманом:
всплеск, круги –
и снова – тишь да гладь…
В мае солнце всходит очень рано
новый день в краю моём встречать!
И от снов ещё оцепеневшая,
нежится вода, блестит в лучах…
… Вижу стадо пёстрое, неспешное –
над которым вороны кричат…
А туман молочной пеленою
стелется, ложится на луга –
и коровы, словно его ловят,
лижут травы, опустив рога!..
Как же не додумался я раньше –
отчего же бело молоко!?.
Берегом крутым иду, по краешку,
и смеюсь: «Свалюсь – не глубоко…»

Деревня Кумыра – бывший форпост (1740г.) Сибирской оборонительной линии

СЕЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

Пахотный клин

«Но достойней за тяжелым плугом в свежих росах по-утру идти...».
А. Блок

Мотоцикл, недовольно чихнув несколько раз, заглох. За минуты быстрой езды лицо Андрея посвежело, разрумянилось. Он бодро направился к трактору, что стоял под навесом берез, а я вылез из «люльки» и по узкой дорожке в уже желтоватой осенней осоке вышел к озеру, на котором вчера поставил сети.

Крупная роса скатывалась на мои сапоги, они сверкали невиданной чистотой. Озеро безмятежно светилось, как лицо спящего ребенка. До восхода солнца оставались считанные мгновения, у берега из воды выскакивали рыбки, и на том месте, играя и искрясь, долго отсвечивали, разбегаясь далеко в стороны, незатейливые кружочки волн.

Свежесть и прохлада утра насквозь пронизывали тело, пружинили шаг, веселили мысли, уверяя, что жизнь – чудо, подаренное вот таким пробуждением земли, нарождением нового дня.

Я столкнул лодку на воду, она мягко закачалась, весла тихо погрузились в заревую воду. Озерная гладь переливалась всеми цветами радуги, но главенствовал красный, отчего вода алела на сгибе волн, бегущих за кормой...

Когда я вернулся к полевому стану, Андрей доканчивал первый загон. Широкая, ровная, черная полоса вспаханной земли парила, искрилась глянцем. А рядом мерцала золотистая стерня! Только что освободившееся от тучных хлебов, поле готовилось снова к великому, таинственному обряду. Повторение жизни, обновление жизни, продолжение!.. Яркие поэтические слова переполняли мою душу, любящую крестьянский труд.

Я долго стоял и смотрел на благодатное поле, рокочущий трактор, и по хорошему завидовал работе Андрея. Это для него в моей голове трубили тяжеловесные слова: *«Но достойней за тяжелым плугом в свежих росах по утру идти...».*

Травяное озеро

Оно открылось неожиданно.

С увала хорошо просматривались островки камыша и осоки, заполнившие все озеро. Только маленькие зеркальца с чистой водой протянулись по центру, напоминая о былом. Большое и красивое, в старые времена озеро кишело рыбой и дичью.

«Кормилице ты наше», – любовно поговаривал дед Ипат при подъезде к нему. Пристань была удобной, въезд глубоким, а на берегу стояла старенькая избушка.

Теперь нет ни домика, ни пристани, ни деда Ипата, который умер три года назад. Камыш да осока распевают грустную песню о поросшей красоте озера. Еще в детстве помню, как старики рассказывали, что это озеро – с причудами.

То в один год обмелеет, то сразу грунтовые воды могут в любое время года сделать его глубоким. Вода в нем необычайной чистоты. Поговаривали, даже совсем когда-то зарастало, а потом, однажды по весне, затопив вокруг луга и прибрежный лес, стало еще более обширным и глубоким.

Как оно будет теперь?..

Кусты талов из-под увала все дальше и дальше двигаются к центру озера, стягивая смертельную петлю. И маленький плес – словно последняя слеза на старческом лице...

Постоянство

Поужинали… Мать, прибрав со стола деревянные ложки и миски, поспешила за ворота, где напротив дома на лавочке собрались соседи. Там идет бурное обсуждение прожитого дня: кто косил сено и где, кто каких принес грибов и ягод, кто поженился, кто напился, и еще многое другое...

Мать родилась и выросла на этой улице, здесь ее хоть и плохонький, но свой дом. Огород, двор, хозяйство. Здесь вся ее жизнь от начала и, возможно, до конца...

И чего только не вспомнят в разговоре: отсюда проводили мужей на фронт, обратно шли листы похоронок, да редко – солдаты, чаще – калеки. А они, женщины, впрягались с коровами в плуг – я сам, будучи пацаном-малолеткой, все это не только видел своими глазами, а часто и помогал взрослым.

Я давно не живу здесь, но многое мне помнится, лица сельчан знакомы до сих пор. Втайне прислушиваюсь к разговору. Через открытое окно хорошо слышны «охи», «ахи». Сколько во всем непосредственности и доброты, взаимоучастия. Ласково называют друг друга «подружками», а каждой из них – за пятьдесят.

Наперебой приглашают к себе на чай, любовно хвалятся сыновьями, дочерьми, внуками...

Я вспоминаю, как несколько лет назад, переманил мать к себе в город, на пятый этаж. Пожила она и заявила: *«Не могу – как в тюрьме у вас, задыхаюсь...».* И уехала. Я тогда обиделся, а сейчас понимаю: она по-своему права.

Августовский вечер быстро сгустил сумерки. Прошли ребята из кино, утихли и голоса на лавочке. Только далеко-далеко, за надречной улицей, заиграла гармонь...

Прощание с летом

Август. Последние недели лета. Днями тепло, но по ночам прохладно и сыро. Все чаще по утрам встают густые молочные туманы. Лес полон особой прелести, очарования и щедрости. На лесных полянах перемешались всевозможные цвета и запахи. Сегодня на рассвете прошёл дождь. Посвежевшие поля бьют в ноздри хмельным ароматом трав, цветов, прелых листьев. И, конечно же, в воздухе царит терпкий грибной настой.

На опушке, куда я только пришел, видимо-невидимо волнушек. Нахожу несколько белых грибов. Аккуратно срезаю и двигаюсь вдоль кустов бузины. В ее зеленых ветвях уже сверкают красные яркие гроздья. Оглядываюсь. Вокруг и дальше по лесной закрайке разметался сплошной осенний пожар бузины.

Когда я ехал сюда, вдоль дороги видел кусты рябины и калины. На них еще только намечается багряный блеск, а здесь, в темноватых ветвях бузины, зажглись, словно раскаленные угольки, красные мелкие ягодки. Раньше я как-то и не замечал прелести этого кустарника, хотя зимой не раз встречал на нём множество кормящихся снегирей и чечеток. И всегда любовался ими издали.

Вхожу в лес. Присмотрелся. Под ногами виднеются маленькие пенечки от боровиков. Сверху на них различаю не срез ножа, а характерные тонкие бороздки от зубов грызунов. Это мне знакомо: здесь похозяйничали мыши-полевки. Гнезда их, небольшие свитые серые шарики, я видел в кустах на ветках. Прохожу дальше – и снова множество рядов пенечков, уродливых, без шляпок. Надо же, близко на опушке кусты бузины, мыши ее не любят, боятся. И обычно рядом с ней не селятся.

И чего только не бывает? Часто грибы склевывают птицы, их поедают зайцы, белки, домашний скот. Иногда встречаются молодые, крепкие грибы, ножки и шляпки которых поражены лесными слизняками. Так что редко найдется рощица, где грибы не тронуты. А такое нашествие мышей я вижу впервые.

Перешел в мелкий березняк, в середине его – низина, очень сыро. О, сколько же разноцветных сыроежек разукрасили всю землю. Кое-где из-под земли выглядывают сухие грузди. Наполняю корзину, две сумки. Все, хватит. Не унести. Вокруг еще остается уйма грибов. По одному, кучками, грядками...

Целое грибное царство…

ПОРА СОМНЕНИЙ

В паутинах куст белеет
над обрывом Иртыша.
Не пойму – о чем жалеет
грустный шелест камыша?
Стынет золотая осень
на жнивье и по лесам,
почему никто не спросит:
отчего печалюсь сам?..
В небе дальнем птичьи стаи
клиньями спешат на юг.
Отчего в глазах грусть тает,
с чем я нынче расстаюсь?..
В паутинках куст – белеет, –
ну, а он о чем жалеет?..

ПОЕЗДКА В ТАРУ

Сыплется желтый песок с крутояра,
кустарник сползает в овраг.
Гудит теплоход, над трубой струйка пара
взметнулась – трепещет, как флаг.
Луга заливные... Зеленые ивы,
протоками птицы летят...
Я с палубы домик красивый заметил
в деревьях, с резьбою фасад.
Вот старицы русло, плес с птичьим базаром,
и пестрое стадо в лугах...
А вот, наконец, – долгожданная Тара.
Причал весь в закатных лучах!

КОВАРНОЕ БОЛОТО

А кочки, как живые, на плаву
играют, прикрывая мрак колодцев...
Шагнешь поспешно в рыжую траву –
и с головою в воду окунешься.
И не достанешь илистого дна...
Вокруг талы и мхом заросший берег...
Шумит камыш о том, что жизнь одна
и что нельзя болотным кочкам верить.

ПУГЛИВЫЙ ЗАЙЧОНОК

Вышел месяц из-за туч,
осветил поляну.
Меж березок резкий луч
на зайчонка глянул.
Тот проснулся: ночь ли, день? –
не поймет спросонок.
От деревьев всюду тень,
выпь в болоте стонет.
Шмыг зайчонок от берез
к свету, на опушку,
крутит, вертит всяко нос –
ушки на макушке...
Месяц травы серебрит
и дорожки стелет,
а зайчонок все дрожит,
тишине не верит.

ВОСХОДИТ РАННЯЯ ЗВЕЗДА

Над речкой гаснет ясный день
и, розовея, облака
в закатную уходят тень...
Сижу я у стожка.
Восходит ранняя звезда –
как малый уголек,
плывет по небу наугад...
Как свет ее далек!

ОТМЕТИНЫ НА СРЕЗАХ

Охапку свежих дров
к поленнице несу,
сок светлый выступает на поленьях.
Круги на срезах, то года в лесу –
оставили нам знаки сотворенья.
Один круг – рваный, а второй – темней,
а этот – тоньше.
Видно, было лето
засушливым. Другое – холодней?..
Как на лице, читаю все отметины.

ОСЕННИЕ ПЕРЕМЕНЫ

***

Если друг меня обманет
или как-то обзовёт –
жаловаться я не стану
маме, папе – я не тот.
Я уйду на луг…
Цветами
надышусь, и утоплю
в речке грусть…
Вновь сильным стану!..
И обидчика прощу

ДЕНЬ ИЛЬИ

Вот и август... День Ильи.
Синь прохладой веет с
речки...
Откупались, отгребли.
Пляж пустынный смотрит в
вечер.
С луга стелется туман...
Сырость из кустов пахнула...
В небе птичий караван...
И грибами даль вздохнула.

***

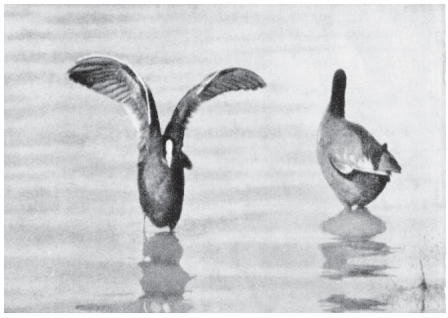
Ах, какая тишина!
Улеглась в проулке пыль...
Тучка черная видна –
так обманчив этот штиль.
Быть грозе! А в речке –
синь...
В травах – нити паутин.

НА ОЗЕРЕ ЛЕБЯЖЬЕМ

Дробь серпом ударила
по шее –
оборвался лебединый крик.
Гладь озерная пятном белела –
браконьер испуганно поник...
Воровски подъехал он,
и в лодку
затащил красавца-кликуна...
В камыше, допив бутылку
водки,
до утра ворочался без сна.

ОХОТНИЧИЙ СОН

Набродившись по болоту,



в стог соломы заберусь,
и, уставший, беззаботный,
в сладкий сон я погружусь.
Под ночным прохладным
небом,
как в постели пуховой,
запах трав, цветов и хлеба
будут плыть над головой.
Коростели грусть седая
и совы разбойный крик,
сны мои переплетая,
в сказку унесут на миг

ВЫПЬ

На утренней зорьке в
холодной заре
иду по болоту в большой кочкаре.
Осока, камыш – ветка это иль
клюв?..
А рядом бекас вылетает,
мелькнув.
Но профиль заметней
сквозит в камыше:
вот крылья... вот ноги... – И
смутно в душе.
Ведь я же охотник – меня ль
удивить?
Все ближе и ближе – да это
же выпь!

ХРОМОЙ КУЛИК

Лес обнажился... Стынут
дали
с поблекшим лугом и рекой.
Хромой кулик, отстав от
стаи,
все кружит, плачет надо
мной...
Присел на отмели песчаной,
где в волнах плавится закат,
между камней исчез
печально –
сам будто в чем-то виноват.
река Камышовка.

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Снова бегут за окошком вагонным
нивы, холмы, голубая река…
Роща с деревней – у крайнего дома
луг начинается… Вижу стога.
Люди, как пчёлы, с утра копошатся
на огородах, а кто – во дворе.
А по шоссе друг за дружкою
мчатся,
в гонке машины, как в детской
игре…
Долго смотрю из окна я вагона,
как на экране – пейзаж незнакомый.

ОСЕННИЙ СВЕТ

В тучи солнышко ясное
спрятали небеса,
но лучи его красные
не исчезли в лесах.
Свет багряный на листьях
заиграл, загорел,
но сверкая лучисто –
никого не согрел.

***

У стога пообщипаны бока,
к нему следы лосиные
приводят...
Тетерева взлетают из рямка,
летят над лугом... Солнышко
восходит...
А на жнивье под снегом
залегла
пшеница, и рядки едва
заметны...
Заря морозом на поля стекла.
Неубран хлеб! За это кто
ответит?

ОСЕННИЙ КОСТЕР

Чуть отсыревший коробок
я спичкою потер
и чиркнул раз, еще разок!..
И запылал костер.
Горела ярко береста,
сушняк вовсю трещал...
Светились веточки куста,
а лес темнее стал.
Огонь плясал, огонь гудел –
и в рокоте огня
послышалось,
как кто-то пел...
Потом чихал, дразня...
И, негодуя, звал... кричал...
И искрами стрелял...
И тихо плакал, осерчав...
Согревшись, я дремал.

ПЕРЕЛЕСКИ

Здесь – осины, там – березы...
Синь – поляны меж лесов.
Отсвет нежен, легок, розов
от летящих облаков.
Островками перелески...
Лесостепь – мой край
прелестный!

д. Березовка

ОСЕННИЕ НАСТРОЕНИЯ

Поздняя ягода

По утрам стало подмораживать. На траве и кустах высыпает иней, а из низких серых туч нет-нет да и сыпанет не то град, не то – снег. Холодрыга весь сентябрь жуткая.

Наш путь лежит из Омска через Тюкалинск на Усть-Логатку, далее – на Карасук. В нем переночевали, утром рано выехали в деревню Заозерную. За ней какое-то брошенное село, где остались пустые, без окон, две избы.

Новенький пазик-вездеход идет без пробуксовки через ручьи и промоины. Начались зеленые рямки: слева, справа, впереди. В березовых колках деревья облепили стаи непуганых тетеревов. Их – сотни.

Опытный проводник везет нас без остановки до небольшого озерка. Это – конечная точка пути. Вылазим, нас – восемь человек. Ставим палатку, разжигаем костер. Пьем чай, пятиминутные сборы – и в путь. По ряму, по еле заметной дорожке, по колено в воде, выходим через километр на клюквенное болото.

Клюква – крупная, спелая, прозрачная, налитая ароматным соком. Она алеет на покрывале из темно-зеленых мхов. Изредка попадают кочки, на которых растёт багульник с уже почерневшей, сморщенной, перезревшей брусникой. А клюква – в самом соку, И столько ее много. Красно, куда ни глянешь. Ее тоненькие веточки-ниточки почти незаметны. Кажется, кто-то невидимый порассыпал эти необычные ягоды.

До обеда, в среднем, нащипали все по ведру. Перекусили и до вечера – ещё по ведру. Водитель с сыном собирают приспособлением-»комбайном». Они набрали по мешку каждый.

Обратный путь до палатки с грузом очень мучителен. Ноги глубоко проваливаются в мох, вода иногда захлёстывает за отвороты простых сапог. Хорошо, у кого они охотничьи, болотные.

Усталые, потные в темноте уже добираемся до машины. И в ночь – домой, 300 километров пути без сна и отдыха…

Зато как отрадно зимой наполнить тарелку свежей клюквой, пересыпать ягоды сахаром и, с хрустом раскусив их, ощутить аромат и сладость.

Клюква – особая ягода. Сохраняется подолгу, не теряя своих вкусовых качеств, Поздняя ягода, но и самая лучшая, самая полезная.

Домашние и дикие

Озеро Теннис. Самое северное гнездование колонии кудрявых пеликанов, занесённых в Красную Книгу.

Мальчишкой как-то принес с озера утенка кряковой утки, самой «матерой», как их называли старики. Попал в сеть рыбаку, тот отдал мне. Думал: *«Выращу, может, получится подсадная».*

Утенок много и охотно ел и пил из чашки, плавал в тазике с водой. Иногда я его выносил на речку. Вел он себя спокойно. Быстро подрастал. Появились дудки на крыльях, затем – маховые перья.

«Подстриги крылья», – посоветовал соседский Петька. Я не стал подстригать, уж больно хотелось мне увидеть, как мой утенок начнет подыматься в воздух. «Улетит», – повторял Петька, а он и не думал взлетать.

Часто на озерах я наблюдал за утиными выводками. Желтенькие, пухленькие утята быстро бегают по воде за мошками, подрастая, начинают нырять в воду, доставая со дна корм, потом, когда вырастают крылья, начинают учиться летать. Энергичные, резвые, смелые – они любили ветер, воду, небо.

Мой же утенок ничего не любил. В небольшом тазике, под навесом, скрывающим небо, он тучнел, жирел. И только когда в сентябре стаи птиц в небе поплыли на юг, он расправил свои крылья, взмахнул ими. Но они были тяжелыми, непослушными...

Я всегда против категоричности в суждениях и прямолинейности в сравнениях. И все же – как расценивать пример с утенком?..

Кто не видел, как домашняя утка, неповоротливая, спокойная, взмахивает крыльями и старается взлететь. Напрасно, бесполезно. Стая домашний гусей, слыша призывные крики с небес, долго разбегается по берегу реки, махая крыльями. Некоторые даже поднимаются на крыло, пролетают метров сто и тяжело опускаются на землю.

Они позабыли ощущение полета, крылатые, они сравнялись с бескрылыми. А в небесах торжественно и четко уплывают вдаль стаи свободных собратьев.

Вот так за плотными засовами ворот, клеток, вольер утрачивается ощущение прелести бега, полета, поиска. Добротный корм, тихая жизнь сделали одомашненных животных малоподвижными, грузными. Но домашние птицы и животные – лишь один пример потери свободы. А есть еще категории людей, которые в этом смысле уподобляются бескрылым птицам.

На Камышном

Солнце скатывалось за темно-зеленый лес, а навстречу ему наползала черная туча. Она быстро росла и уже закрывала край неба, постепенно всасывая в себя солнце.

Простояв полчаса без выстрела, я сожалел, что забрался в эту глушь. Камыш поднимался выше плеч, я стоял не двигаясь, так как после любого движения трясина подо мною уходила вниз, и вода подбиралась к отворотам сапог. Утки, хотя их и было много, не летали, изредка покрякивая по камышам. Озеро походило больше на болото, с многочисленными зеркальцами воды.

Даже комары угомонились. Вот один зазвенел над моим ухом и тотчас исчез. А туча нарастала, клубилась темными космами и слегка громыхала.

Небо над озером небольшое, со всех сторон окаймленное высоким лесом, от чего кажется, что и озеро, и я сам находимся в какой-то низине. Странное ощущение.

Наконец, туча заполонила все небо, стало совсем темно, а дождя нет. Затих на мгновение ветер. Только издали, со стороны леса, слышался нарастающий шум, словно там продиралось огромное стадо животных. Какая-то робость и смятение наполнили озеро. Ни крика, ни писка...

Неожиданно на плечо упало несколько крупных капель. Еще и еще. И вдруг, как из ведра, полилось бесконечными струями. Казалось, не серебряные ручьи стекают с неба, а от земли выросли стебли дождя. Сплошная водяная завеса. В одну минуту я промок до ниточки.

Дождь прекратился неожиданно, как и начался. Я торопливо вышел из камыша на твердый берег, перевернул ружье стволами вниз, из которых полилась вода. Снял раскисший патронташ, выжал куртку и кепку и огляделся.

Небо очистилось полностью, лучи заходящего солнца, скользя над лесом, ярко освещали озеро, над которым творилось что-то невообразимое. Утки и чайки по одиночке, стайками взлетали в воздух, громко крича на все лады. Рядом со мной кружились чибисы, яростно кувыркаясь и окликая друг друга. Кулички и бекасы, с пронзительным криком, пикировали с высоты на озеро, на котором разразился невиданный праздник. Трава, осока, камыш, таловый куст – все блестело изумрудным светом капель, все дышало чистотой и новизной жизни, наполняя мою грудь беспричинной радостью.

Теннис. Молодые пеликаны поднялись на крыло.

Опята

Мокрое осеннее небо с утра темнело, хмурилось. Не хотело никак просыпаться. Но откуда-то налетел резкий холодный ветер, березовый колок вздрогнул, посыпалась с веток золотистая листва. Словно из вышины кто-то резко выдохнул раз-другой, и лес оказался полуголым.

Мглистая высь очистилась от туч, по вершинкам деревьев заскользили, заискрились солнечные лучи. Засверкали, заиграли яркие блики по опавшей листве, росистой траве, зеленой полевой дорожке.

Сворачиваю в лес, захожу вглубь. Огромный старый пень виден издалека. Он весь усыпан опятами: на упругих ножках, кучками, весело поблескивающие шляпками. Они завораживают мой взгляд. Да, это к ним я спешил навстречу с утра пораньше. О них я мечтал длинными зимними вечерами. Наклоняюсь, словно кланяюсь. Тихо говорю: *«Здравствуйте!..»*

Берёзовый ключик

Красноперый окунек, золотистый карасик и три серебристых гольяна жили в маленькой речушке, под яром. Жили дружно, припеваючи. На берегу росли белые березы, из-под крутого обрыва на песок вытекал тоненький ручей. Вода в нем, даже в жару, была холодной-холодной, чистой-чистой. А звали его – «Березовый ключик». Окунек, карасик и три серебристых гольяна гонялись днями за водяными букашками и мошками, выпрыгивали играючи из воды или ложились на песчаное дно, подкарауливая паучков. Но вечером обязательно приплывали к «березовому ключику». Над речкой замолкали птичьи голоса, солнце пряталось куда-то за березовую рощу, становилось сумрачно и тихо. И только «березовый ключик» звенел светло и нежно, вбегая веселым ручейком в темную речку. Он рассказывал рыбам, как давным-давно благодатный дождичек из туч пролился на поля, напоил травы и цветы, хлебное поле. И вот под землей – капелька за капелькой – слился в ручеек. И стал искать дорогу к речке. Долго искал и здесь, у березовой рощи, из-под обрыва пробился к свету живительным родником – «березовым ключиком».

НА ЖИВОТЕ

Ползал я в полях на животе,
чтобы подсмотреть за птицей, зверем.
И теперь наивной простоте
городских охотников не верю.
Жаждущим потехи да стрельбы,
лишний шаг не хочется им сделать.
Потому – глухи они, слепы.
Выпить, закусить – важнее дела?!
А в охоте надо наблюдать
и часами, при любой погоде –
верить, ждать, напрасно не пугать.
Вжиться в естество самой природы...
К миру в первобытной красоте
не зазря я полз на животе!

***

Синь зависла в полях... Неоглядна.
Паутинки повсюду летят...
По траве, на шестах, в роще рядом
нити белые всюду искрят...
Лодка дремлет в воде, на приколе,
и звенит грустной песней камыш...
Разгулялся тенетник на воле,
разлетелся... А в воздухе – тишь!

В КУРЕНГИНСКОМ ЗАКАЗНИКЕ

Засверкал на перышках тетерки
золотой, негреющий рассвет,
куропат взлетел – крикливый, верткий.
Я успел лишь поглядеть вослед.
В голых ветках белый иней светит,
ломкая осока – под ногой...
Лис прокрался сбоку незаметно
и мелькнул за плотной ракитой.
Из рямка могучий лось выходит
на поляну... Замер в тишине.
Что мне зверь – мои патроны с дробью.
Самолет след чертит в вышине.

ДЕД-ОХОТНИК

В щель сарая влез хорек,
и зверюшке невдомек,
что охотник – дед сердитый –
в дверь капкан установил,
натянул две сетки скрытно...
Кур пропавших не забыл.

ЗАПЛУТАЛ

Водит ночь меня в плотных, колючих кустах...
До крови пальцы ног ободрал.
И усталость, как гиря, висит на ногах.
Чу! Вдали загорелся фонарь!
Где палатка моя у реки, через лес,
есть дорога к охотничьей базе.
Заплутал я изрядно, запутал вот бес,
что о базе не вспомнил ни разу...
Через ночь, через даль и туманную хмарь
мне лучи протянул светлоокий фонарь!

охотбаза Ачикуль

ТРЯСИНА

Между кочек зелень тины
манит покрывалом...
Только встал я на трясину –
ух! – как не бывало!..
Оборвался в воду, вниз
– за соломинку держись!

***

А хмарь дождливая поля накрыла,
поник осинник с яркою листвой.
Грибы и ягоды в траву зарылись,
ползет с лугов туман густой волной.
Стекает дождик по стволам и веткам,
и листья в мутных капельках дрожат...
Иду я лесом в сумрак беспросветный,
туда, где тырла черные стоят.
В избушке, там у озера, за гривой,
дед Паша сети чинит, ждет обед.
А у порога рыжий пес ленивый
скулит дремотно, щурится на свет.

д. Кутырлы

ЛЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

ЖУРАВЛИ

В ясный полдень в небе синем
кружат стайкой журавли.
Пригляжусь:
лишь росчерк крыльев
различаю я с земли.
Марево…
И испаренья,
как потоки, ввысь текут…
Крыльев взмах, затем –
скольженье.
По волнам плывут, плывут!
На безветрии небесном,
в синеве купаясь вновь,
чуть курлыча, грустной песней –
дарят светлую любовь!

***

Вновь пришла седая осень.
Теплую постель забросив,
сплю я сладко на охоте
то в палатке, то в копне,
то в избушке допотопной
в глухоманной стороне.
Клюкву ем, варю ушицу,
чай с душничкой на ночь пью.
Крепко сплю и часто снится:
Птицей в облаках парю!

ПРИОЗЕРЬЕ – КРАЙ ЗАВЕТНЫЙ

Воды млеют, загораясь,
в бликах стынущей зари.
На болоте мшистом,с края,
протрубили журавли.
Прядью маминой седою
занавесил луг туман...
Приозерье, я не скрою –
красотой твоею пьян!
Вновь иду я на рассвете
через столько длинных лет
на поляны, в край заветный...
Ветки шепчут мне: Привет!

НАЧАЛО ЛЕДОСТАВА

На песке – шуги наросты,
меж камнями – первый снег.
И его сгребает горстью
любопытный человек.
Рядом первая синица
шустро шмыгает в ветвях.
Над рекою пар дымится,
словно вздох о летних днях.

***

Туман крадется на рассвете...
Роится мошек толокно.
В лицо струится свежий ветер,
а на лугах темным-темно!
Как постарело сразу лето,
последний лист слетает с веток.

***

На песчаном берегу отлогом
куличок нахохленный бежит...
Головой своей кивая строго,
резко так, пронзительно кричит
Вот привстал на длинных тонких ножках,
робко клюнул синь речной воды...
И опять крик жалобный, тревожный –
словно оклик близяшей беды.
Даже пес притих мой. Озадачен,
смотрит на меня – что крик сей значит?

ГОГОЛЬ

На закрайках – первый лед,
но звенит не льдинка –
слышу гоголя полет
в небесах предзимних.
Мелодичный тихий звон,
словно посвист стужи...
Ближе-ближе, звонче он,
наполняет душу!..
Белоснежный, огневой
мчится гоголь надо мной!

У ДЕРЕВНИ ЗАЛИВИНО

В овраге сыро... Вниз сползая,
кусты цепляются, как рать.
Осел грунт, корни оголяя,
внизу темно, угрюма падь.
Но пахнет свежестью желанной,
и плавает туман обманный.

***

Мороз сковал огромный плес,
повмерзли лодки в няшу,
и ветер первый снег разнес
над лугом полинявшим.
Шуга шуршит на Иртыше,
льдом старица мерцает...
Вот и лисица в камыше
подранков подбирает.
Виляя огненным хвостом,
ползет она к закрайкам...
А ворон хрипло над леском
по-зимнему закаркал.

***

Отавой скошенного луга
печалится душа моя,
а птичьи стаи круг за кругом
уходят ввысь, тоской звеня.
Чернеют тучи, заслоняя
озерный розовый закат...
Последняя исчезла стая...
Лишь крики в вышине звучат.

ЛЕБЕДИННЫЕ СТАИ

Холод высветил поле и лес.
Первый иней на голых талинах.
Косачи на жнивье, синь небес...
Слышу кликанье стай лебединых.
Пусто в небе – так где же они?
Вижу озеро, сжатое льдами,
посредине дымят полыньи –
в них белеют огромные стаи.

А.Н. КОЧКИНУ

ДРОБОВИК

Дробовик 10-го калибра
(шомпольное, древнее ружьё
на пристенке затаилось хитро).
Это дедовское – не моё.
Он тяжёлый, длинный, не прикладист,
а отдача – что не устоишь.
Для стрельбы рогатину дед ладит,
если стрелишь – стаю всю сразишь…
У меня же – лёгкая берданка,
и калибр всего лишь – тридцать два..
Вытертый затвор…
Я спозаранку
в лес иду , на ток, к тетеревам.
Заряжу патрон с литою дробью,
выстрел бахнет – дробь летит, свистит…
Глажу я берданочку с любовью,
если птица камнем вниз летит.
Мне и лет-то нынче только десять –
но без дичи не хожу домой.
Вот сегодня – тетерев увесист.
Бережно держу его рукой.
Я держу его за шею крепко,
ноги волочит он по стерне:
ведь я ростом – меньше метра, с кепкой,
но охотник – признанный вполне.

Лайка загнала зверька на дерево, громко лает, зовёт к себе охотника

ЛЕСНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

Барсук

Раннее летнее утро слегка позолотило верхушки деревьев, когда мы с Павликом Маряниным выехали из деревни на телеге. Старый гнедой, прихрамывая, не спеша трусил по лесной дороге, которая вскоре вышла к Двуозеркам на широкий солончаковый луг. Справа – большое Артемовое болото, по краю заросшее талами. Две собаки, мой Тарзан, черный, высокий пес, и маленькая желтая Жучка Павлика, разом бросились в кусты и с воем и визгом погнали какого-то непонятного зверя. Невысокий, на коротких ногах и широких лапах, светло-серый зверь часто останавливался, отбивал натиск собак и по кромке кустарника всё дальше уходил в направлении высокой березовой рощи.

Пашка, дергая изо всех сил вожжи, погнал гнедка наперерез к роще. Телега, подпрыгивая на кочках и неровностях, казалось вот-вот развалится, но мы азартно увлеклись погоней.

Перед самым березняком, приблизившись к зверю метров на пятьдесят, мы его хорошо рассмотрели. Особенно запомнилась мне удлиненная мордочка, на которой через щеки к ушам и далее на шею тянулись черные яркие полоски. Нам впервые пришлось увидеть барсука, хотя от старых охотников мы не раз слышали рассказы об этом редком обитателе здешних мест.

– *Да, это точно барсук,* – кричал Павлик, погоняя уставшего жеребца, – *сейчас мы его догоним.*

Зверь добежал до крайних берез и вдруг исчез под землей. Протирая глаза, мы растерянно смотрели, как собаки, принюхиваясь, метались между деревьями. Слезли с телеги, подошли вплотную. Там и сям в нескольких местах виднелись глубокие норы. Мы насчитали аж шесть штук.

– *Здесь целая семья живет, столько входов и выходов. Надо вернуться в деревню, взять лопаты и выкопать,* – предложил мой азартный напарник.

– *Нет, Павлик,* – успокоил я его, – *смотри, глина – как камень, полно корней. Замучаешься копать. Давай поедем за дровами, привезем домой и посоветуемся с дедом Софетом.*

Так и сделали. Вечером старый охотник долго нам рассказывал, как в старые времена много водилось в наших лесах этого удивительного мирного зверя. Его стреляли, уничтожали «все кому не лень», ведь барсучий жир считается дорогим лекарством от различных простудных заболеваний. Вылечивает даже хроническое заболевание легких. В конце концов дед уговорил нас не трогать зверя.

Мы согласились. Но Пашка через неделю предложил:

– *Пойдем, понаблюдаем за барсуками, чем они занимаются.*

Договорились идти на второй день. И вот мы с ним, без собак, потихоньку сидим в отдаленных от нор кустах. Нам повезло. Вскоре вылез наверх один барсук, повертел головой и неслышно удалился на луг. Почти следом показался и второй, но далеко от норы не пошел, а что-то вынюхивал, искал на краю опушки. Затем вернулся к норе. И здесь из-под земли вылезли наверх двое малых барсучат. На вид неповоротливые, неуклюжие - они тем не менее шустро передвигались, бегали вперегонки, друг друга валили на землю. Словом, барсучата играли. Старый барсук сидел около, не вмешиваясь в их забавы.

Вернулся второй, неся во рту какой-то корм. Барсучата кинулись к нему и начали жадно есть серые комочки (издали не разберешь: не то мыши, не то ящерицы.) Насытившись, барсучата продолжили игры, а старые родители улеглись на солнышке.

В течение лета мы приходили еще несколько раз, с удовольствием наблюдая за барсучатами. Они быстро подрастали. А в конце августа вся барсучья семья куда-то исчезла. У входа в норы, на глине, мы рассмотрели отпечатки лисьих следов.

Пришли снова к деду Софету, и он вновь долго и интересно приводил нам примеры из жизни зверей, поведал некоторые забавные истории когда лиса ухитрялась выжить барсуков из их дома, применяя для этого всякие уловки.

Лисёнок

Маленький пушистый зверек с длинным хвостом вылез из норы, уходящей под амбар. Боязливо оглядел двор. Утренняя заря росла, вверху явно светало.

«Опять проспал, надо бы уже убежать в лес», – подумал лисенок и приблизился к металлической сетке, за которой в вольере спали, свернувшись клубочками, пять таких же лисят.

Месяц назад хозяин этого дома, деревенский пастух, выследил в дальней согре под увалом их нору-жилье, стрелял из ружья в мать-лисицу, ранил ее. Но опытная лиса, прихрамывая, сумела уйти от преследовавших ее собак.

Зато бородатый, угрюмый человек собрал в рогожный мешок всех шестерых её детёнышей, привез домой и посадил в клетку из железной решетки.

– *Осенью сошью всем по шапке,* – пообещал пастух жене и трем своим дочерям.

А потому, пока пастух днем пас коров в поле, все семейство кормило лисят часто и хорошо. Сосед-рыбак ежедневно приносил свежую рыбу, хозяйка варила кашу, а дочери подливали в чашечки молоко. Сытные, ленивые зверьки лежали и дремали целыми сутками. И очень редко играли между собой. Да и клетка была малюсенькая: два метра на метр.

Прошел месяц. Самый маленький, самый подвижный лисенок возненавидел клетку. И однажды, когда хозяйка кормила зверенышей и приоткрыла дверцу, он незаметно шмыгнул в щель и убежал на огороды. Целый день пролазил там по картошке и грядкам, а вечером, в темноте, вернулся во двор. Очень хотелось есть. Из дырочки в сетке лапой достал кое-какие объедки, а спать залез под амбар. Там была нора, вырытая хозяйской собакой. Лохматый песик и кошка так привыкли за месяц к лисятам, что не обращали внимания на одинокого зверька, бродившего ночью по всему двору. Хозяева не огорчались пропажей, ведь оставались в вольере еще пять лисят.

Так незаметно лисенок прожил целую неделю. Но днем соседские собаки, забегая на огород, унюхали его и несколько раз гонялись за ним, а один раз даже изрядно покусали.

Поэтому лисенок стал убегать подальше за огороды, где сразу начинался лес. Молодой, невысокий березняк таил в себе прохладу, тишину, покой, Зверенок гонялся за мышами, подкрадывался к птенцам, ловил бабочек и стрекоз. Но охота редко бывала удачной, и лисенок на ночь возвращался в знакомый двор, к своим собратьям. Вытаскивал через решетку пищу, ел и залазил под амбар в нору спать.

Вот и сегодня он, оглядев спящий двор, прокрался к вольеру, вытащил лапкой двух карасиков, позавтракал. Осторожно пролез под калиткой на огород, и напрямую – в лес.

На утренней поляне трава и цветы блестели от росы. Слизывая с листьев светлые капли, зверек напился. Потерев лапкой мордочку, умылся, причесался. И подумал:

«Какие смешные люди. Живут сами в домах-клетках, коров и овец держат в пригонах-клетках, птиц запирают в избушке. Вот и лисят заперли в клетку. А как хорошо жить в лесу. Не надо никаких клеток. И человеку хорошо в нем, и зверю, и птице. И любой живности...»

Шло время. Целыми днями лисенок бегал между деревьями, играл, гонялся за добычей. Быстро подрос, окреп. Стал ловким и сильным. А его собратья все так же лениво лежали, дремали, жирели. Возвращаясь вечером, он рассказывал им, как прекрасно гулять в лесу, звал их с собой, обещая помочь выбраться из железной неволи. Но лисята, слушая его, только усмехались и заявляли:

«Нам и здесь хорошо. Все есть – и рыба, и каша, и молоко. Ведь не зря же ты сам прибегаешь к нам каждый вечер голодный, чтобы поесть...»

Лисенок им возражал, убеждая, что возвращается во двор не ради еды, а чтобы видеть их – родных, близких.

Прошел еще месяц. Как-то вечером, вернувшись, лисенок увидел у ворот машину, во дворе стояли двое строгих мужчин в зеленой форме. И держали в руках клетку с лисятами. Рядом, махая руками, что-то объяснял им пастух. Один из приезжих заявил:

«Есть закон, запрещающий держать зверят в неволе. Мы забираем лисят и передадим их на городскую станцию юннатов...»

Пастух еще долго спорил с ними, но вскоре машина с клеткой уехала в город.

«Как же так? Лисят из одной неволи повезли в другую. Чем же другая клетка будет лучше этой?..»

Так, не веря своим ушам и глазам, долго размышлял лисенок, оставшись один. На следующее утро он убежал в лес, чтобы остаться в нем навсегда.

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ

Рям сосновый. Узкая
тропинка:
мох в воде и треск гнилых
жердей...
Здесь брусника, ягода-
кровинка,
с каждым днем пьяней и
золотей.
В гуще сосен – ясные озера,
молодые клики лебедей.
А вокруг – болота, даль
просторов...
синь небес... Нет края
голубей!

НА РЕЧКЕ БОБРОВКА

Затерялся бы, пропал
я в тайге дремучей,
но ведет меня тропа,
а над нею – лучик!
Меж вершин –
просвет в глазок,
впереди тропа – в шажок.

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

Первым инеем пахнуло
с поседевшего леска.
Куропатка в нем
вспорхнула...
Тишина... Ни ветерка...
В потускневшей позолоте
вдалеке блестит жнивье...
Я шагаю вдоль болота,
звякает кольцом ружье.
Придорожная осина
еще держит красный лист
и костром багряным
стынет...
Иней с веток моросит.

ЛОСЕНОК

Грянул выстрел – и лосиха с
хрустом
пала... А лосенок в тальнике
вмиг исчез. И стало тихо,
пусто –
Но охотник все сидел в
скрадке.
А лосенок, обдирая в клочья
шерсть с боков, бежал
вдали, бежал...
Вслед летела трескотня
сорочья,
где-то трактор в поле
рокотал.
По кустам, кочкарнику
галопом
шел лосенок в приозерный
рям –
где чащобы в соснах и
болото,
словно крепость,
заслонят от
ран.

***

Глухариный и медвежий,
рысий, волчий уголок,
где в трущобе воздух
свежий,
есть овраг - звериный лог.
Безопасно в нем и тихо.
Вижу: с выводком опять
пробирается волчиха
к логову – в свою кровать.

Ермиловский заказник

ДРЁМА ЛУГОВАЯ

А день с утра безоблачен,
горяч.
Поникли травы… вянет лист
берёзы…
гудят шмели…
На кочке чёрный грач
вздремнул…
над ним парят легко стрекозы.
Пылит дорога на краю села –
там стадо медленно идёт вдоль
речки…
… Прилёг я в лодке.
С мокрого весла
срываются блестящие колечки.
И нет конца ни дрёме луговой,
ни убегающей речной излучины…
А солнце плавится над головой,
И на воде играют в жмурки
лучики.

ЗВЕРИНЫЕ МЕСТА

СМЕРТЬ МЕДВЕДЯ

Ел перезрелую малину,
на мелководье рыб ловил.
Мохнатую, с загривком,
спину
расчесывать в кустах
любил.
В дупле выискивая
соты,
он лакомился много
раз...
Но вот винтовки дуло
кто-то
ему нацелил между
глаз.
И грохнул гром...
И высь померкла,
и тьма зрачки
прикрыла смертью.

д. Таскатлы

ГОРНОСТАЙ

С черным кончиком хвоста,
в шубке снежно-белой
у забора, из куста,
выпрыгнул он смело.
И ворвался горностай
в зимний наш курятник;
от куриных шумных стай
пух летел, как вата!..
В два прыжка, потом, исчез –
и по огородам
убежал проворно в лес,
спрятался в колоде.

ЗА КАРБЫЗОЙ

В тайге, на поляне, под старой
сосной
скучает избушка-заимка...
Лишь с первой порошей
охотник тропой
придёт в неё «путиком» зимним.

ЗВЕРИНЫЕ ЛЕЖКИ

Зверь не просто отдыхает
где попало, есть места –
это лежка: выбирает,
чтоб трава была густа.

КОСТЕР УГАС

Бегал, плакал козодой
в тальнике полночном...
Тьма казалась мне бедой
в этой мокрой роще.
Отсырел костер, угас –
словно свет улитки.
За ночь не сомкнуть мне глаз,
я промок до нитки.

ДАЛЬШЕ В ЛЕС

Перелески... Солонцы...
Рыжий мох в болоте.
Слева первые гонцы –
сосны с позолотой.
Рям за рямом – как редут
в край глухой, таежный.
На дороге гати ждут...
Крик зверей тревожен...
За спиной Большеуки –
вот Фортпост, вот пади...
Первых кедров островки –
здесь тайга нарядней!

ОХОТНИЧИЙ КОНДЕР

Прогорел костер, но угли
раскалили котелок.
Искры с треском, словно пули,
вылетают на песок.
В котелке бурлит похлебка:
дичь, картошка, перец, лук...
Деревянной ложкой робко
Пробую на вкус…
Пахнет мятою, душничкой,
облетающим листком
и нектаром земляничным –
все смешалось над костром!
Запах луга, запах зорь –
им насквозь пропах кондер!

***

Гоцкало И. В.

Меня ты только позови
в Сарыбалы, в глухие чащи с
восторгом трепетным в крови
еще мальчишкой был
там счастлив.
Ты позови, лишь намекни,
я бросив все, с тобой уеду,
туда, где золотятся дни,
где дед просил меня:
«Наследуй!..»
С тобой в поля, леса вернусь,
где знаю тропки наизусть!

А.Н.Кочкину

ВОЛЧИЙ ВЫВОДОК

Зыбь болотная тяжко вздыхает.
Спит деревня Буслы, а за ней
в черной балке волчица хромая
ходит с выводком в храме
ночей.
Злобно тени при звездном
дрожанье
подступают вплотную к дворам,
раздается волчат завыванье, –
в избах свет мельтешит до утра
На охоте осенней на птицу,
у деревни пустой Шатайлы,
видел серых волчат я с
волчицей,
на мгновенье возникших из мглы.

В МЕДВЕЖЬЕМ ЛОГУ

Морозный закат догорает, и звуки
всё глуше в сосновом бору…
Иголками ёлка мне тычется в
руки,
я шишку в ладони беру.
Как пахнет смолою, озоном и мхами –
дышу полной грудью взахлёб!..
Сажусь на пенёк, в полутьме
отдыхаю,
мой путь по тропе недалёк.
В медвежьем логу, у серебряной
речки
избушка охотничья ждёт,
и там из трубы дым струится
колечком –
напарник Федулыч чай пьёт.

ЗВЕРИНЫЕ ЛЁЖКИ

Большеуковский государственный лосинный заказник.
В нём, во время миграции, собираются более 1000 лосей.

Лось

Начало октября нынче холодное. Я сижу в камышовом скрадке на озере Диком. Утки мало, основная масса уже отошла на юг. У берега плес схвачен ледком.

Со стороны берега, из талов, послышались легкие шаги. Лось осторожно вышел к берегу на водопой, не замечая меня в десяти метрах. Крупный и сильный, со светло-бурой гривой, он чем-то напоминал древнее, допотопное существо. Горбоносый, лопоухий, с широкими ветвистыми рогами, зверь сливался с тальником, выжидая секунды

Его светло-коричневые бока лоснились влажным блеском, казалось, я чую запах его пота.

Рогач, не спеша, сделал несколько шагов до кромки озера. Я хотел пересчитать на его рогах отростки, чтобы узнать возраст, но тот низко наклонился к воде. Пил лось медленно и долго. По могучему загривку пробегала мелкая дрожь, он несколько раз переступал ногами.

Вот он поднял голову, с губастого рта сорвались крупные капли светлой воды. Мгновение – и зверь заметил меня, развернулся и в несколько прыжков, ломая грудью кусты, скрылся в глубине леса.

Я даже про ружье забыл, да оно и было-то заряжено гусиной дробью. Патроны с пулями остались в машине на пристани. Охота на лосей открывается в ноябре, по снегу.

Просидев часа два и сбив трех крякашей, возвращаюсь лосиным следом в сторону пристани. Зверь, не добежав метров пятьдесят до машины, резко свернул влево, в сосновый рям. Я размышлял: сколько же много лосей стало нынче в здешних лесах. За осень – это уже третья моя встреча с ними. Закрывали охоту на три года – зверь размножился, стал не пуганный.

Вспомнил Большеуковский лосиный заказник, расположенный неподалеку отсюда, к Северу. В нем я видел табунки лосей по 15-20 особей. Особенно много их скапливается в заказнике в декабре. Лоси беспрерывно подходят в него со стороны Тюменской области, с северо-запада. В основном, семьями, по три-четыре. Как объяснил мне охотовед – это исконные пути их миграции.

А в марте звери покидают заказник, направляясь к своим местам, где за лето у них появляется потомство. Семьи с малышами я встречал несколько раз у этого озера.

Медвежонок

Настоящая тайга начинается севернее нашей деревни; километров так за пятьдесят, а у нас в округе – в основном, сосновые рямки и согры, березовые и осиновые колки. Медведь в наших краях – редкость. Только тот, что заблудился в тайге, может оказаться ненароком у нас в лесу.

Как-то летом облава на медвежью семью возле нашего села окончилась печально: два мужика, изодранные и помятые, попали в больницу. Зато пьяная компания привезла убитую медведицу и ее живого потомка. Звереныш – совсем маленький (с полгода, не более). И ростиком – меньше метра.

Охотник дед Софет сделал ему клетку-вольер в углу двора, у амбара. И начались для невольника однообразные унылые дни.

Медвежонок сразу приучился ко многому, начал понимать человеческую речь. Наблюдая из клетки за людьми, думал про себя:

«Странные люди, целый день мечутся туда-сюда, кричат на коров и овец, надевают на себя разную одежду. Зачем? Вот я в своей шкуре днем и ночью. И хорошо». Ему нравилось, когда к его металлической сетке часто подбегали ребятишки, совали в отверстия пищу. Он охотно брал из их рук кусочки мяса и благодарно лизал руки. Хозяйская собака, виляя хвостом, дружески лаяла у клетки, словно приглашая поиграть с ней. Медвежонок рос доверчивым, ручным Однажды корова рогами раздвинула нечаянно сетку, звереныш вылез из вольера. Он не уходил со двора, весь день слонялся из угла в угол. Ребятишки вначале боялись его, потом стали подходить вплотную, гладить его по шерсти.

«Они такие же маленькие, как и я», – думал медвежонок и осторожно трогал лапой мальчишеские плечи, В обед он рядом с собакой улегся погреться на солнышке. Дед Софет, сидя на крыльце, ладил порванные сети и наблюдал за подопечным.

Он понимал: маленький зверь не опасен, но догляд за ним нужен. На ночь дед водворил топтыжку в клетку, а с утра выпустил снова, приговаривая:

«Веди себя хорошо, а то не стану выпускать», – и погрозил палкой. Медвежонок недовольно покосился на охотника и удивился:

«Странный человек, не верит мне, обижает…»

Но, забыв обиду, продолжал целыми днями играть с ребятней. Иногда со двора медвежонок выходил на улицу, дети брали его даже на речку, где топтыжка плавал рядом с ними.

Вскоре на лесных полянах поспели ягоды. Пока дети набирали их в свои бидоны, медвежонок досыта наедался лакомства. Он долго бродил по лесу, принюхивался к каждому кусту, словно чего-то искал.

«Как хорошо здесь, наверное, потому и живут все звери в лесах, где полно грибов, ягод. Где так весело поют птицы…» – размышлял про себя звереныш.

Да, он из разговоров людей знал о смерти своей матери, понимал, что люди бывают очень плохими, но давно смирился с участью пленника. Собак он переносил с трудом, когда они бросались с лаем за ним. А их в деревне – полно.

Вот и два дня назад одна шавка кинулась на него сзади и больно укусила за ногу. Медвежонок, взревев, ударил ее лапой по голове так сильно, что у него в когтях осталось ухо злой собачонки. Вечером пришел хозяин пострадавшей шавки, долго уговаривал деда Софета пристрелить звереныша, пока тот не натворил более серьезных бед.

В который раз топтыжка соображал:

«Почему такая несправедливость? Я первым не обидел, не затронул еще никого. А на меня свистят, лают, больно кусают. Я защищаюсь, а меня хотят пристрелить. Какие есть плохие люди: бьют палкой коров, пинают собак, режут своих кур. А мне – зверю – что хорошего можно от них ожидать?»

Прошел еще месяц. Наступила осень. Зверь подрос, увеличился в объеме. Его стали пугаться уже многие. И надо такому случиться: соседский бычок зацепил его рогами, сильно саданув в бок. Медвежонок хватил обидчика лапой по спине так, что содрал клок шкуры. Бычок дико замычал и ринулся деревенской улицей.

И тогда у дома собралась толпа, люди начали кричать на деда Софета.

«Ну всё, конец», – мелькнуло в голове зверя, и он спрятался в клетку-вольер.

Дед Софет что-то пообещал, успокоил людей, и те разошлись. А наутро к воротам подъехала машина с будкой, на борту которой сияла яркая надпись: *«Цирк».*

Норка

Я сидел в камышах на небольшом озёрном плёсе. Передо мной плавали резиновое чучела. Легкий утренний ветерок медленно гонял их по зеркальной воде. Чучела, привязанные длинными поводками к грузилам на дне, то сплывались вместе, то расплывались, как живые.

Дичи над камышами не было видно, и я прислушивался к далекому кряканью со стороны озера. За моей спиной в редком камыше просматривался ондатровый домик из свежего тростника. Там изредка всплескивали проплывающие в хатку зверьки.

Через некоторое время я услыхал чрезмерно звучный всплеск и писк, затем шумную возню около хатки. Оглянулся. Каково было мое удивление, когда я увидел сидящую на хатке норку, в лапах которой извивался небольшой ондатр, видимо, молодняк. Норка, крупная, темно-черная, легко расправилась со своей жертвой, и ондатр затих.

Много раз встречал я норок на озерах и речках, ловил их в капканы. А вот впервые увидел её такой хищной. Когда раньше я находил порушенную хатку ондатры, рассматривая развороченный домик, почему-то думал, что это сделал неопытный охотник, ставивший в хатку капканы. Но охотники при мне всегда заделывали разрушенную крышу домика. Значит, это делала норка, ей – все равно. На то она и зверь.

Пока я размышлял об увиденном, норка закончила свой обед и вдруг принялась разгребать лапами крышу хатки. *«Ну и прожорливая, мало ей одного ондатра. Решила устроить засаду в домике»,* – подумал я зло.

И хотя стояла еще середина сентября, а мех норки до снега не имеет хорошего качества, я не вытерпел наглости зверька, уничтожавшего целую семью ондатры? Приподнял ружье, прицелился, выстрелил.

Норка высоко подпрыгнула над хаткой, опустилась на взрытый тростник, несколько раз дернулась, и затихла.

ПРОЩАЯСЬ С ЛЕТОМ

Шуга в реке свинцовый свет таит...
Уже ноябрь... Снег выпал и не тает.
Обледенел причал, померк гранит –
на набережной темнота пустая.
Подняв плаща высокий воротник,
я медленно иду, прощаясь с летом.
Притих безлистый у воды тальник,
на тонких ветках иней нежно светит.

ПРЕДЗИМЬЕ

Неяркий лист осеннего ковра
смягчает шаг, уводит в перелески...
Речная заводь в бликах серебра.
Из кочкары бекас взлетает с треском.
И сразу – вверх, зигзагами, быстрей!..
Крикливый чибис над собакой вьется...
В высоком небе нитка журавлей...
Кур-лы! Кур-лы!.. – прощальной песней льется.

В ШАЛАШЕ

Засыпает речка и поляна,
засыпает дальнее село.
И белеют белые туманы,
словно лебединое крыло.
Спите, подорожники и ивы.
И стога – как стойбище слонов!
Спи мой луг, уставший и счастливый –
я всю ночь сны охранять готов…

***

Над поляной лунный диск мерцает,
и хрустит стеклянная трава.
Белизна холодная, слепая...
Ветер. Сырость... Но душа жива!
Край родимый в дымке узнавая,
устремились в тьму мои глаза.
Шепчет рядом о своем ночная,
в инее, поблекшая лоза.

***

Войны не видел я, но все же
познал всю горесть бытия...
Натягивая крепче вожжи,
спешил я на дымок жилья!
Мне девять лет... Зима... Мороз...
В снегу буренка утопает,
везет она с дровами воз.
Мычит – и пьяно так шагает...

НАПОМИНАНИЕ О МАМЕ

Веточки багряные берез
выплыли в рассвете из тумана.
Их листва, как прядь твоих волос –
с отсветом белесым, горьким, ранним...

РАССВЕТНАЯ РАНЬ

Ковёр таёжный мягок и зыбуч.
Над ним переплелись верхушки сосен –
и в них застрял рассветный, первый луч.
Не верится, что на пороге-осень.
Нетронутый покой.
Смола… Озон!
Так запах мха с багульником дурманят!
Гагары крик всплывает в этот сон
от небольшого озерка в тумане.
Урман...
Вокруг – такая глухомань,
за сотню вёрст охотничья избушка.
Здесь в предрассветную, глухую рань
люблю я дикий мир часами слушать…

***

Дед сидит за чашкой чая –
светит редкой сединой...
Скромно праздник отмечает
с шумною, большой семьей.
Внуки, правнуки... А дети –
те уж сами с бородой.
Девяносто пять!.. Столетье –
рядышком, не за горой.
Дед сидит в цветной рубахе,
мудро речь свою ведет.
Год рожденья?.. Охи, ахи –
тыща девятьсотый год.

КРЯКВА

В камыше болотистом, густом
светит озерцо, с ладонь, не более.
Кряква плещется – ее здесь дом.
Хорошо ей летом на приволье!
Но сегодня первый злой мороз
льдом сковал камыш и озерины.
Клюв у кряквы в инее, замерз.
Лапки красные ко льду пристыли.

ПРЕДЗИМЬЕ

***

Порозовело – к холоду...
Мерцает небосвод.
Лед, в лужице, расколотый,
скользит – и звон идет.
Дождлив ноябрь. До снега
совсем недалеко...
Стог выбрал для ночлега,
влезаю глубоко.
В нем пахнет лугом свежим!..
Дремлю... Мне коростель
поет... И пухом нежит
волшебная постель.

ПОЛЫНЬЯ

Стайка уток на замерзшем плесе
разбивает первый тонкий лед.
Птицы грудью бьются!
Льдинки-блестки
катятся по льду – и звон идет.
Полынья колышется все шире,
и парит свинцовая вода...
Кряквы,
расправляя веер крыльев,
машут, разгоняют крошки льда.

озеро Алабота

ОНДАТРЫ

Растаял на воде закат...
Из плеса в плес ондатры
к кормушкам в камыши спешат,
свои покинув хатки.
Всю ночь я слышу до утра
хруст камыша и всплески...
Да, жизнь на выдумки хитра
и этим интересна.
Мы все готовим пищу впрок, –
и знаем дело назубок.

озеро Кашара

РОДНАЯ РЕЧКА

Зарастают берега
Оши – узкой речки…
На лугах видны стога…
Дым костра – колечком…
Ивы у пруда грустят,
в колее – дорога…
Провода вверху звенят
давнею тревогой…
Скотный двор и городьба
бедных огородов…
Брошенной стоит изба –
в окнах тени бродят.

ПОШЛА КРУПА

Куда ни глянь – везде стоят стога,
на них темнеют ивовые слеги...
И стелются над лугом облака
и обсыпают первым льдистым снегом.
“Пошла крупа”, – промолвил рядом дед.
Он ладит изгороди
от потравы...
Мне восемь лет, я худощавый шкет.
Но с дедом я работаю
на равных.

***

Развеяв ярко-рыжую листву,
грустят березы в ожиданье снега,
и ветки, словно руки, в синеву
с мольбою тянут... Но безмолвно небо.
А ночью вдруг задуло, понесло
и холодом, и легкою порошей.
Прояснило... В полях белым-бело
зернистое, сверкающее крошево!
Еще не снег обычный, но не лед,
на мелкий град чуть-чуточку похожий,
сверкает изумрудно и цветет
снег первый, необычный и тревожный.

К ВЕЧЕРУ МОРОЗ СЕРЧАЕТ

Пусто в роще, одиноко –
лишь кричит вдали сорока…
Шапкой снежной горд кустарник…
Иней травы серебрит…
На сосне корявой, старой –
ком , как облако, висит…
К вечеру мороз серчает,
в ветках пар – то белый чад!..
А стволы скрипят, не зная,
что тревожат сны зайчат…

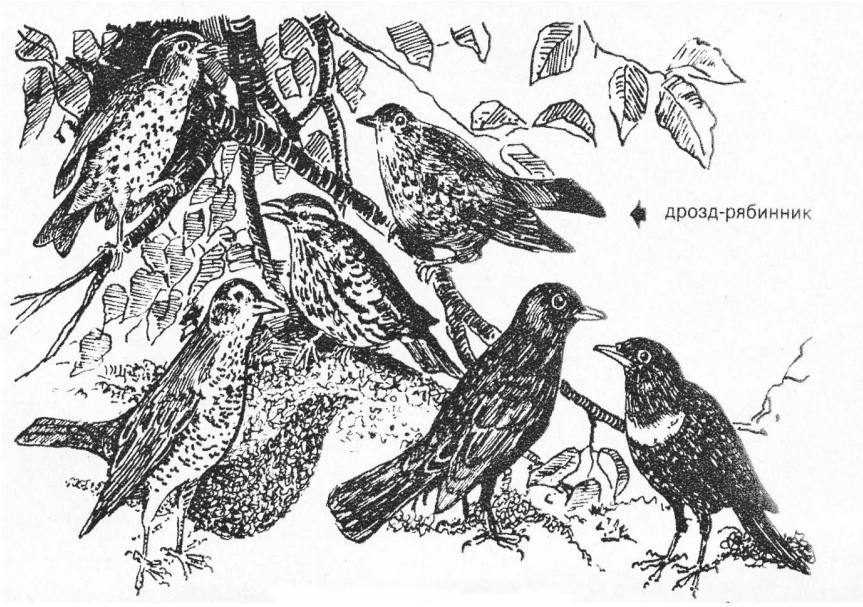
***

Ночью выпал чудный снег,
мягкий, словно вата.
Вышел дворник-человек
старый, бородатый.
Он с лопатой и метлой
замер у крылечка...
Нет помарки ни одной
в белом, чистом, вечном!..
Светит с каждого куста,
с крыш и с тротуара
неземная красота
несказанным даром!..
Дворник обошел кругом
скверик осторожно,
и – смотрел, смотрел тайком
в мир светящий, божий!

Жене Королевой

ЛЕБЕДЬ-ПТИЦА СВЯТАЯ
(сказка)

Снег и лебедь. Ах, сказка из были.
Говорят, веков тридцать назад
серый гусь повредил себе крылья.
Наступила зима. И пошел снегопад...
Птица долгую зиму в речной полынье
сберегала себя... Ночи, дни коротала...
Чистый снег окропил ее краской своей,
и она бело-белою стала...
А когда по весне порастаял весь снег,
птица так и осталась вся белою...
Лебедя полюбил человек
за любовь его сильную, смелую.
С белизной – как черемухи цвет!..
С белизной – как фата у невест!..



ПРИМЕТЫ СЕНТЯБРЯ

Раннее предзимье

Ночами заметно похолодало. Полиняла, выцвела трава. На деревьях позолотилась листва...

Осень, словно рыжая лиса, крадется в луга, на поля, в лесные чащи. Незаметно, внезапно, неотвратимо ее появление в любом уголке моего полудикого края. Необъяснимыми тайнами полна живая Природа, меняющаяся с каждой зорькой, с каждым днем.

Особенно интересны перемены погоды, разные встречи со зверями и птицами около воды по берегам речек и озер.

Неожиданные ненастные дни мешают уборке хлебов. С начала сентября зачастили дожди, чувствуется туманное дыхание первого снега. Давно повяли цветы, засохли ягоды, заплесневели грибы. А по утрам, после ночного заморозка, весь лес и поле искрят снежным инеем.

Вхожу в небольшой колок. Птиц в облетающем лесу мало, на лугу у озера исчезли бекасы и гаршнепы, редко взлетают крикливые чибисы. Лишь иногда в камыше мелькнет болотная курочка. На песке у самой воды вижу большие следы серой цапли. Очень свежие, вчерашние. А рядом, вдоль воды – уже старые, мелкие оплывшие крестики-ноготки от бежавшего куличка. Еще чуть дальше, размашистей след перепончатых лапок. Это – кряква...

А вот— четкие отпечатки лап лисицы. Подошла к воде, попила и ушла.

Озерная зеркальная вода отливает синеватым холодным блеском. Караси и гольяны не плещутся, не выпрыгивают из воды, как на зорьке летом. Совсем не слышно лягушек – наверное, попрятались в мох. Не видно и водных паучков, куда-то подевались все стрекозы.

Кажется – даль мертва. Но вот и первая неожиданность, первая весточка зимы – в камыше мелькнула белоснежная синица? И не просто синица, а лазоревка. Ее еще точнее называют – Лазоревка Плеске, по имени известного зоолога, описавшего первый этот птичий гибрид.

Смотрю на лазоревку, что негромко попискивает рядом, и представляю, как будет скоро падать, кружась, первый снег. Как слегка припорошит опавшую листву, накроет белой панамкой поздний гриб.

Прикрываю глаза – и кажется: снег начинает идти на самом деле. Все быстрее, все гуще. Даже чувствую лёгкий озноб…

Богатый сентябрь

Все лето стояла жарища, травы на покосах выгорели, в лесу под ногами шуршало и трещало так, что ни о каких грибах не стоило и мечтать. А еще говорят: *«Июнь – первая волна, июль – второй скос грибов, а в августе жди третий – главный...»*

И в августе – беспросветная жара, в лесу пусто. Но в начале сентября прошли сильные обложные дожди, затем наступила теплая, солнечная погода. По сути сентябрь - осенний месяц. Стало ночами прохладно. И пошли по утрам обильные росы, благодатная пора для всех грибов.

Выехав в пятницу с утра пораньше на охоту и рыбалку, я решил поймать и третьего зайца – насобирать грибов. Это занятие называется «тихая охота». Сразу за Сосновкой, на 46 километре, свернул вправо и поехал по лесам травяными дорогами. Березовые и осиновые рощицы красуются в ярком убранстве багрянца и позолоты, на дорожках разбросаны узоры первых опавших разноцветных листьев. Далеко видны огненно-красные костры рябин, их негреющее пламя неистово, откровенно, безутешно. Вспомнилась народная присказка:

«Если в лесу много рябины – жди осень дождливую».

Выбираю мелкий редкий лесок. Выхожу из машины. Ба! Сколько же грибов: подосиновики и боровики, рыжики и сырые грузди, опята и сыроежки. Чтобы столько сортов и сразу?! И не припомню такого случая за полста лет.

Набрав быстро две полные корзины, открыл термос и с наслаждением пью чай. А вокруг разящая свежесть, благодать нарядных красок тихих полян. Это и есть «бабье лето», начало поры увяданья, пышный осенний праздник.

Ароматный воздух настоен на перезревших цветах и травах.

Какая нега! Какое восторженное ощущение жизни в этом лесу!

Рядом со мной стоит свежая копна сена, на ее макушке шелестит мышь. Память воскрешает маму с ее поговоркой: *«Мыши вьют гнезда на верху копен – значит осень будет мокрая и продолжительная, а зима - теплая...»*

Высоко в синеве появились стаи казарок. Что-то рановато?.. Ее основной пролет 25-30 сентября. Клин за клином гуси уплывают в сторону юга.

Сажусь в машину и обратным следом еду в сторону Сосновки на асфальт. Догоняю бабушку с внучкой. Притормозил.

– Давайте подвезу, мне по пути...

Бабушка радостно закивала головой.

– Спасибо, спасибо, мил человек, Благодарствуем...

С этими словами они сели в машину, и пока ехали до поселка бабушка успела рассказать:

– Внучка насобирала полную корзину грибов, я-то старая, нащипала целебных трав - шиповника коричневого, жостера слабительного, бузины черной, боярышника... Даже нашла рожки спорыньи и кукурузные рыльца. В следующий раз надобно накопать целебных корневищ валерианы, дягиля аптечного, девясила высокого...

Слегка улыбаясь, бабуля гладит жилистой рукой худенькое плечо внучки. В линялом цветном платке, со светлой седой прядью, с веселым взглядом, она излучает добро и вечность, какую-то отрешенность от земных забот. Ее лицо, усыпанное мелкими морщинками, покрыл жесткий коричневый налёт от солнца, ветров и времени.

– А то смотри, мил человек, заедем к нам, молочком холодным из погреба угощу. Отдохнешь...

– Нет, бабуля, спасибо. Я еще не устал. Три часа как из дома уехал, – ответил я, помогая внучке вытащить корзину из салона машины.

Еще раз попрощался и нажал на газ.

Ветер-«листобой»

На прохладной чистой зорьке осенний лес полыхает всеми цветами радуги. Краснеет осинник, серебрится березовая рощица, алеют кусты рябин и шиповника. Золотистая трава, освеженная росой, волнами улеглась на лесных полянах. Стоит прошелестеть ветерку, и сразу с деревьев на тихие дорожки, просеки сыплется цветистый шлейф из листочков, красочно пятная остывшую землю.

Прекрасная пора зрелости, увядания, прощания с летом. Я стою под березой с корзиной, наполовину наполненной грибами. С березки, с родимой веточки сорвались два золотистых листочка и полетели вдаль, невесть куда! А вот маленький листочек, падая надо мной, долго кружится. Так и норовит примоститься мне на плечо. Я подставляю ладонь и ловлю золотистого шалуна.

Кое-где под ногами, в ямочках – ворохи опавшей листвы, и оттого так таинственны шорох и шелест. Словно рядом со мной прячется, идет следом лесная невидимка.

На кусту можжевельника белеет паутина, но в ней ни мух, ни комаров нет. Зато, как маятник, в сетке качается большой медный лист осины. Даже слышу: «Тук-тук, тук-тук...»

Из тайников памяти выплывают чьи-то размытые поэтические строчки:

...Меня зовут осенние леса.
Их стойкое медлительное пламя,
скольженье невесомого листа,
печальный, ровный шелест под ногами...

Небольшая канавка заполнена водой. Рядом – два гриба. На их вогнутых шляпках сверкают капельки росы или дождя. Наверное, маленькие зайчата по утрам любят лакать розовыми язычками эти светлые капли.

Снова налетел ветерок, и опять посыпалась листва. Какая нега, какая пышность! Очарование! И мое немое беспокойство. И опять стихи:

...Облетели листья с тополей,
повторилась в мире неизбежность.
Не жалей ты листьев, не жалей,
а жалей мою любовь и нежность.

Да, это строки Николая Рубцова, замечательного *«тихого»* лирика.

А ветер начинает дуть порывисто, с силой. С веток роем сыплется листва, вокруг меня кружит рыжая метель, и красивые ковры ложатся у моих ног.

ВОСЬМИЛЕТНИЙ ОХОТНИК

Лай дальний
слышен из деревни,
вдали мигают огоньки.
Меня пугают меж деревьев
не то зверье, не то пеньки.
Слетает тяжестью на плечи
такой пушистый,
первый снег...
Я голоден... Огни далече...
И клонит в сон
усталость век.

ДЕД СОФЕТ И Я

За увалами высокими,
где в рямах большие ели,
есть избушка одинокая
для охотников за зверем.
Там в трущобах
между соградами
по ночам волчицы вой,
там сохатый,
в кровь изодранный,
с волчьей стаей
держит бой...
Там капкан дождался рыси –
впился в лапу ей металл...
Там я вижу после выстрела
зверя мертвого оскал...
С дедом я в избушке той
пацаном бывал зимой.

СТОГ ЕГЕРЯ

Пуржит зима...
Но стог стоит
с заветренного края леса.
Бока общипаны – их вид
сегодня зверям интересен.
По снегу виден
четкий след...
То подошли
красавцы-лоси,
у них здесь завтрак и обед...
Подкормку и косули просят.

ЕГЕРЬ

Однооконная изба
на берегу у озера
меня нежданно сберегла
от сумрака морозного.
Трещал в печи огонь слегка
и лампа чуть светила...
И рысья шкура с потолка
свисала и искрилась.
Мерцало на стене ружье
с надтреснутым прикладом,
и дед мне про свое житье
рассказывал с усладой.
Про птиц... и рыбу...
и зверей.
... Про одиноких егерей.

В КОПНЕ СОЛОМЫ

В малой стуже стынет мгла –
ночь звездой в неё сошла.
Холодеет тишь к рассвету,
сплю в соломе не раздетый.
Пар плывёт, как из берлоги.
Затекли немного ноги.
Потянулся, привставая…
Чу! – вновь крик гусиной
стаи.

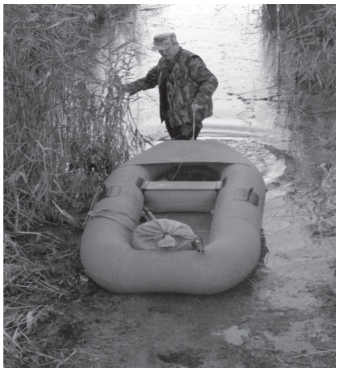
Брезжит серенький рассвет –
лучше сна в соломе нет.

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Потемнели к вечеру деревья,
обступили хижину мою.
Где-то притаились рядом
звери.
Камыши озябшие поют.
В песне этой – расставанье с
летом…
Мне дремать в избушке – до
рассвета.

ТАК ОХОТНИКОМ СТАЛ САМ

Дед Софет –
охотник знатный
и сноровкой, и умом.
Знают все в Старо-Солдатке
на заимке его дом.
Вся охота – за Буслами,
и тех мест – он старожил.
Зверя, птицу промышляя,
он капкан мне подарил.
На охоту взял с собою,
я полынью тер капкан...
Утром встал, а он с лисою!..



Так охотником стал сам.

ТЕТЁРКА

На ветках приоткрылись почки,
и зелень смутная сквозит,
чуть наклонясь,
тетерка квохчет…
А на поляне пух летит.
Она спокойно, горделиво,
с березки смотрит на луга,
и перья серые, с отливом
в лучах зари –
как жемчуга!
Внизу, под нею,
бьются в парах
тетерева –
она глядит,
как зорька ширится пожаром…
Восходит день –
кто победит?

ОХОТНИЧЬИ ЗОРИ

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Лунный свет…
Хруст морозный, печальный –
на снегу лап
огромных следы.
Волчий вой
от болотины дальней
наплывает в просвет городьбы.
Под навесом –
скотина в сарайке.
Пар над крышей
в соломе встаёт.
И Мурзилка –
отменная лайка,
чуть визжа,
сзади робко бредёт.
Я с берданкой ,
пацан деревенский,
обхожу сеновал, огород.
Рядом – лес,
затаились деревья.
Сорок третий,
военный, год…

ЧИБИС

Пронзительный чибиса крик
заставил меня оглянуться:
пес,
высунув влажный язык,
до птицы хотел дотянуться.
Та, хлопая резко крылом,
взлетев,
тут же пала подранком…
Почти перед самым-то псом
вела себя смело и странно!
Пес злился,
в прыжках настигал,
но чибис у самого носа
подпрыгивал,
снова взлетал…
Крик жалобный по полю несся!
Я знал: не случится беда
и чибис совсем не подранок,
уводит он пса от гнезда.
И все-таки
риск был на грани!

ТАРЗАН

Он родословной – из собак,
берущих след большого зверя,
но получилось в жизни так –
он охраняет в доме двери!
Неделю на цепи сидит,
скулит надрывно,
просит воли…
Но в выходной –
довольный вид,
мы с ним вдвоем
выходим в поле!
Хвост распустив
и морду вниз,
повизгивая, к кочке рвется –
в мгновенье перепел под свист
влетел!..
За ним Тарзан несется.
В прыжках огромных,
напрямик,
задравши голову высоко,
Тарзан неистов – словно миф
охотничьей поры далёкой.

ПОНОМАРИ

Мы вновь с тобой, Пономари,
– Мое лесное озеро!..
Лось рядом,
в отблесках зари,
блестит рогами грозными.
Виток оточенных мечей
к воде он опускает:
пьет медленно –
и мрак теней
со дна к нему всплывает.
Прядет ушами… головой
мотнул
и замер чутко.
И, взглядом встретившись со
мной,
стоял еще с минуту.
Потом – прыжок!
И враз исчез,
треща вдали талами…
И снова тих
прибрежный лес…
Ружье блестит стволами…
Пономари! Пономари!..
Мне доставляет радость
стоять вот так
в лучах зари
и пить твою прохладу.

БЕЛЫЙ КОЛОБОК

Ахают морозцы над притихшим лесом,
и снежок скрипит под валенком моим,
старую берданку на плечо повесив,
я иду по зимнику шагом молодым!
А из колка в колок,
(я давно приметил)
катится бесшумно белый колобок,
то – в кустах исчезнет, то – мелькнёт меж веток.
След за ним весёлый: скок да скок…
Вот он на опушке сел на лапках задних,
свечкой приподнялся, уши навострил…
Думает , наверное:
ну задачу задал,
напетлял, напутал –
всех перехитрил.
Невдомёк зайчишке, что в снегу глубоком
след от лапок быстрых тянется за ним,
Да ещё просмешница,
сорока- белобока,
кружит и стрекочет, выдаёт чужим…
Я иду неслышно, я деньком доволен,
обхожу кудрявый в инее лесок –
впереди опять в широком, чистом поле
катится весёлый, белый колобок!

ТОКОВИЩЕ

На синь воды слетает
от вербы желтый пух…
В тетеревиной стае
красавец есть –
петух!
Он – токовик,
он первым
к поляне подлетел
и, распустивши перья:
«Чув-ши! Чув-ши!..»
– запел.
И сразу меж деревьев
летит со всех сторон
таинственный и древний
тетеревиный звон!..
Слетевшись на поляну,
по парам здесь и там
пустились птицы в танец
– клич рвется к небесам!
Хвосты пораспускали,
крылами бьют –
лишь тронь…
Горит над бровью алой
воинственный огонь!

ОХОТНИЧЬЯ ТРОПИНКА

Выезд на зорьку

В черном зеркале воды отражаются живые близкие звезды. До них можно дотронуться рукой. Узкий проход пристани огражден стеной высокого мрачного камыша, похожего на ряды пик!

Два метра – в воде, два – над водой, светловатых и блестящих, как сталь. Вокруг тишина – таящая напряжение. Глаза привыкли к темноте, медленно толкаюсь веслами. Рядом из камыша неожиданно вырывается с кряканьем утка – даже видно как она боком, от страха, несуразно громко хлопая крыльями, уносится вверх. Немного насторожился сам. Теперь у лодки – сильный всплеск, несколько брызг долетают до лица. Это ондатра, как подводная лодка, ушла в глубь, но снова всплыла, прочертила по воде впереди полукруг, и опять – всплеск, нырок...

И снова – тишина... Выплываю на первый плес, большой, чистый. Смутно мерцающий, переливающийся тонкой волной. Луны – нет, она была с вечера, а звездное, близкое небо надо мной похоже на своеобразное озеро: темные пятна перемежаются со светлыми. Рассматриваю, любуюсь:

Млечный путь... Медведица... Ковш...

С востока начинает отбеливать... Почти неуловимые нити света.

Медленно-медленно перебираю веслами. Время, как вода, тихо струится вверх. Рождение зари!.. Пробуждение нового дня – продолжение жизни. Переход от темноты к свету! И во всем – таинственность!

Тетерев

Островки леса тянулись вдоль железнодорожного полотна, и основная масса грибников хлынула по ним, расцвечивая куртками и платками лужайки, утопая по грудь в зелени кустов.

Я круто повернул от разъезда через луг к дальнему лесу, в сторону которого вела травяная дорожка. Солнечное июльское утро предвещало жаркий день. Роса почти сошла, птицы вовсю трезвонили, невидимые в кустах и в воздухе.

Задумавшись, я медленно приближался к большому массиву, уже понимая, что в таком высоком и плотном лесу навряд ли есть грибы. Маленькая болотина с таловыми кустами примыкала к самому лесу, и над зелеными космами кочек кружилась стая чаек. «Вот ерунда какая – воды не видно, а чайки кружат», – подумал я. Наверное, где-то в кочкарнике все же была лужа, иначе зачем же им кружить.

Я всегда люблю одиночество в лесу. Больше видишь, примечаешь. Никто не мешает слушать, не отвлекает от мыслей, которые раздольно вливаются в самые затаенные уголки твоей души. Такое откровение с самим собой, словно на исповеди!..

Вхожу в лес. Сумрачно, сыро. Высокие травы и папоротник затрудняют шаги. Грибов мало, и те – несъедобные. Волнушки очень тонкие и прозрачные, какие-то трухлявые, в ладонях разваливаются. Но что это?.. Почти из-под ног с треском выпорхнул тетерев, как-то странно трепеща крыльями, пролетел метров пятнадцать и сел на чистое место. Переступил несколько раз ногами и, встав полубоком, рассматривает меня. Я тоже встал и тоже рассматриваю его...

Сотни раз я видел тетеревов на охоте – сидящими на деревьях, летящих, бубнящих на току, но так близко и непосредственно видел впервые. Наверное, это возможно лишь тогда, когда смотришь на птиц без ружья в руках. Черный, как смоль, тетерев, видимо, линял, так как в крыльях виднелись во время полета большие просветы. Потому он и не улетел – просто не смог. Красные брови, гордый изгиб шеи, веерообразный хвост – все отличительно подчеркивалось зеленым фоном травы и листьев.

Так мы стояли долго, потом он, воркуя и выбирая, где меньше травы, стал медленно уходить в сторону...

Я, обходя его, продолжал путь, припоминая, что примерно такая же встреча состоялась у меня в детстве, а вот уже и позабыл. Надо же так...

Непогода

Порывы ветра прижимают камыш к самой воде, тонкие стебли упруго сгибаются, и метелки их напоминают оперение стрел, что наполовину вошли в воду. Камыш и стрелы?.. Временами ветер ослабевает, и тогда камышинка выпрямляется, и становится похожим на частокол копий. Небо, застланное черными, рваными тучами, сливается на горизонте с водой. И само громадное озеро почернело, лишь гребни волн, поднимаясь высоко, отсвечивают тусклой свинцовостью.

И мне кажется: это не озеро, а вспаханное поле – такая между волнами зияет чернота борозд.

Вдоль берега, над увалом и дальше – словно косматая конница в атаке, стелется под напором ветра длинная гряда леса, раскачивающего гривами вершин.

Вокруг – темно, вся природа приняла угрожающе угрюмый вид. В воздухе чувствуется что-то тревожное, трагическое.

Я пристально вглядываюсь в дальний луг и различаю (а может, мне кажется) стога – богатырские шлемы витязей. А еще дальше, за стогами (уж точно мерещится), вижу плетни и частокол, деревянные постройки. Ну, точно, как застава, или форпост. Стены, редуты, глубокий ров. И белые мазанки, белые рубища россиян...

Из-под полузакрытых и дремотных век выплывают все новые и новые картинки древности, удаляются и растворяются в мираже...

А дождь мелко и нудно стучит в капюшон плаща, порывы ветра то усиливаются, то – утихают. И только здесь, на глухом, затерянном в лесах, озере, безлюдном и дремучем, я понимаю, как мир дик и древен. Ничто вокруг не обозначает времени, цивилизации. Деревня, стога, изгородь – все это только чудится. Потому что на пятьдесят километров в округе нет ни одного поселения. Когда-то были, но сегодня разрушены, исчезли без следа...

Моя заря

Я приболел, сижу дома, на охоту не поехал...

Над городом в полнеба полыхает заря. Ярко отражаясь на стыке с синью, она походит на громадную радугу. Огромная заря – на всех одна. Мне она – чужая. Моя, маленькая, в тоненькую полоску, сейчас догорает где-то в озерных камышах. Сгорает тихо, безымянно...

Над городскими улицами в шуме и трескотне машин мечутся яркие языки вечернего света, прячутся в деревьях и под крышами домов. Фонари, как ночные совы, выплывают в тревожную мглу.

Моя заря – полевая, неслышная, тает сейчас во мне. Чудится, как на верхних листочках деревьев вспыхивают метлячки, на камышинках звенят комарики, по воде, как на водных лыжах, скользят паучки. Нежно и заботливо перекликаются птички. А на озерной глади сужается светлый круг, края его темнеют, поглотив прибрежный камыш и лес. Круг растворяется в воде, тонет. Но откуда-то появляется луна, и дорожка от нее, посеребренная таинственными жемчугами тянется ко мне по зеркалу озера…Ночной город долго не хочет засыпать, раздраженный голосами и гудками. Вдалеке, над нефтезаводом, тревожные факелы огня зловеще подсвечивают небо.

А перед моими глазами встает вновь и вновь – моя тихая, полевая заря.

Охотничья избушка

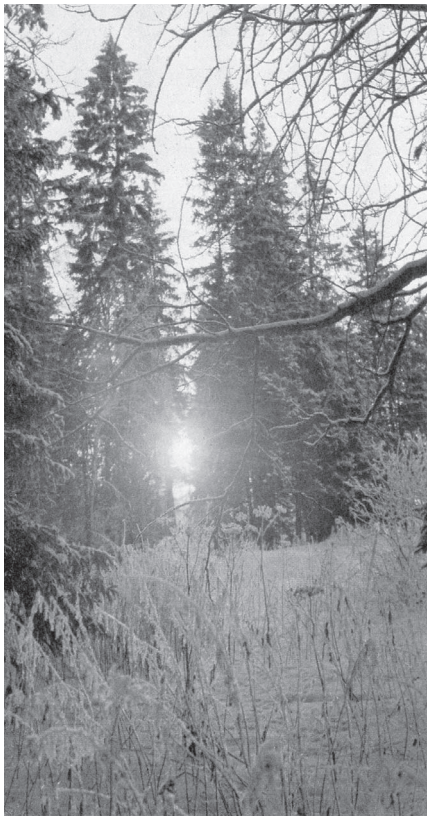
С самого утра вьюжит, пуржит. Хлопья снега мечутся вверх и вниз, зависают перед лицом, лезут за воротник.

Зимний день короток. Наш проводник, старик-охотник, повернув от реки, огибает ельник, входит в кедрач. Ступая след в след, мы – трое горожан очень обрадовались, выйдя на опушку и увидев крохотное зимовье.

Входим внутрь избушки. На земле стоит печка-жестянка, маленькое окно затянуто светлой пленкой. Но света достаточно, чтобы оглядеться.

Дед-охотник поджег в жестянке сухие щепки, наложил полешек. Сначала немного подымив, печь тихо загудела, затрещала, раскаляясь докрасна. Мы, уставшие, согрелись, развалились на нарах. Какое блаженство! Великолепное ощущение тепла, свободы, отрешенности…

На всём белом свете в эти минуты есть только мы и избушка, мы и печь. Можно счастливо, ни о чем не думая, лежать и слушать, как потрескивают поленья, поет огонь. И дремать. Сладко-сладко...



ЗА СЕНОМ

С дедом в сани на солому
в шубе старенькой сажусь,
нас Серко везет из дома
в поле, к белому стожку.
Снегири алеют в ветках,
стороной летят щеглы...
А под шубой – воздух летний,
пар плывет из-под полы.
Вот и стог. Граблями скинув
шапку снежную, кладем
воз... Цветами пахнет, тмином,
клевером... Грибным дождем!

У БАБУШКИ МАРФЫ

Деревня Покровка над льдистою Ошей
встречает меня белой первой порошей.
И грузные гуси по тонким ледышкам
на лапках скользят
и гогочут с одышкой.
Над самой рекою –
с резьбою изба,
тесовый забор, новая городьба...
У бабушки Марфы пыхтит самовар, –
оладушки, вафли...
Над блюдцами пар.
У бабушки Марфы варений не счесть,
А в вазе цветной леденцы даже есть!

ИЗБУШКА В ЛЕСУ

Над речкой в тишине ночной
стоит избушка. Рядом – роща.
Дымок играет над трубой...
Сорока в веточках хлопочет...
В избе светло... В лесу – темно...
На снег легли полоски тени.
Пробрался зайчик на гумно,
скулит собака в темных сенях.
Бесстрашный зайчик –
скок да скок...
Тетерева спят на поляне...
На кухне возится телок...
Меня сон в детство манит.

ЛЕДОСТАВ

В сосульках камыш,
а на старице – лёд.
Свинцовый Иртыш
тихо воды несёт.
Последние чайки
тревожно кричат,
и тучки печально
по небу скользят.
И льдистым припаем
скрежещет шуга…
Безлюдны причалы…
Пусты берега…

ЛЕСНАЯ УЛИЦА

Деревья подступили к избам,
и стала улица – в лесу…
Огни из окон… По изгибам
в проулок ветры снег метут.
Иду по мягкому снежочку
до крайней, брошенной избы…
Вот след зайчишка в два прыжочка,
Вот лисий – там, у городьбы…
Собака злобно лает где-то.
На ветках иней – звёздный блеск…
Луна выходит до рассвета,
ей плыть и плыть в краю чудес…

ЗАЯЦ-БЕЛЯК

Месяц из-за тучки показался.
В небе темном – проблески зари.
Холодно в лесу и страшно зайцу –
шерсткой белой на снегу дрожит.
Ночь длинна для зайца-беляка,
он, вскочив, бежит вокруг леска.
Чу!.. Вот сбоку – свежий след лисицы:
где она, среди каких кустов?..
И зайчишка прочь,
подальше, мчится,
а за ним – следы больших прыжков.
Впереди плетни и огороды,
лай собак – и здесь не
в первый раз
от лисиц защиту он находит...
Светят окна
в избах сотней глаз.

ПОЗЁМКА

КУРОПАТКИ

На заснеженной полянке
там и здесь – повсюду ямки.
Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк – взлёт!
Ну, всё ясно: куропатки
спали в них, играли в прятки.

ПИМЫ

Самокатные пимы –
это просто чудо!
В самый холод средь зимы
в них жарища юга.
Они мягки и легки –
в них ноге удобно:
что бежать вперегонки,
что идти сугробом...
Заводские же пимы
с грубою колодкой
не любили с детства мы –
был в них дух холодный.

***

Под тонким льдом вода искрится,
играют блики янтаря...
И снова треск,
как дальний выстрел,
звучит в рассвете января.
Сидит рыбак над лункой тихо.
Поземка сыплет
снежным вихрем.

ПОЗЕМКА

Над Иртышом
январский вечер стынет,
а полыньи причудливо дымят...
И стаи галок мечутся над ними –
садятся у закраин и галдят...
Трещит морозец, щеки обжигая,
текут поземки снежные ручьи,
и, словно змеи,
в камыши вползая,
шипят – и в лыжи тычутся мои.

СНЕГИРИ

На снегу полоской ярко-алой
высветились грудки снегирей.
Конопля вдоль берега осталась,
и ее осыпал суховей.
Пар морозный
с полыньи слетает,
и белеют дали Иртыша...
Снегири веселой, дружной стаей
кормятся за кромкой камыша.

Лыжная база “Луч”.

***

Метель взмахнула рукавом,
снежинки в воздухе развеяв...
В лесу заснеженном, пустом
мне в каждой иве мнится фея.
Мороз серчает и трещит...
Под утро вызвездило небо...
И первый санный след лучист,
в нем теплота сквозит под снегом.
По полю к стогу след бежит,
где снегирями куст искрит...

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО

Выбелила изморозь
ветки, провода...
Мне знакома издавна
эта красота...
Снежный лес встречает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной!

У ПРОРУБИ

Отсвечивает лед металлом,
застыли копья камыша...
А прорубь в пузырьках метана
парит, еще теплом дыша.
Мальки сверкают в синей глуби,
травой зеленой пахнет ил...
О, злой мороз, ты все погубишь –
у речки мелкой мало сил.
Быстрей бы снегом обметало
ее крутые берега.
Ведь как-то было: промерзала
до дна, и рыб не сберегла.

речка Оша.

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Целый день мела метель,
замело дорожки,
и снежинок карусель
вьется за окошком.
Ветер, словно белый зверь,
зло стучится в стены...
Приоткрылась в сенцы дверь –
кто там в хлопьях пены?
Враз переступив порог
и стряхнув ком снега,
путник нам сказал:
“Продрог,
прошу у вас ночлега...”

ХЛЫСТЫ

Березы рухнули в сугроб,
с них сучья обрубили...
Сугроб осел – стал словно гроб –
деревья в снег зарылись.
День зимний холодно блистал.
Над снегом – лишь хлысты...
“Вяжи тросом, что медлишь ты...” –
мне тракторист сказал.

КОЛУН

С обшарпанным метровым топорищем,
с тяжелым, словно гиря, обухом
с размаха над поленом яро свищет,
вонзается – и входит прямиком.
Удар! – трещит кругляк, и разделяясь
на половинки, в стороны летит...
Мне жарко. Понемногу раздеваюсь,
мозоль ладонь уставшую саднит.
Удар! – сопротивляется полено
корявое, в сучках, звенит, как лед!
Удар! – из трещины сочится пена...
Еще удар! – и трещина ползет!

***

Тихо снег выпадает
в полумгле на поля...
Снова грусть западает,
холодок затая.
Хлопья белые виснут
на роскошных кустах.
Снегири в ветках свищут...
Тает снег на губах.
А снежиночки кружат,
вниз и вверх мельтешат...
Серебро зимних кружев!
Белый пух для зайчат!..

НАЧАЛО ЗИМЫ

Лебединый плач

Снежный вихрь бил по глазам, леденил щеки. Влажные хлопья снега липко ползли за воротник куртки. Видимость вокруг – не более двадцати метров. Моя последняя рыбалка, в смысле погоды, оказалась неудачной.

Без рукавиц, с покрасневшими мокрыми ладонями, от которых валил густой пар, я вначале греб на веслах, затем вытаскивал лодку на пристань, потом складывал леденистые сети в рюкзак. На шапочку, на рукава куртки, на окружающие предметы постоянно налипал снег. Толще и толще. Поляна у причала белела, но темнота над озером сгущалась. В воздухе резко похолодало....

Перевернув лодку вверх дном, я залез в машину. Снял мокрую куртку, надел сухой свитер. Завел мотор, включил обогреватель. Через пять минут в салоне стало тепло. Налил из термоса чаю. Отпиваю из кружки малыми глотками, наслаждаюсь ароматом, немного хмелею. С подветренной стороны открыл боковое стекло.

И здесь я услышал над озером, в сплошной мелькающей круговерти снега, лебединый крик. Точнее не крик, а жалобное клыканье одинокой птицы. Печальный зов лебедя перемещался по озеру с места на место. То приближаясь, то удаляясь. Птица искала свою стаю, но ее уже не было.

Еще часа два назад, до снега, большой лебединый караван спустился на пролете на озеро. Птицы попили водицы, отдохнули с часок и поднялись в небо, снова устремившись клином на юг…

Почему отстал этот лебедь, как это произошло, даже для меня, находившегося в это время на озере, оставалось загадкой…

Мрак окончательно сковал озеро, а снег все валил, мельтешил, кружил и даже залетал ко мне в форточку. Я закрыл окно. Лебединое клыканье, похожее на плач, стало глуше, отдаленнее. Но какое-то тревожное, мучительное чувство овладело моей душой. Я постоянно думал о слабой птице. Я представлял себе, как озеро схватилось льдом, покрылось снежной белизной, а над этой мертвой белой пустыней все мечется привидением одинокая отчаявшаяся птица.

– *«Клы-клы, клы-клы…»* – печальный стон стоял в моих ушах постоянно. *«Ну, чем я могу помочь бедняжке, что предпринять, что придумать?..»* – целый рой вопросов возникал в моей воспаленной голове. Лебединый крик снова приблизился к моей пристани. Я опять открыл боковое стекло, вслушиваясь в резкие порывы ветра.

«Может, догадается сесть под густой камыш и переждет холод до утра. Ведь в камыше нет этого ужасного ветра…».

Пока я так размышлял, клыканье удалилось и затихло где-то вдали. И больше его не слышалось. Только под утро я ненадолго задремал…

Ондатровые «домики»

По льду озера метет поземка. Сотни белых ручейков разбегаются и снова и сливаются в белопенные волны. Местами уже образовались снежные заносы. Вдали чернеют точками согбенные фигурки рыбаков. В мои глаза наплывает бесконечный белый саван, на ресницах и бровях снежный иней, лицо разгоряченное, влажное.

По краю озера, по камышам, виднеются (как небольшие копны сена) белые шапки «домиков» из плотно слежавшегося камыша и водорослей. Вокруг по 2-3 кормушки намного меньшего размера. В каждом «домике» и кормушке – вход и выход из воды. Ондатры часто спускаются под воду и плывут подо льдом к своим кормушкам.

Живут они семьями, и осенью я наблюдал, как всем родом ондатры строили дом и заготовляли корм. То и дело зверьки с длинными хвостами, похожие на кошек с коричневой короткой шерсткой, тащили на кучки «домиков» камыш, а в кормушки – разные коренья. Любопытные, они любят плавать рядом с лодкой охотника, но стоит тебе шевельнутся, как молниеносно ныряют, оставляя фонтаны брызг. В вечерней тишине можно слышать как мелкими, острыми зубами они спиливают тростинки камыша...

Мы с Иваном по глубокому снегу подходим к «домику», он стукает ногой по стенке. Внутри, как горох, посыпалось что-то в воду. Видать, вся семья была в сборе. Через 2-3 минуты подходим к первой кормушке. Стук – и сразу всплеск. И сюда успели приплыть. Точно такое же бульканье и в остальных кормушках. Ондатрам страшно: кто-то сильно качает их «домик» и кормушки, и они, спасаясь, как подводные лодки подо льдом, мчатся с места на место.

Проходим по камышу дальше, в глубь. Там, где маленькие плеса – обязательно копешки под снегом. А его уже – по колено. Скоро снега совсем прикроют «домики» и кормушки толстым слоем, и даже самые лютые морозы не будут страшны зверькам. Заметелят, запоют вьюги, навевая зимние сны.

Летом мы с Иваном снова придем сюда на рыбалку, и вокруг наших лодок, как возле кораблей, появятся ондатры и станут почетным эскортом сопровождать нас по веселым протокам озера.

Зимним утром

Рано утром, на восходе солнца, громко хлопая крыльями, тетерева взлетают на деревья. Усаживаются на ветках, воркуют, оглядываются. Далеко вокруг видно снежное поле. Вот там, вдалеке, едет на санях мужичок. Впереди по дороге бежит собачка. «Но-но...», – погоняет мужичок лошадку, размахивая кнутом.

А еще дальше видны крыши домов деревни. Из труб вьется дымок. Туда из леса летят сороки в надежде полакомиться.

Рядом, из таловых кустов, выскочил заяц-беляк, посидел на опушке, приподнялся на задних лапах, уши навострил – и поскакал в осиновый колок на завтрак...

Стайка красногрудых снегирей присела на меже, здесь полно конопли...

Все-все тетеревам сверху видно. Огляделись и начали клевать сережки, семена на ветках березы. Зимой им есть в поле нечего – все покрыто толстым слоем снега.

Поклевали-поклевали птицы, а затем набрали с веток полные клювы снега. Снега растаял и птицы, запрокидывая головы, попили.

Завтрак окончен. Шумно сорвались с веток тетерева и с лета, на небольшой поляне, нырнули в снег. В снежных луночках им тепло, словно в домиках.

Снежная книга

С утра выпал небольшой снег. По свежей пороше спешу в лес, надев широкие охотничьи лыжи. За плечами у меня, четырнадцатилетнего пацана, висит берданка 32 калибра.

Сразу за скотным двором попались первые четкие следы русака, ведущие к скирдам соломы. Здесь он ночью кормился, и его тропа уходит в направлении Марьиной согры, на лежку. В мягкую, тихую погоду заяц, напетляв и запутав след, лег где-то поблизости. Но он меня сегодня не интересует.

Огибаю березняк. На конопле кормится стайка красногрудых чечеток, а чуть дальше, на опушке, видны следы двух куропаток. Глубокие бороздки от лапок птиц заканчиваются широким росчерком крыльев, оставленным при взлете. А вот, наконец, главный объект моего внимания – лисий след.

Крупный, заметный. Отпечатки лап – как на книжной странице. Переставляю лыжи рядом со следом и таким образом, миновав колок, выхожу на большую поляну. Лиса с ходьбы перешла на мелкую рысцу. Видно, как задние лапы при аллюре попадают в отпечатки передних. Следы левой и правой пары ног располагаются на одном уровне.

И так – метр за метром, вдоль узкой ленты-цепочки пересекаю поляну, вхожу в овраг. След петляет по краю оврага, извивается при выходе к болотцу, сворачивает к куче валежника. Почуяв в нем добычу, лисица переходит на охотничий нарыск, и след плутовки стал более прямолинеен. Стайка куропаток наследила в кустарнике и при приближении кумушки вовремя взлетела, оставив на снегу рисунки перьев.

Вот лисья строчка вышла на следы косуль, стала незаметной. Общая тропа неожиданно перешла на санную дорогу. Неопытный сразу и не различит: где какой след?

На поле впереди – несколько куч соломы. Лисий след у первой копны резко свернул с дороги, подошел к копне. Вот четыре отпечатка лап – вместе. С края копны-покопки, выброшенная из норы земля, травяная ветошь. И на снегу – редкие капельки крови от мышей-полевок.

У второй копны – тоже покопки, но в стороне – отпечатки лап от длинных прыжков, разрытый снег. И снова – капельки крови. А затем лиса подалась в таловые кусты, где остались перья куропатки. Здесь ей явно повезло.

На дневную лежку хитрюга забралась в молодой густой березняк. В середине его – два поваленных деревца, вокруг – рыжий бурьян. Как подойти на верный выстрел?..

Огибаю осторожно колок, подхожу с подветренной стороны. Но все напрасно. В желтой траве – небольшая, оттаявшая свежая ямка, в стороне – обратный след. Плутовка бесшумно исчезла в густых зарослях. И это уже в который раз, оставив на снежной странице замысловатые следы.

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Луна да снег...
Вдоль речки избы дремлют.
Как выстрелы, потрескивает лед.
Прояснило... Дым вьется над деревней.
Собачий лай... и говор... скрип ворот.
В сугробах лунных меркнут полутени,
сгорает в небе бледная звезда.
Вот первая сорока пролетела...
и стук пешни... И звон кусочков льда.

БЕЛЬЕ НА ВЕРЕВКЕ

На улице снег и трескучий мороз.
Мы с мамой белье
на веревке развесили:
коврик мгновенно замерз –
он в инее, словно в обновке.
Две майки. Штаны мои словно стоят
раструбами на раскоряку...
И как на линейке,
рубашек парад,
а свитер похож на стилягу.
Посмотришь во двор –
и почудится цирк:
фигуры смешные в сиянии искр.
Две простыни, три полотенца,
как шторы, у входа на сцену...

В ИЗБУШКЕ

Проснулся – в оконце
большая луна.
Смотрю я вокруг оробело:
Как днём.
И, признаться, уже не до сна.
А свет на стене мёртво-белый.
Струятся в окошко потоком лучи
и по полу стелют дорожку.
В причудливом блеске
избушка молчит –
смотрю я вокруг осторожно.
И холодом веет, и боязно мне…
И слышу дыханье, и скрип в тишине.

БОЛЬШИЕ УКИ

В заснеженных далях Большие Уки.
Зеленые сосны стройны, высоки...
Завьюжен бураном таежным простор,
встает за сугробом большой косогор.
Там, в чаще запрятались со-боль и рысь,
в снегу – глухари... Ветки кедров сплелись.
Брусника и клюква алеют на кочках,
и куропат белый на кустике квохчет.
А лунною ночью голодные волки
тоскливо так воют...
Собаки все молкнут...
В деревне у каждой избы палисад,
где елочки зеленью праздно горят!

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Задремали в луговине
одинокие стога...
В роще, в поле, на овине
пышные искрят снега.
Над дорогой ветер ноет
в телеграфных проводах,
даже ночью нет покоя
людям!.. Где-то боль и страх.
И фарфоровые чашки
с вестью из чужих земель
в ночь звенят мне о несчастье
через версты и метель.

ЗИМНИЕ РАДОСТИ

Беру пешню, иду я к срубу,
а из колодца пар идет –
на стенках оседая юбкой,
наращивается толстый лед.
И только щелочка в колодце – пешнею лед долблю, долблю...
И вот бадья о воду бьется,
тащу обратно, в ведра лью.
Вода со льдом...
О радость бабке
на чай со льдом,
желанней нет!
Бегу играть
с друзьями в бабки.
– Где бита, кон?..
Бью – рикошет...

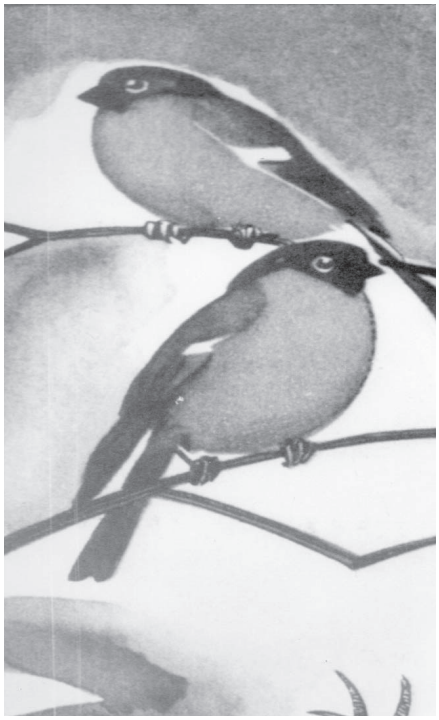
КУРОПАТКИ

Комочки белые
на ветках ивы
после пурги
особенно красивы!..
Я пригляделся:
несколько из них шевелятся...
И вот взмахнули крыльями
и улетели на раздолье нив.
То – куропатки! Милые обманщицы,
нырнув в снега,
вы можете в них спать,
а утром из-под ног –
мне это нравится –
пугая, с шумом любите взлетать!..
Комочки белые
на ветках ивы
еще остались –
но они не живы.

МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ

ПРОРУБЬ

Лёд…
В нём дырка на реке –
пар во всю клубится.
Две овечки: «Ме- ке- ке…» –
к ней идут напиться…



НА КОЛХОЗНОМ ДВОРЕ

Прячет зябко бороду
сторож в воротник.
Развиднелось – к холоду.
Ветер в полночь сник.
Смотрят стайкой звездочки
на колхозный двор,
жжет мороз до косточек:
нос с трудом оттер.
В дедовском тулупе
сторожу я с ним,
у коней на хрупах
иней, словно дым.

В РОЗВАЛЬНЯХ

Плюхаюсь в охапку сена...
Конь по свежему снежку,
с мундштука роняя пену,
налегке трусит к рямку.
Потные бока дымятся
и заиндевел хомут...
В белом поле затеряться
две полоски не дадут.
След полозьев чистой строчкой
к стогу дальнему спешит..
Над кустами – крик сорочий,
а в кустах беляк сидит.

КОРМУШКИ

Дед сказал мне: “Внучек, слушай,
нынче лютая зима,
понесем мы в лес кормушки
птицам,
там кормов – нема...”
Положили мы в кормушки
зерна, хлебные горбушки...

В УРМАНЕ

Через озеро, болотом,
едем в санях мы по льду,
едем в согру на охоту...
Конь трусит так неохотно...
А в снежинке,
словно в льдинке,
свет – похожий на звезду!

Т.М.Белозерову

В ЛЕСУ ЗИМОЙ ХОЛОДНОЙ
(сказка)

В лесу зимой холодной
жил заинька один,
а рядом зверь голодный
на цыпочках ходил.
У зверя были зубы
страшней, острей ножа –
и заинька в испуге
и день, и ночь дрожал...
А зверь тот был – волчонок,
один он также жил,
хотел он, чтоб зайчонок
как с братом, с ним дружил.
Он крался за зайчонком,
его оберегал,
к нему он ночью темной
погреться прибегал.
Они играли в прятки...
Где был лесоповал,
кору осины сладкой
тот и другой глодал...
Но вот однажды ночью,
когда взошла луна,
явилась стая волчья –
и взвыла тишина.
И заинька в испуге
упал – ни мертв, ни жив.
Волчонок встал за друга,
его собой прикрыв.
Взбесилась волчья стая,
сообща волчонка – хвать!
Рыча, топча, стараясь
на части разорвать!
А в это время заинька
запрятался в норе...
И стая волчья злая
ушла лишь на заре.
Когда же развиднело,
то зайка из норы
увидел отсвет белый
березовой коры.
Он понял, что он жив!
И вылез из оврага –
запрыгал, закружил..
Но вмиг исчезла радость.
Пред ним возник волчонок,
хромая и скуля,
по снегу полз к зайчонку,
хвостом чуть шевеля.
И зайка – прыг к волчонку,
заплакал, задрожал.
И раны ему долго
лизал, лизал, лизал...

ЯНВАРЬ-ПРОСИНЕЦ

Засинела высь... Березы инеем
понакрылись – сучьев не видать.
Санный след – две тоненькие
линии,
и по ним мне хочется гадать.
В белизне светящейся, пушистой
не пойму: где поле, а где лес –
все белым-бело... Легко и чисто!..
Просинец, ты родом из чудес.
Перелом зимы... И тонкий запах
от полыни в воздухе повис...
Вот и след, чуть вдавленный, от
лапы –
это крался осторожный лис.

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
ветки, провода…
Мне знакома издавна
эта красота.
Снежный лес встречает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной!

НА ЗАСНЕЖЕННОМ ОЗЕРЕ

Вдоль кромки озера камыш
под снегом лёг в заломы…
Ондатры хатка…
Стукнул в тишь –
и сразу всплеск знакомый…
Из домика ныряют вниз…
… Здесь и зимой продлилась жизнь!

МОРОЗНЫЙ ИНЕЙ

Необычная зима

Нынешняя зима с самого начала и до конца оказалась снежной и теплой, В солнечные дни заметно нагревались тихие лесные поляны, от заснеженных кустов шел легкий пар. По утрам поля и леса во всей округе сверкали небывалым роскошным инеем. И чем изменчивее, пасмурнее стояла накануне вечером погода, тем богаче, разнообразнее одевались на рассвете в белоснежные наряды причудливые деревья и кустарники.

На самодельных охотничьих лыжах чуть свет иду проверять капканы, расставленные на лисицу в таловых кустах у речки. Идти далековато, снег мягкий, глубокий, даже широкие лыжи проваливаются. Капканы осматриваю уже в четвертый раз. Рыжая плутовка обходит замаскированные в снегу ловушки, обнаруживая опасность своим чутким носом. Подходит к приманке не по своим старым следам, а с той стороны, где капканов нет. И уносит лакомые кусочки мяса.

Что сегодня она придумает, ведь я огородил приманку капканами со всех сторон...Миновав большую поляну, подхожу к березовому колку. По краю леса высятся большие узорные сугробы. Между деревьев, из-за снежных завалов, мерещатся всевозможные фигурки неподвижных зверей Это – медвежонок?!.

Подхожу в упор и только тогда различаю: большой черный пень, на нем снежная шапка, в которой две дырочки-глаза, а сверху торчком – две веточки , словно ушки...

А это – маленький заяц притаился под ивовым кустиком? Ну, все-то есть в этой фигурке, только она не живая, а из снежной бахромы… Чуть дальше из-под поваленного дерева выглядывает неведомый зверь. И он – тоже обман…

Вчера на веточках красовались маленькие, ослепительные искорки инея, сегодня же кусты и деревья покрыты ожерельями, похожими на морские кораллы. И свет у них какой-то темновато-синий, необычный. А вообще-то, я более всего люблю ясный морозный день, когда вокруг тебя серебрится миллионами ярких огоньков, рассыпанных легкой порошей, сказочное царство. Обогнув березняк, выхожу к речным талам. Что это? В глубине зарослей, за сугробами, метнулось рыжее пламя?..

Переселенец

Стоял лютый январь, покрывший белым кружаком лес, кустарник, камыши. Морозы трещали по ночам, вымораживая землю и озера. Даже снег стал сухим и мелким, как песок. Он жалобно свистел под полозьями саней. Конюх Ефим еще по темну выехал за сеном, а теперь, когда рассвело, был от деревни за пять верст. Серко неторопливо трусил по знакомому пути. Дорога, плохо накатанная, вышла из леса и почти потерялась в неоглядной белизне завьюженного поля. Сани местами зарывались в снег. Упрятав голову в широкий воротник тулупа, вдыхая тепло из густой и мягкой овчины, старик полудремал…

Заиндевевшие собачки, Белка и Шарик, неразлучно бежали рядом с санями. Вот Белка потянула носом воздух и свернула в сторону, следом за ней – Шарик. Дружно затявкали. Лают – и вроде стараются выхватить зубами что-то из снега. Ефим, остановив лошадь, снял с себя тулуп и, проваливаясь чуть ли не по пояс в глубокий сугроб, пошел соображая: «Что бы это могло быть?..»

Зимнее тусклое солнце поднялось над серым лесом, и белопенная поляна вся заискрилась отблесками серебряных кристаллов. Старик подошел – и увидел в снегу ярко-рыжую ондатру. Да. Непонятно: «Водяной житель, и на тебе – в чистом поле?!». Ефим осторожно взял кусающуюся зверька и посадил в шубенку – огромную меховую рукавицу. Огляделся. Рядом – болото Антюшино, от него и шел мелкой стежкой след заблудшего.

Вот теперь все стало ясно: злой мороз пронизал округу, болото промерзло до дна – и ондатра из своего заледеневшего домика отправилась на поиски воды и «хатки». В такую-то стынь, без всякой надежды на спасение… Ефим определил, что след вел в сторону озера Долгого, как раз ему по пути

Проехав вперед до озера, где камыши вплотную подходили к санному следу, старик снова остановил уже заиндевевшего Серка. Взяв топор, побрел в камыши и быстро отыскал «домик» ондатры. Прорубил окно и вытряхнул в него из рукавицы зверька, потом заладил отверстие и присыпал сверху снегом. Белка и Шарик бегали рядом, крутили головами и, ничего не понимая, смотрели на хозяина: мол, как же он упустил добычу?!.

«Светит, да не греет»

За окном – морозный январский день, на стекле – слабый отсвет солнца. Дед Ипат, набив трубку самосадом, дымит в небольшой избенке так, что бабка Марфа открыла форточку и тихо поругивается.

Старик то чинит упряжь, то вяжет сети, то ладит мордушки. Сегодня он плетёт кнут из узко нарезанных ремней. Я сижу возле с полуоткрытым ртом и по-мальчишески удивляюсь его рассказам и присказкам.

– Зимнее солнышко лишь ласкает глаз. Вот на деревьях и проводах который день к ряду пушистый иней – к урожаю. А морозы крещенские – долгие, злые. Видишь: кошка на печке жмется к трубе, свернулась клубком, прикрыла нос лапами – к морозу. А гусь прячет нос под крыло, на одной лапе стоит. И в печке горит шибко красный огонь. Все это – к холоду...

Слушая деда, вспоминаю, насколько он точно весь прошлый год предсказывал погоду заранее. Не то что прогнозы по радио. И советовал все время окружающим: когда выезжать в поле сеять, когда сажать в огороде картошку или огурцы, когда начинать сенокос...

Деду Ипату – 92 года. Почти за столетие он изучил природу, знает ее капризы досконально, всегда наблюдает за любыми резкими переменами. Волей-неволей научился понимать взаимосвязь окружающих явлений.

На осеннее солнце язвит: *«Светит, да не греет»*, а январское светило нарекает уважительно: *«Бокогрей»* или *«Просинец»*. Не совсем понимая эти необычные слова, я попросил объяснить загадочный смысл их, на что он в ответ послал меня во двор – посмотреть внимательно за коровой.

Я вышел к сеновалу. Корова спокойно жевала жвачку, стоя левым боком к солнышку. Внимательно присмотревшись, различил у нее левый бок сухим, а правый – в инее. И здесь корова, как по заказу, развернулась к солнцу правым боком. И я увидел как иней стал исчезать с ее шерсти. *«Ничего себе, вот дела. На улице мороз, а иней тает. Значит, солнышко греет»*, – размышлял я удивленно. Теперь понятно, почему называют январь *«бокогреем!..»*. Вернулся в избу, рассказал. Дед, хитро улыбаясь, пояснил:

– Весь январь на реке, куда уходит пить наша бурёнка, в проруби до краёв полно воды – значит весной надо ждать большие разливы. А туман по утрам предсказывает раннюю весну.

В Рождественскую ночь

Январь – «просинец» по древнеславянскому календарю называется «синчик-лед», а на Руси его именуют «ледовый месяц» или «лютовей». Середина зимы. Вьюги и метели выбелили всю округу. Повсюду – сугробы, на кустарнике – бахрома инея. Снег причудливо висит на березах и осинах. В елочках, на лапнике –целые комья, похожие на неведомых зверей.

В лесу, девственно чистом и очарованном, царит лунная ночь. В морозной тишине потрескивают сучья. По нетронутой целине пороши через поляну проскакал заяц-беляк и скрылся в молодом осиннике.

Торопится на поздний ужин. Продираясь через можжевеловые кусты, движется стадо лосей во главе с рогатым старым быком. Лоси на ходу жадно хватают губастой пастью душистую зелень и аппетитно жуют хвойную жвачку. На высокой сосне вылезла из дупла белка, лущит орешек. Где-то невдалеке пропищал бурундук…

Лесная жизнь к полуночи понемногу утихает. Даже слышится чей-то храп. Под поваленным деревом, в сугробе – небольшое отверстие. По краям – изморозь, просачивается легкий парок. То медведь, сладко посапывая во сне, дышит из берлоги в свою снежную форточку.

Тетерева и куропатки еще с вечера поныряли в пушистый снег на дальних глухих полянах. Им в лунках, как в домиках, тепло всю ночь.

И только долго не засыпают волки и рыси. Они неустанно рыщут в поисках добычи. Да белая сова, наблюдая, как страж, с высокой ветки, не сомкнет глаз до самого утра.

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ

И метелил, и буранил,
и поземкой мчался, лих...
А сегодня как-то странно
потеплел он враз, притих...

В ЧУЖОЙ ИЗБЕ

Запах сена в клети, где теленок
чмокает губами. Стук ведра...
Кот мурлычет в ухо мне
спросонок,
писк цыплят – все это, как
вчера!
Ты – полузабытое, родное –
вмиг воскресло, и в чужой избе
вижу столько ласки и покоя!
И иной завидую судьбе.
Колыханье тонкой занавески,
стук ухвата и заслонки звон...
От мороза в стенах, в окнах –
трески...
Музыка плывет со всех сторон.

д. Усть-Логатка

ЛИС МЫШКУЕТ

Искрит в снегах рассветный лог,
Слегка поскрипывают сани.
Заснеженный я вижу стог,
И вдруг в кустах мелькнуло пламя.

Вот различаю: уши, хвост –
То лис мышкует... Наблюдаю:
Лис дыбом встал, он как вопрос.
Вот прыгнул, вихрем снег взметая.

Вновь закружился и струной
В камыш метнулся, припадая.
Снег лапкой роет и спиной
Свет рыжий ярко излучает.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снег, из низкой тучки выпадая,
хлопьями летит среди ветвей…
Кажется он – лебединой стаей,
если взгляд прищурить посильней!

***

Ползет поземка в камыши,
осоку гнет, играет...
И тальники поют в тиши,
что жизнь идет другая.
Спит, сном охваченный
Иртыш,
рябой шугой сверкая...
И ты, душа моя, грустишь -
и льдинкой таешь, таешь...

ВОЛК В МАРТЕ

У волка впалые бока,
шерсть дыбом на загривке,
в глазах два злобных огонька...
Клыки открыты с рыком.
Роняя пену с языка,
волк рыщет в ночь по насту...
Я слышу вой издалека
и знаю: он к несчастью.

В МЕТЕЛЬ

Заметает дорогу метель,
вырастают сугробы в кювете,
Радиаторный бак закипел –
и заглох двигатель перегретый.
Многотонный КАМАЗ в снег
увяз,
снежный вихрь засыпает
колеса,
и, насколько хватает глаз,
по дороге – заносы, заносы...
До деревни верст двадцать
идти,
нужен трактор, – как бросить
машину?
Уже вечер. Лишь мрак впереди,
снежный шквал сотрясает
кабину.

ВОЕННЫЕ ЗИМЫ

В зимы военные, в годы голодные
снег заметал нам до крыши избу.
Помню: в ту, вьюжную ночь,
новогоднюю –
ветер свистел одичало в трубу.
Мама крупу и пшено получала
по аттестату, что был от отца…
Праздничный ужин готовя, печалясь,
нам согревала любовью сердца.

ЗИМНЯЯ ОКОЛИЦА

Улица заречная
уходит краем в лес.
Дым из труб – колечками,
ночью тихо здесь.
Чутко спит околица
в сумраке берез...
Небо, словно молится,
мигая сотней звезд.

ОТТЕПЕЛЬ

В СТЕПНОМ ЗАКАЗНИКЕ

Вокруг болотца, по низине
навстречу плещется в глаза
ветвями тонкими, в мизинец,
такая гибкая лоза...
Когда зимой бушует вьюга –
косулям, зайцам здесь уютно.

ВЕЧЕРНИЙ СНЕГ

Пусто в роще, одиноко.
Лишь кричит вдали сорока.
Шапкой снежной горд
кустарник,
иней травы серебрит,
на сосне корявой, старой
сверху облачко висит.
К вечеру мороз серчает,
тихо плавится закат.
А стволы скрипят, не зная,
что тревожат сны зайчат.

НА ВЕЗДЕХОДЕ

Замела метель в лесу дорогу,
напрямик наш путь, через кусты.
В свете фар два следа – как тревога!
– стазу выплыли из темноты.
Это лис здесь крался за зайчишкой…
Вот овраг – следов любых – полно.
Натропили звери всюду слишком –
и от стёжок на снегу черно.
… Газик наш, буксуя понемногу,
вылез на хорошую дорогу.

ЗАВЬЮЖЕННЫЙ ЛЕС

Меня окружает завьюженный лес,
и лыжная змейка по снегу
ведёт меня зимнею сказкой чудес
в сугробы серебряной неги.
Куда ни посмотришь – искрит белизна,
знобящая свежесть простора,
а в ней чистоты неземной глубина…
И всё же душа с чем-то в споре.

ПЕЧЬ НА ДАЧЕ

Потомственный печник, дед бородатый,
не торопясь, кирпич в раствор сложил.
Мне – пацану, с улыбкой хитроватой:
“Вот так и так клади – учись...” - твердил.

Проворно бегал я за кирпичами,
раствор в ведерке мятом подавал...
Он вроде ненароком, так нечаянно:
“Смотри, учись!..” – мне снова повторял.
К полудню печь была уже готова.
Дед подмигнул, дымя свой самосад:
“Наследуй, внучек – печь или подкова
нужны извечно, как и этот сад...”

***

На гараже, раскинув ветви,
две ивы рядышком растут.
Асфальт, кирпич, да знойный ветер –
они же раньше всех цветут.
Лежат снега в овраге, ночью
вчера еще мела метель,
а почки желтые пророчат
на завтра звонкую капель.
Да в кирпичах какие соки?
И корни подняли асфальт...
Но ветви тянутся высоко,
зеленым облачком парят.

***

Жгу траву... и прутики... и листья...
Сад парит в полдневной дремоте,
все углы я граблями прочистил.
И с песком дорожки, в чистоте.
Зеленеют веточки смородины
запахами терпкими дразня.
Бабочки – крапивницы, как модницы,
в красных платьях кружат у плетня.
На припеке сел я на скамейку
и, откинув голову, слежу,
как грачей горластое семейство
в небесах скользит по виражу.

ВНУЧИКИ

У бабушки Лукерьи
иконы, словно в церкви,
сияют на божнице
Христа святые лица!
Под божницей медью
тускнеют сундуки,
развешаны в передней
цветные рушники.
У бабушки Лукерьи
по вазам и горшкам –
где мед, а где варенье,
все это – к чаю нам.
Она нам шепчет: *“Внучики,*
вот шанежки, пирог...
Ах, гости мои лучшие,
послал вас, видно, Бог?!”

ЗИМНИЙ РЯМ

Прохладно и зелено в мягком ряму…
Рой снежинок затеял с утра кутерьму:
меж верхушек скользит,
в ветках лепит снежки,
прячет алую клюкву под снегом в тиши.
На заимку охотник тропою спешит,
впереди его весело лайка бежит.
Молодеет лицо старика, и глаза заискрились от снега.
В ресницах – слеза
Вижу я: на реке – полынья,
над водой – облако воронья.

ЗИМНЕЕ УТРО

Крик вороний – простуженный, злой,
просыпается в зимней роще,
выплывая из дымки седой,
кружит в небе, на зимушку ропщет.

ЗИМНИК

Через озеро, болотом
едем в санях мы по льду,
едем в согру на охоту.
Конь трусит так неохотно…
А в снежинке, словно в льдинке,
– свет, похожий на звезду!

КАПРИЗЫ ПОГОДЫ

Вьюжный февраль

В последний месяц зимы что ни день – то вьюга, то метель. Оттого в полях мечется белоснежная карусель, ни зги не видать. Иногда сутками сыплет густым снегом пурга или метет поземка. В бешеном танце мелькают кусты и лес, леденящие струи ветра пронизывают до костей. Даже через теплую одежду проникает холод. Вот и сегодня такая круговерть, аж над крышей черти свистят.

Дед Ипат, попыхивая самокруткой, поглядывает на окно, закованное морозными узорами, и произносит свое излюбленное изречение:

– Ишь, как февраль февралит...

Затем, помолчав, добавляет:

– Нынче в поле две подруги – метель да вьюга...

Как обычно, по привычке, он переводит разговоры на основную тему крестьянской жизни.

– Нынче много снега на полях – много хлеба будет в закромах...

Да, вчера я сам был в поле, видел трактор с клином, что делал борозды для снегозадержания.

Дед, поглаживая меня по голове, по обыкновению рассказывает о приметах.

– Вот видишь, кошка когтями пол скребет, ворожит метель, а если она беспокоится, встает на задние лапы, мяучит – тогда жди большую непогоду, сильную вьюгу. А утром сегодня наш Шарик на снегу валялся, конь храпел – вот за окном сейчас и буранит...

Слушаю деда и понимаю: эта мудрость копилась веками, передавалась по наследству из рода в род,

Дед Ипат встает, разминает скрипучие ноги, подходит снова к окну.

– Эх, как стекло цветами изузорило. Природа – она более великий мастер, чем человек. А в том вот, под окошком, сугробе, такая красивая роспись по карнизу. Погляди, сверху экий гребень с пышной бахромой. Так что, внучек, у природы-матушки художникам есть чему поучиться...

Ледяной панцирь

Дед Андрей, пробираясь на лыжах через лес по лисьему следу, вышел на небольшую поляну. Из нескольких снежных ямок топорщился пух тетеревов. Где-то меньше, где-то больше…

«Ишь, как рыжая набедокурила!?» – подумал охотник и подошёл поближе. Морщась, долго рассматривал замерзших птиц. Лиса объела две-три тетеревиные тушки. Остальные, вытащенные наверх, остались целыми.

Из-под тонкого слоя белейшего свежего снега проступала сантиметровая ледяная корка. И тут Андрей вспомнил, как две недели назад, в конце января, случилась необычная оттепель, а ночью даже прошел дождь. Все стало ясно. Тетерева, как обычно, слетев с деревьев вечером на ночлег, поныряли здесь в сугроб, а ночью посыпал дождь, и резко похолодало. Повсюду образовался ледяной панцирь. Птицы, как ни старались, не смогли пробить его снизу. И все погибли…

Старик прошел по поляне, встречая еще множество заледеневших лунок. Раскапывая палкой некоторые из них, находил мертвых птиц.

«Птичье кладбище, – пронеслось у него в голове. *– А сколько еще в округе тетеревиных стай попали в эту ледяную ловушку. Наверняка в ледовом плену оказались и куропатки, любительницы также ночевать в снежных домиках..»* .

У деда Андрея от увиденного враз испортилось настроение. Гоняться за лисой больше не хотелось, и он повернул обратно к своей охотничьей избушке.

«Чарым» – пора коварная

Середина марта. В деревне на солнцепеке, с южной стороны изб, снег уже растаял, и днем стоят лужицы, а здесь, в лесу, между деревьями, с утра ветрено и морозно. И все же снежный покров под весенними лучами прогрелся, уплотнился, а ночью покрылся леденистой корочкой. Наст похрустывает, не проваливается, хорошо держит лыжи. Поляны весело поблескивают тонким покрывалом из прозрачного льда. В воздухе чувствуется горьковато - сладкий привкус желтых почек ивняка. Первые запахи весны щекочут разгоряченные ноздри...

Мы с Сашкой, два деревенских непоседливых пацана, на самодельных широких лыжах пролазим через кустарники и плотный лес к озеру Долгое. Там у деда Паши наставлены мордушки. В них и летом, и зимой ловятся мелкие золотистые карасики и серебристые гольяны. Охромевший дед второй год приучает нас к охоте и рыбалке, берет с собой в лес. Часто поручает отдельные задания. Вот и сегодня по его просьбе рано поутру в легких залатанных телогрейках спешим к мордушкам. До озера – рукой подать, километра три, не более.

Выходим на опушку. Из плотных кустов неожиданно выскакивают две косули. Высоко подпрыгивая, они ринулись через поляну. Прыжки их – грациозные, воздушные – похожи на сказку. Но странно: вскоре косули пошли шагом, а затем залегли в большой сугроб.

Сашка, идущий впереди, показал рукой:

– *Смотри, в ямках из-под копыт – капли крови. Ранены, видать.*

Когда же мы приблизились беглянки вновь вскочили и большими прыжками миновали поляну, вошли в лес и опять улеглись на снег. По их следу протянулись тонкие струйки крови, перемешанной с маленькими клочьями шерсти. Разглядывая следы, мы поняли: льдистая корка снежного покрова режет, обдирает до крови ноги бедных косуль. Что ни шаг – резкая боль!

И тут я вспомнил рассказ деда Паши о «чарыме», о том, как трудно в эту пору косулям и лосям достать из-подо льда корм, как они становятся легкой добычей волков.

Осторожно мы двигаемся вправо, обходя косуль, не пугая, и выходим на свой старый след. Накатанная лыжня настолько обледенела, что наши лыжи на ней застонали, заскрежетали...

Пришли на озеро. Чтобы легче проверять мордушки, сняли лыжи. И видим: скользящая поверхность их изодрана, как о наждак. Живого места нет...

А каково же тогда ногам косуль?!

Дядя Паша

Он не выговаривал слово *«слушай»,* получалось: «Слюхай». Круглый год, занимаясь рыбалкой, редко сидел дома.

Летом с тележкою, зимой на санках возил с озер рыбу, а рыбак он был – отменный. Хотя безграмотный, а по этой части его называли *«профессором»*. Рыбу он не столько продавал, сколько раздавал так, бесплатно. Ведь это было в войну...

С густой шевелюрой не расчесанных волос, с рыжей бородой и подгоревшими от курения усами, неторопливый, с добрым взглядом, медленно проходил зелеными улицами деревни. Над его приключениями иногда посмеивались. И все же он был всеобщим любимцем. По вечерам его дом гудел от народа. Рассказы, побасенки, шутки – сыпались до поздней ночи.

Особенно мне интересно было наблюдать, как он, под общий разговор вязал сети, а во рту у него дымилась большая самокрутка. Прикрывал глаза и, казалось, дремал. Но по-прежнему пальцы вязали ячеи, и из сигареты попыхивал дымок. Его надтреснутый, простуженный голос редко слышался в разговоре, но если он говорил, то в избе царила полнейшая тишина...

Я в детстве не видел золото, не знал его цену, но небольшие карасики, золотистые и серебряные, в его плетеной корзине, для меня и других голодных, были дороже золота. И он щедро раздавал это богатство...

Недавно я узнал, что он умер, и перед моими глазами в старой корзине снова заплясали, засверкали золотисто-серебристые блики.

Наверное, и сердце у этого старика было золотым.

ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАКАЛКА

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

... В окнах –снег и свист
зимы…
Одеваю я пимы,
выбегаю на мороз,
в рукавичку прячу нос.
А на речке у обрыва –
ребетня и шум крикливый.
Кто на лыжах, кто на санках –
машет шапкой мне друг Санька.
С горки мчит он на трамплин…
Дзинь!..
Взметнулся снежный дым.
Санька белый, весь в снегу.
Я к нему бегу… бегу…

ИГРА В ЛАПТУ

Лапоть…
лапотный…
лапта…
Древних лет созвучье!
…Над деревней заблистал
майский яркий лучик.
За оградой, на лугу,
на большой лужайке
с тряпочным мячом бегу
за дружком, что в майке.
Осалить его хочу, –
бац мячом – и мимо!
Друг лаптою бьет свечу,
мяч несется с силой.
Я его ловлю: «Ура!»
Смена – другу в поле…
Довоенная игра,
допотопная игра
на лужайке вволю!
Иногда теперь в быту
вспоминаю с грустью:
прятки,
городки,
лапту –
что любилось Русью.
Ведь играли испокон
на честном народе,
и звучало:
«Бита»…
«Кон»…
«Пригород.»
«Кто водит?»

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Замела пурга дорожки…
Лес притихший – осторожен…
Ель покрыта снежной шубкой,
зеленью лучится вся…
А кустарник в белой юбке
спит в овраге, затаясь…
В мягкой шляпе, набекрень,
на опушку вышел пень…
Стог сияет на поляне,
он – в папахе великана…

Лисий след…
Вот крыльев взмах
на снегу… и писк в кустах?..
… Лес искрится и поёт –
в сказку зимнею ведёт!

ФИЗЗАРЯДКА

Встаю до зари, в окнах тьма голубеет,
тихо-тихо в дому, детям видятся сны…
Видеть сны не хочу, лучше встретиться с зорькой,
потому и спешу поскорее за дверь!
А на улице тьма разбавляется светом,
проступают яснее дома и кусты.
Фонари лишь мерцают.…
На листьях росинки,
словно звезды спустились на землю за ночь.
Из густых тополей слышу гомон скворчат
и на крыше соседней воркует голубка!..
День еще не взошел, день еще не начат – я предчувствием встречи волнуюсь!
…Над рекою полоской зардела заря
и в воде замерцали оранжево блики.
Я бегу вдоль реки и ликует душа!
Торжествует!..
И хочется крикнуть:
«Эй, вы чайки, несущие свет
на крылах,
эй, вы вербы – цветущий мой остров,
над разливом реки в свете ясной зари
наполняйтесь чарующей жизнью!..
Люблю этот час, обновляющий мир,
и ликующей жизни навек
благодарен!»

ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАКАЛКА

ГОРОДКИ

Я играю в городки
на зеленом поле,
зуд в плечах, как от тоски
по забытой воле!
С косарями я косил,
лес валил в деляне
и с тобой, Игнатий, жил
общими делами.
Так что очень не гордись
удалью старинной,
не проигрывал ни в жизнь?
– А мне ли быть с повинной?!
Бью с размаха: звон плывет
колокольным гулом,
в вихре пыли «пулемет» –
словно ветром сдуло!
«Крепость» – в щепы!..
Охнул «Рак»!
«Серп» блеснул над битой!
Как Иванушка-дурак,
я не лыком шитый.
Распечатаю «письмо»,
доберусь до истины,
но, коварное, оно
хочет дольше выстоять!
А Игнатий тут как тут,
подпирает, ахает –
да, характером он крут,
впрямь, закалка пахаря!
Взмок я, труден очень «кон»
и мешает «пригород».
Долго целюсь, бью!.. И звон
сотрясает изгородь!

НА ПЕРВОМ ТУРНИРЕ

Он двинул в бой
не ту фигуру,
выигрывал –
и проиграл…
Сидит мальчишка,
брови хмуря,
и страшно оглянуться в зал.
А на щеке
румянец жаркий
сменила бледность –
и слеза
скатилась капелькою яркой…
– Так в жизни ход
вернуть нельзя!

ФОРВАРД

Мальчик худенький, светловолосый
на зеленом газоне маячит везде.
В майке спартаковской
с красной полоской
яростно носится –
весь пропотел.
Мяч от своей площадки
вратарской
легко подхватил,
устремляясь вперед…
Слева партнер, открываясь,
азартно:
– Пас мне, Юра! –
просит, орет.
Юра не слышит,
а может, не хочет,
обводит защитников сразу двоих, –
выходит к воротам –
удар его точен.
Вратарь, распластавшись,
у стойки затих.
Сижу на трибуне я…
Майский, тихий
вечер плывет, обласкав стадион.
И снова Юра напористо, лихо
рвется к воротам,
борьбой увлечен.
Простая игра между классами школы
без формы, без судей,
обшарпанный мяч,
а сколько задора, и каждый
доволен…
Ну словно финальный,
решающий матч.
Вот Юра впервые
почти с середины
партнеру дает ювелирный пас,
рывок совершает
по краю длинный,
но мяч перехвачен на этот раз...

ТРАМПЛИН

И мне мечталось: оттолкнуться,
взлететь – и радостно парить,
и в невесомость окунуться,
и в сне загадочном побыть…
…Стою у горки, ребятня
трамплин из глыбин
снежных строит
– и впрямь, занятная возня,
помочь, пожалуй, детям стоит.
Трамплин готов. Соседа сын
помчался, шарфик развивая,
взметнулся белый вихрь над ним,
под снег мальчишку погружая.
Смешки да хохот…но второй,
ручонками вовсю махая,
как стриж, подхваченный игрой,
высоко к небу подлетает.
И началось!.. Скольженье лыж,
мгновенье взлета,
вихрь падений…
А крики рвутся выше крыш,
ликуя детским вдохновеньем!
Счастливый взгляд из-под ресниц,
заснеженных, и вера в силы…
– Я вспомнил лето, стайку птиц,
которые летать учились.

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ
(1941- 1945 гг.)

Поистёрлись полозья, на сгибах
ремень
скрепляет старые санки…
Снег пушистый искрит,
улыбается день –
мы на речку спешим спозаранку!
Вот высокий обрыв…
С берега – и на лёд
несёмся в завьюженном вихре…
Опрокинулись санки – и белый,
как чёрт,
на горбушке катится Митрий…
Сашка Губин в сторонке
построил трамплин
и надел самодельные лыжи.
Лишь под кручею Петька
трясётся один –
он боится всего, плакса рыжий!
За полдня успеваем
расчистить каток.
К валенкам прикрепляем брусочки,
снизу – лезвие – проволоки кусок.
Тяп-да – ляп… И готовы конёчки!
Вместо клюшки-
загнутая палка, а мяч
сшит комочком из разных тряпичек.
… Край на край! – начинаем
весёлый матч –
шапки сняв, раскидав рукавички…

СПОРТ

Забава, праздник, чудо – средство
для исцеления души?..
Нет! Чаще – воля, крепость сердца,
рекордов новых рубежи!

РЕКОРДНАЯ ПОПЫТКА

Тело наэлектризованное
волю лихорадит!..
Молчанье вправду золото,
когда собраться надо.

Трибуны присмирели,
лишь кровь
стучит в висок!
Ты от заветной цели
всего на волосок!
Последние мгновенья –
от мира отрешен,
отвага,
вдохновенье
поставлены на кон!
Все прошлое ничтожно
пред этой высотой…
Вдруг чей-то шепот:
«…Сможет ли?...»
– как выстрел, за спиной.

НА ОСТРАВАХ ИРТЫША

По лыжне вдаль убегаю…
Иней лёгкой стаей
с белых веточек порхает,
на ресницах тает…
Лижут снег искристый лыжи…
За прибрежным колком –
тишь!..
Камыш высокий, рыжий
машет мне мятёлкой.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

Мой первый старт

Майское солнце пригревает травяную дорожку, утренний воздух пронзительно чист. На березах – первые влажные листочки. Радостно о чем-то каркают вороны.

Босые ноги легко несут мое худощавое тело. Бег радует, горячит, влечет. В залатанной рубашке держусь за спиной Николая Рыжова, одетого в новую маечку и трусики, обутого в белые спортивные тапочки. Оно и понятно: его отец – первый секретарь райкома партии, моя мать – техничка школы (отец погиб на фронте в 1944 году).

Сегодня – 7 мая 1948 года, соревнования в Солдатской средней школе посвящены празднованию «Дня Победы». Николай – щуплый, белобрысый, прилизанный паренек – во всем старается быть первым: и в учебе, и в комсомольских делах, и вот сейчас лидирует уже четвертый круг. Он, ежедневно делая зарядку, пробегал много раз по этому маршруту. Дистанция, три километра, проложена вокруг кладбища в центре поселка по лесной дорожке. Всего бежать – шесть кругов по полкилометра.

На слегка зазеленевшей от первой травки площадке разместился старт и финиш. Здесь - около сорока школьников, с десяток родителей, несколько учителей. Всем командует (в поношенной гимнастерке) молодой, красивый Лев Иванович, капитан в отставке, военрук школы. С секундомером и протоколом ему помогает девочка Нелли, моя одноклассница, дочь военкома. Розовощекая, в синей курточке с желтым шарфиком, она, хлопая в ладоши, болеет за Николая.

Заканчиваем четвертый круг. Пробегая стартовую площадку, слышу крики своих пацанов: «Чего ждешь?.. Жми!..Обгоняй!..»

В нашем забеге позади – еще 14 школьников 8-10 классов. Они отстают метров на сто. Мне до этого приходилось часто ходить на охоту и рыбалку, да и по хозяйству ежедневно вкалывал. Заготовка дров, сена, работа на огороде – далеко не из легких для деревенского мальчишки. Так что, физически я намного сильнее Николая.

Впервые не азарт, а какая-то злость на папенькиного сыночка заставила меня обойти соперника и прибавить ходу. Некоторое время слышал за спиной тяжелое дыхание, затем оно затихло. Все прибавляя и прибавляя, на финише оказался впереди всех на полкруга.

Одноклассники, поздравляя меня, спрашивали:

– А чего ты с самого начала боялся? Время-то у тебя – тринадцать с половиной минут, и третьего разряда не выполнил, а если сразу в полную силу, тогда бы другое дело...

Я вышел на награждение с сияющим лицом, в портках с закатанными крепко штанинами. На мои босые ноги плотно осела серая пыль. Мне аплодировали, а я, скромно опустив голову, почему-то смотрел на свои ступни ног, покрытые ссадинами и болячками. Ведь даже по лесу мне часто приходилось ходить босиком...

И еще, мне очень хотелось есть. Утром, перед соревнованиями, во всей избе я не нашел ни крошки хлеба...

В метель

Крупные белые хлопья быстро кружатся в воздухе, в промежутках между березами свиваются в тонкие кольца и оседают на ветках.

Все вокруг белым-бело.

На небольшой площадке школьного спортгородка собралась большая толпа. Старт на дистанцию 10 км затягивают, ждем бригаду судей, которые ушли на пятикилометровый круг по-новой торить лыжню. Их всего с контролерами пять человек. Вот они показались из леса, и главный судья вызвал на старт первые номера. Соревнования – районные, стартуют школьники и взрослые вместе, без деления на возрастные категории. В последних стартах подростки даже чаще выигрывали.

Как обычно выделили «группу сильнейших», с десятого по двадцатый номер. Всего участников – 36. У меня – четырнадцатый номер, считаюсь претендентом номер один на победу в гонке.

Сразу со старта лыжники уходят в березовый лес. Лыжня – рыхлая, кольца палок проваливаются глубоко, вязнут в снегу. Пройдя лес, спортсмены выбегают на открытое поле – там ветер, метель. Видно, как впереди все больше и больше сжимается цепочка стартовавших ранее меня. Оно и понятно: первые номера бегут почти по колено в снегу, лыжня чуть приметна, лишь красные флажки обозначают ее путь.

Одного за другим обхожу около десятка участников, но чувствую, как сзади ко мне приближается кто-то из стартовавших позднее. Плохо. Оглянулся – недалеко группа лыжников из 5-6 человек. Если и дальше так идти, меня достанут все сильнейшие, вышедшие со старта позже. Там среди них есть самый крепкий, плотный паренек из Меркутлинской школы. Его зовут Павлом, он всегда попадает в тройку призеров и запросто может выиграть у меня. Да и не только он.

Выкатываю из леса. На поляне впереди идут рядышком сразу трое. Достою их, обхожу, а дальше - еле заметный след лыжни. Отчетливо видно, как по полю скользят белые волны поземки, моментально засыпая узенькую колею. Опять оглянулся: совсем близко за мной – уже большая группа преследователей. Явно догоняют. Судя по времени старта, я некоторым из них проигрываю по минуте и больше.

Снова вхожу в лес. Между деревьями тихо, ветра и поземки нет, лыжня - накатанная. В конце леса, метров через пятьсот, должен закончится пятикилометровый круг, и надо идти на второй.

И тут в голову мне приходит смелая спасительная мысль: пока погоня главных конкурентов - еще на расстоянии 200-250 метров, надо убежать по хорошей лыжне от них, оторваться как можно дальше. И тогда снежная метель начнет засыпать за мной сильнее лыжню, так плотно, что у соперников, идущих сзади, исчезнет преимущество.

Делаю отчаянный рывок на пределе своих возможностей. Глянул за спину: преследователи явно отстают. Вот и стартовая площадка. Яркие спортивные флаги, судейский столик, присыпанный снегом. Лыжня здесь отличная – по ней катаются, греясь, с десяток болельщиков.

Иду на второй круг, вхожу в березняк. В нем также хорошая лыжня. Впереди маячит чья-то мощная фигура. Жму из последних сил, догоняю. Это Иван Андреевич, работник райвоенкомата, перворазрядник.

Только его достал, лыжня вышла из леса на поле и растворилась в белизне. Одни редкие флажки да кое-где ямки или бугорочки снега.

Медленно качусь за широкой спиной Ивана Андреевича, отдыхаю и соображаю: может, и не надо выходить вперед, топтать целину, а отсидеться до леса и там обойти. Конечно, если ждать – потеряю драгоценные секунды.

И тут мой ведомый оглянулся, оценил ситуацию, сделал шаг в сторону и по-военному скомандовал: «Вперед!...»

Я вынырнул из-за его спины, притопывая лыжами (они абсолютно не катили), помчался в вихре снежной пыли. На повороте скосил глаза: Иван Андреевич был уже метрах в тридцати, а дальше за ним – никого. Значит, основная группа преследователей отстала основательно.

Еле переводя дух, добежал до леса и по хорошей лыжне покатил вперед. Толкаюсь одновременно палками, отдышался. А за кустами – снова голая снежная поляна, и опять с притопом, бегом устремляюсь к дальнему лесу.

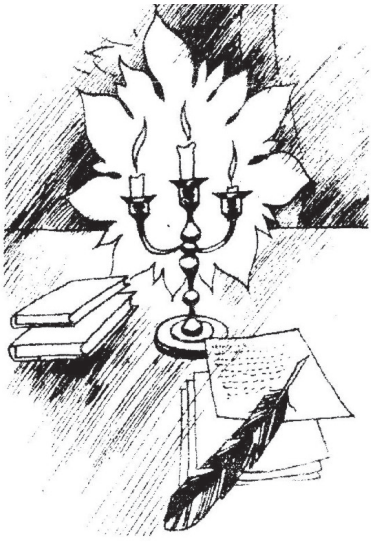
Странно: неужели обогнал всех – впереди не видать ни одной фигуры. Вот, наконец, большой предфинишный лес, а в нем – отличнейшая лыжня. И даже под лыжными кольцами снег утрамбован. Энергично толкаюсь палками, легко скольжу. И вылетаю из-за берез на финишную площадку.

Поздравления, поданная кем-то кружка горячего чая, лохматая шуба, накинутая на потные плечи. И радость в моей груди – я выдержал испытание одиночеством!..

Через минуту – другую финишировал Иван Андреевич, и почти следом за ним появилась группа лыжников во главе с моим главным соперником - Павлом. Он, сняв лыжи, сразу подошел ко мне, пожал руку, поздравил. С трудом шевеля посиневшими губами, обиженно вымолвил:

– Ну и компания за мной собралась. Один за всех торил лыжню, а из них никто ни разу не подменил, не вышел вперед. Такие вот – чужеспинники...

Судья объявил результаты. Оказывается, я выиграл всего-то 30 секунд у Павла.



РОДИНА

Много раз в далекой стороне
по Сибири в душных снах
томился,
скирдам золотистым на стерне
я тайком в полночный час
молился.
Мир лесов дремучих и полей,
луговое майское цветенье
с грустным кликом в небе
журавлей –
вот моя отрада и спасенье.

М.Д.Ильченко

МНЕ СНИТСЯ

Когда мне грустно и когда печаль
сжимает сердце жесткими
тисками –
мне видится в лучах речная даль,
разлив весенний, тихий, с
камышами.
Там отмель... По-сиротски
кулички
бегут и плачут на песчаной глади.
И там в траве не спят в ночи
сверчки...
О, сохранись, Природа, Христа
ради!
Мне снится снова мостик из
жердей,
знакомая, обшарпанная лодка...
И в ней мальчишка машет мне:
“Скорей!..”
То – закадычный мой дружок,
Володька.

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Она стоит над речкою царевной –
возвышенная, светит и искрит!..
Иду я к ней на исповедь, как в
церковь,
в листве зеленой божество горит!
Вхожу под ветви: тишина
сквозная
прохладой свежей веет мне в
лицо...
Березка-мать, в коре твоей, я
знаю,
есть шрамы, что оставлены
отцом.
Отцом, погибшим в страшную
войну –
и эту горечь я в душе храню.

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Я снова вернулся. Над речкою
Оша
все также стоит деревенька моя,
здесь с первою легкой, веселой
порошей
на свадьбу друзья пригласили
меня.
Любуюсь деревней: сенник в
огороде,
и живность кричит во дворе...
Как прежде, с ружьем я иду на
охоту
на утренней чистой заре.

САРГАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Нет, не злостный ураган
эти вздыбил кручи -
захоронен здесь в курган
человек могучий!
Был он воин-богатырь,
иль охотник смелый...
Степь цветет... Такая ширь!..
И ковыль – сон белый.

НАВЕК ДЕРЕВЕНСКИМ
ОСТАНУСЬ

Завод – из железа и стали,
дворец – из бетона, стекла...
Вы сердцу роднее не стали
с тех пор, как судьба нас свела.
Мне с детства милее избушка
с геранью в открытом окне,
где рядышком – голос кукушки
пророчит о теплой весне.
Где запах рассветной поляны
рождает любовную дрожь...
Навек деревенским останусь,
в душе моей – небо и рожь!

КРАЙ РОДИМЫЙ

***

Сибирь моя родная,
твой свет в душе моей!
Просторней нету края,
нет края красивей!
Люблю метель, морозы.
Люблю большой разлив,
где островки берёзок,
где отсвет грустных ив!
Люблю Иртыш могучий
в весенний ледоход.
Люблю причал под кручей
и белый теплоход.
Любуюсь хлебным полем,
вершу в лугах стога.
Суровым своевольем
тайга мне дорога.
Иду я Прииртышьем
в таёжный край глухой,
и хмелем, мёдом дышат
рассветы над тропой.

НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

Моя душа летит к озёрам,
к прозрачной, голубой воде!
– Люблю Сибирские просторы
и не забуду их нигде.
Мне даже солнечные пляжи
у моря не заменят их!..
Лежу и думаю: вояжи
к чему, не пишется коль стих!?

ДАЧНЫЕ ЗАБОТЫ

Люблю чердак. Встаю в заре глухой
и долго разминаю плечи, ноги...
И вот уже тружусь, как заводной,
и молодею сердцем понемногу.
Копаю... Лью... На грядках сею мак
и подрезаю кустики малины.
Смородиной цветущий сад пропах,
и этот запах – непреодолимый.
Вдыхаю сладость, радуюсь, живу
и жадно вглядываюсь в синеву!

р. Карьер

МЕДОНОСЫ

Май пришел... Цветут поляны,
и снуют шмели и осы,
рядом пчелы – дух дурманный!
Это время медоносов.
В каждой маковке цветка
жизнь прекрасна и сладка!

ЗОДИАК

Пояс неба повис над Вселенной.
Солнце движется год по нему,
и двенадцать созвездий ступенями
поднимают рассвет через тьму.
Зодиак – это звездные знаки,
что летят по орбите своей...
Наступил Новый год – год собаки,
и мой пес стал мне вдвое родней!

***

Где ельник высился густой,
торчат, чернея, пни...
Где был реки разлив большой,
там камыши одни...
А луг распахан до плетней:
пыль, чернота да зной...
Лишь стайка белых голубей
взлетает над избой.

НА ЗИМНЕМ ОСТРОВЕ ИРТЫША

Иней кружит осторожно
между веточек берез…
Лес холодный примоложен
светом снежных
чистых звезд!
Лыжи лижут снег зернистый
и от палок позади
вьется белый вихрь искристый,
– сердце рвется из груди!
Белизна слепит до боли
и чечетки в конопле
кормятся у кромки поля
на желтеющей меже.
Конопля –
сорняк и только,
но смотрю я удручен:
наркоманов всюду столько
вот за этаким сырьем!...
Я хмелею от морозца,
возбужден и весел я…
– и не надо мне колоться
и курить,
и пить зелья!..

А.И.Грачеву

О ВЕЧНОМ

Долдонят мне друзья кругом:
“Стихи про космос?!
То – навечно!..”
Я соглашаюсь... Но молчком
пишу о самом о простом –
о теплоте сердечной.
О, звезды, звезды?! Славят вас,
но жизнь бы враз померкла
без света добрых, милых глаз,
без любящего сердца.
Пусть небо в тучах, солнца нет,
но не пугает вечер,
когда пишу, как дорог свет
любви, и как он вечен!

НА СЕНОВАЛЕ

Над крышей тихий звездный дождь.
Пора бы спать, чего ты ждешь?..
Шумит за изгородью речка
да коростель поет в лугах...
И сладко екает сердечко
о невозвратных, тех годах.

***

Долгожданная, майская,
здравствуй заря!
По тебе я томился средь ночи не зря.
Ты одна мне сегодня сумела помочь:
Освежила мне душу, тень выгнала прочь!
Ты любовно зажгла все земные цвета –
и сверкают леса, и искрит пахота!

БЕРЕЗОВЫЙ СВЕТ

Берёзовый колок

Ноябрьское утро. Вокруг – безысходность и серость слякотной погоды. Выпавший недавно плотный снег несколько дней красовался своей белизной и чистотой, да на прошлой неделе оттепель стерла его с лица земли.

А березовый колок чутко дремлет в ожидании зимы, каждой веточкой погружаясь в задумчивые сумерки дня. На опушке съежился полинялый стожок сена, обнесенный от потравы изгородью. Чуть подальше на поле желтоватая стерня отсвечивает холодом и пустотой.

Разглядываю ближайшую березу, ее снежную бересту, женственную мягкость и плавность линий ствола. Вижу десятки черных зрачков, выглядывающих из коры. Одни поменьше размером, другие покрупнее – но все пронзительно черно-черные, пристально устремленные в окрестности.

Я замираю под немигающими прицельными взглядами этих зрачков. В детстве однажды они мне показались шрамами. Это было на кладбище, где теперь покоится моя мама.

Прохладная сырость, тихо-тихо. Березы грустят о белой завораживающей пороше, их дыхание ощущается четко. Рядом, на меже, на конопляник уселась стая красногрудых чечеток. В гуще берез невесть откуда появились, запорхали синицы. Перепрыгивая по веткам, резко щебеча, оживили лес!..

Медленно обхожу колок, время от времени останавливаюсь, поглаживая ладонью округлости и корявины берез. Белый островок деревьев доверчиво наблюдает за мной сотнями черных зрачков.

Да, скоро-скоро вьюги и бураны с белопенными снегами налетят в поля, укроют все белой печалью. Какою будет зима для меня?.. Какие холода и вьюги постучатся в мое окошко?..

От этих нечаянных сравнений-раздумий березовый колок становится ближе и роднее моей душе. Замедляю шаг и снова с замирающим сердцем слушаю наплывающую тишину...

Беззвучно роняю слова: *«Да сохранит тебя Бог от вырубки и лихолетий, мой березовый колок!.. Теплой и метельной зимы, сугробов по пояс. Сказочных снов тебе!.. До весны!..».*

Следы на снегу

Лес начинался сразу за нашим огородом. По утрам я удивленно рассматривал на чистом снегу свежие заячьи следы.

– *Дедушка Илья, зачем зайцы прибегают к нам в огород. Там уже нет морковки и капусты,* – недоумеваю я. Дедушка хитро усмехается, поглаживая свою седенькую бородку. Молчит, а затем спрашивает меня:

– *А кого зайцы в лесу боятся?*

– *Ну, серого волка и хитрую лису,* – отвечаю я.

– *Так вот,* – продолжает дедушка, – *холодными ночами зайчишкам особенно страшно. Трещит мороз, осыпаются с веток комья снега, светит яркая луна. Им не спится, и они бегут поближе к деревне. Самые храбрые забегают даже на огороды. Их не пугает, что лают собаки. Зато серый волк и лисица очень боятся собак. Так зайчишки и спасаются от них под боком у людей.*

Родной язык

Это сейчас в парниках рано выращивают огурцы, редиску. Лук зеленый – теперь круглый год. А в детстве, я помню, как только зазеленеет первая травка, мы шли в поле. На солончаковых лугах рвали дикий лук, щавель. Я недоумевал тогда над словами «луг» и «лук», над их созвучием и однородностью.

Теперь мне, взрослому, это ясно. Мне радостно, что я еще с малых лет познал родословную своего языка.

Народный язык в название вкладывает суть предмета, его существо. Огород – от слов огораживать и родить. Грива – когда колосится хлеб, очень похожа на золотистую лошадиную гриву. Возле нашей деревни лошади паслись иногда вместе с лосями, признавая свое родство. Да, домашние животные и растения произошли от диких, а ягоду малину, клубнику, смородину и не отличишь, которая из леса, а какая из сада.

Ни одна деревня, ни одно озеро или речка не названы просто так, случайно. В каждом названии – народная мудрость, определение сути, лицо.

Вот речки – Серебрянка, Камышовка, Светлая... Озера – Круглое, Долгое, Пестренькое, Лебяжье, Дикое. Так же и деревни – Островная, Сергеевка, Солдатка, Приозерка, Малиновка...

Стоит мне услышать название села, и я сразу точно представляю, какое оно, где расположено и многое другое.

Я люблю старинные русские слова, они – как из песни, из жизни: «Зоренька», «Молодец», «Красна девица», «Касатка»... Особенно мне нравится язык природы, – точный, красочный, выразительный, запоминающийся навсегда: зарница, отава, елань, излучина, ведро, лог, заимка, талица, старица...

Трутник

(трубчатый гриб, растущий на деревьях)

Стояла наша деревушка в глухомани лесов и болот. Шла война с фашистами. Не было спичек и, как говорила бабушка Леля: *«Их днем с огнем не сыщешь...»*. А как раз огонь-то нечем было разводить, чтобы зажечь в печке дрова. И вот тогда дедушка Илюша принес из леса какой-то нарост с дерева, назвав его «трут», объяснив, что это – гриб. Высушили мы гриб на печке, и он стал внутри пушистым, как мох. Взял дедушка в руки какой-то серый камушек и резко ударил по нему железкой. И посыпались искры. Упали на «трут» – и гриб задымился. Дедушка подул на него – и вспыхнуло пламя. Бабушка Леля подошла с лучиной, зажгла ее и растопила печь. Глядя в мои изумленные глаза, она пояснила:

– Гриб в народе называют просто «трут» за то, что нелегко высечь искры, чтобы разжечь огонь, и еще – с давних времен он хранится в каждом доме...

Вечером втихомолку от деда я взял «трут» с камушком и вышел во двор. Начал потихонечку бить по камушку железкой. Безуспешно. Ударил сильнее. Выскочила одна маленькая искорка и мгновенно погасла. Я долго-долго повторял удары, но «трут» не загорался. И только изрядно набив до крови палец, наконец, высек большую искру, и «трут» сразу воспламенился. На второй-третий день я это делал уже увереннее.

И теперь, когда взрослые говорят о своей работе или произносят слово «труд», я почему-то сразу вспоминаю гриб «трутник», который в простонародной речи называют просто – «трут».

Березовый свет

С малых лет люблю березовые рощи. Их вокруг нашей деревни – не счесть. Есть осиновые колки, заросли ивы, зеленые веселые рямки – но березовый свет и зимой, и летом всегда манит меня необыкновенной своей чистотой, близостью. Слово «Сибирь» для меня состоит из двух основных понятий: снег и береза. Да, это мое восприятие России с детства – белые снежные равнины и березовые леса.

Вся моя жизнь прошла среди берез: мои радости, встреча с любимой девушкой, сборы грибов и ягод, охотничьи зори – все связано с нежными, очаровательными березовыми рощами. Они всегда в сердце, навеки родные.

Береза – исключительное, необыкновенное дерево хотя бы потому, что в нем есть красящее вещество – бетулин, и клетки бересты имеют такой специфический цвет. Цвет фаты невесты, цвет целомудрия, цвет чистоты. Неповторимый, единственный.

Как-то в августе, собирая грибы, отдыхал, сидя под одной березкой. Налетел ветерок, и на меня посыпались семена – крохотные, просто микроскопические. Они оригинальны и прелестны: это плодики, имеющие по бокам два овальных крылышка, чтобы разлететься далеко-далеко!..

Да, береза – символ моей Сибири, моей Родины. Березовым светом озарена моя душа. Белоснежные, милые деревья повсюду встают на моем пути, приветствуя меня в родимом краю.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ (циклы стихов)

Приход весны 4-5
На солнечной завалинке 8-9
Ромашковый луг 12-13
Летний свет..... 16-17
Мне рыбалка - хобби 20-21
Лесной ветерок..... 24-25
Птичьи голоса..... 28-29
Хлебное поле 32-33
Грибное царство 36-37
Сельские заботы..... 40-41
Осенние перемены 44-45
Лесные встречи 48-49
Звериные места 52-53
Предзимье 56-57
Охотничьи зори 60-61
Поземка 64-65
Морозные узоры..... 68-69
Оттепель..... 72-73
Физическая закалка..... 76-77
Край родимый..... 80-81

ПРОЗА (рассказы)

ВЕСЕННИЙ СВЕТ..... 6-7
Первые краски весны
Бал-маскарад
Ночная птица

ПРИЛЁТ ПТИЦ.....10-11
Весенние игры
Маленький скворечник
Апрельские зайцы

ВЕСЕННИЕ ЗОРИ 14-15
Необычный подснежник
Кряква в сорочьем гнезде
Военный порох

КАРТИНЫ ДЕТСТВА 18-19
Волчье лыко
Майский озимок
Жажда жизни
Горностай

ЛЕТНЯЯ ПОРА 22-23
Пушинка
Дачные воробьи
Лесная встреча
Мостки

ЛЕСНЫЕ ТАЙНЫ 26-27
Переход
Ёжик
Камышовка
Соловей Варакушка

НА РАЗЛИВАХ..... 30-31
Речные зори
Озеро Долгое
Дятлы
На закате

ПТИЧЬИ УГОЛКИ..... 34-35
Куропат
Необычное гнездо
Солдатики
Сибирская лиственница

ОЗЁРНЫЕ ПРОСТОРЫ ... 38-39
Лунность
Нырок
Подкидыш
Красная трава
Линька

СЕЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ ... 42-43
Пахотный клин
Травяное озеро
Постоянство
Прощание с летом

ОСЕННИЕ НАСТРОЕНИЯ..... 46-47
Поздняя ягода
Домашние и дикие
На Камышином
Опята
Берёзовый ключик

ЛЕСНЫЕ ОБИТАТЕЛИ... 50-51
Барсук
Лисёнок

ЗВЕРИНЫЕ ЛЁЖКИ 54-55
Лось
Медвежонок
Норка

ПРИМЕТЫ СЕНТЯБРЯ.. 58-59
Раннее предзимье
Богатый сентябрь
Ветер-«листобой»

ОХОТНИЧЬЯ ТРОПИНКА..... 62-63
Выезд на зорьку
Тетерев
Непогода
Моя заря
Охотничья избушка

НАЧАЛО ЗИМЫ 66-67
Лебединый плач
Ондатровые домики
Зимним утром
Снежная книга

МОРОЗНЫЙ ИНЕЙ..... 70-71
Необычная зима
Переселенец
«Светит, да не греет»
В Рождественскую ночь

КАПРИЗЫ ПОГОДЫ..... 74-75
Вьюжный февраль
Ледяной панцирь
Чарым
Дед Паша

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 78-79
Мой первый старт
В метель

БЕРЁЗОВЫЙ СВЕТ 82-83
Берёзовый колок
Следы на снегу
Родной язык
Трутник
Берёзовый свет

РЕДАКЦИЯ
Координатор проекта Зензина Е.В.
Фотоработы: Ляпин В.Н., Гашеев В.И.
Корректор Янковская Б.А.
Свёрстано в редакции «ИГРА СВЕТА»
Тираж 3000 Отпечатано: типография «Айсинг»